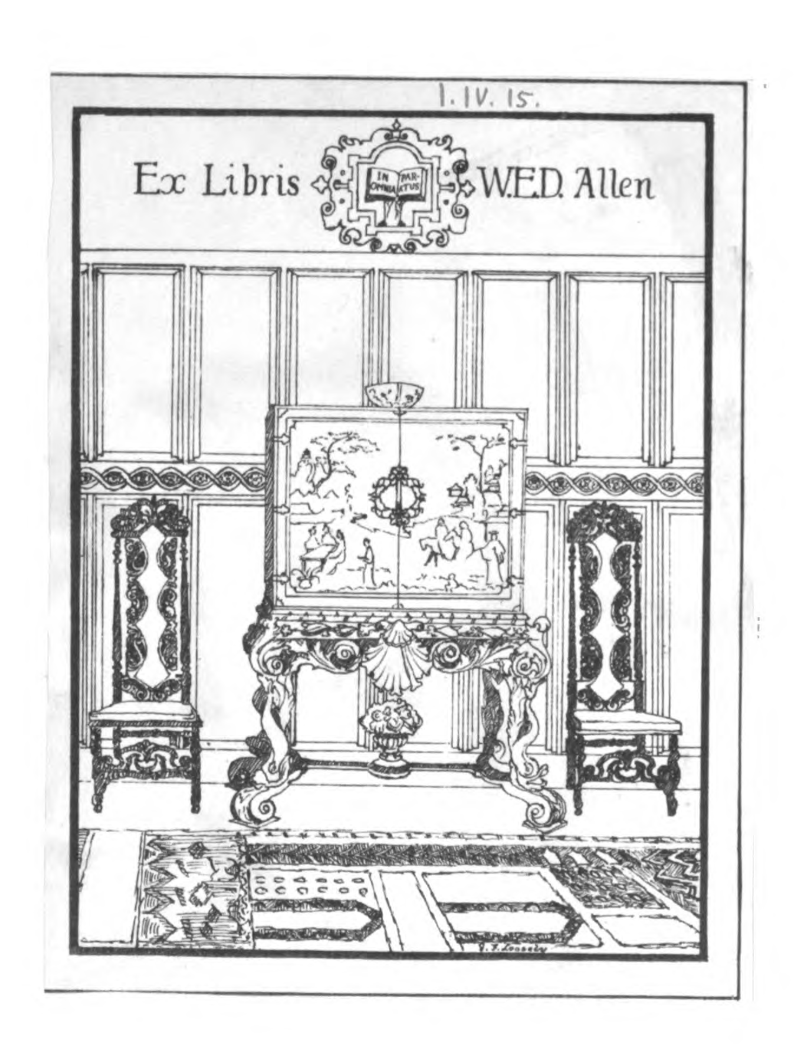

1. IV. 15.
Ex Libris
IN PAR-
OMNIA ATUS
W.E.D. Allen

ТЕКСТЫ И РАЗЫСКАНІЯ
ПО
АРМЯНО-ГРУЗИНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.
КНИГА VIII.

Gosudarstvennyĭ stroĭ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

drevneĭ Gruzīi i drevneĭ Armenii

ДРЕВНЕЙ ГРУЗІИ И ДРЕВНЕЙ АРМЕНІИ.

ТОМЪ I.

Изслѣдованіе
И. Джавахова.
I. Dzhavakhishvili

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин. № 12.
1905.

Напечатано по опредѣленію Факультета Восточныхъ Языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. 4 декабря 1904 года.

Деканъ *В. Жуковскій.*

Секретарь *П. Меліоранскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **Населеніе.**

II ЧАСТЬ. **Арменія.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задачей автора было изучить древнѣйшій государственный строй Грузіи и Арменіи; во время изученія онъ совершенно не пользовался данными ванскихъ клинообразныхъ надписей въ виду того, что языкъ этихъ надписей еще почти совершенно не изученъ ни лексически, ни грамматически; да кромѣ того всѣ интересные для него термины передаются въ надписяхъ большей частью идіограммами, и для намѣченной цѣли не имѣютъ никакого значенія. Вслѣдствіе этого пришлось къ сожалѣнію отказаться отъ пользованія ванскими надписями.

Въ части объ Арменіи не цитируется книга Hübschmann'a Die Altarmenischen Ortsnamen (Indogermanische Forschungen, B. XVI) въ виду того, что работа объ территоріальныхъ названіяхъ произведена нами самостоятельно и ничего существенно новаго трудъ Hübschmann'a не даетъ.

ГРУЗІЯ.

Введеніе.

Въ современной исторической литературѣ о Грузіи вопросъ, изученію котораго посвящено данное изслѣдованіе, почти совершенно не разработанъ: поэтому автору приходилось производить разысканія въ этой области впервые — задача была въ высшей степени трудная и сложная. Правда, еще знаменитый грузинскій ученый царевичъ Вахуштій взялся за выясненіе государственнаго строя Грузіи и въ своемъ введеніи къ *Географичєскому описанію Грузіи* (შესავალი. ზნენი და ჩვეულებანი საქართველოსანი. См. изд. M. Brosset Description géographique de la Géorgie. стр. 4—7; 10—22) пытался дать общій очеркъ государственной организаціи, сословій, войска, правосудія и компетенціи должностныхъ лицъ; у него замѣтно даже желаніе соблюдать историческую перспективу, выяснить, съ какого времени появляется тотъ или иной институтъ (ср. напр. ibid. стр. 28—29, гдѣ онъ говоритъ о дополнительныхъ привилегіяхъ мтаваровъ, объ учрежденіи должности перваго министра и атабекскаго званія), тѣмъ не менѣе выполненіе задачи нельзя признать удачнымъ: основной недостатокъ заключается въ томъ, что современные автору порядки вліяли на его представленіе о государственномъ строѣ древней Грузіи: именно историческая перспектива соблюдена весьма слабо; авторъ не изучалъ вопроса детально по эпохамъ. Кромѣ того, имѣются недочеты и въ классификаціи (такъ напр. эриставское достоинство Вахуштій относитъ къ сословіямъ см. ibid. стр. 10—11) и т. д.

За выясненіе государственнаго строя древней Грузіи принимался и царевичъ Теймуразъ *), и ему удалось нарисовать картину древнѣй-

---

*) ისტორია იბერიისა.

шей эпохи весьма удачно и приближающуюся къ той, которая будетъ представлена читателю на основанiи сравнительнаго изученiя извѣстiй греческихъ и туземныхъ источниковъ.

Существеннымъ недостаткомъ изложенiя Теймураза по этому вопросу должна быть признана полная голословность и отсутствiе ссылокъ; въ виду этого невозможно установить, были-ли у него какiе-либо матерiалы, напр. относительно совѣта выборныхъ, порядка и состава судовъ и т. п., или онъ руководствовался въ подобныхъ случаяхъ аналогiей со строемъ другихъ государствъ; выяснить же это было весьма важно, такъ какъ имѣющiеся теперь матерiалы, несмотря на то, что за послѣднiе двадцать лѣтъ найдено много новыхъ источниковъ, не даютъ никакихъ свѣдѣнiй относительно существованiя совѣта выборныхъ. Несмотря на этотъ важный недостатокъ, изложенiе Теймураза, нарисованная имъ картина соцiальнаго строя древнѣйшей эпохи Грузiи, настолько интересна и можетъ быть во многихъ случаяхъ оправдана историческими свидѣтельствами, что вполнѣ естественно было ожидать, что послѣдующiе изслѣдователи пошли бы по намѣченному пути и дали бы уже обоснованныя монографiи о государственномъ строѣ Грузiи за интересующiй насъ перiодъ. Однако, на самомъ дѣлѣ вышло совсѣмъ не такъ. Уже М. Броссе въ своей Исторiи Грузiи вернулся къ традицiонному представленiю и слѣдовалъ въ изложенiи исторiи древнѣйшаго перiода Грузiи за «Картлисъ Цховреба» (см. его საქართველოს ისტორია. I, стр. 10—11).

Равнымъ образомъ, хотя онъ въ своемъ Essai sur l'organisation sociale de la Géorgie, au moyen des chartes (см. Histoire de la Géorgies Introduction et Tables de matières) и приводитъ описанiе государственнаго строя Иберiи, принадлежащее перу знаменитаго географа Страбона — основной источникъ для изучаемаго вопроса, — но оставляетъ его безъ коментарiй; между тѣмъ какъ, при знакомствѣ съ изложенiемъ ц. Теймураза, это описанiе естественно должно было привлечь его вниманiе и уяснить ему соцiальный строй древней Грузiи.

Такъ безслѣдно прошло и описанiе Страбона и набросанная царевичемъ Теймуразомъ картина для Броссе и остальныхъ изслѣдователей грузинской исторiи; ни Д. Бакрадзе (საქართველოს ისტორია), ни Ф. Жорданiя (Хроники и др. кн. I), ни М. Джанашвили (საქართ. ისტორია), занимавшiеся начальнымъ перiодомъ прошлаго грузинскаго народа, не отошли существенно отъ традицiоннаго представленiя, а слѣдовали всецѣло за «Картлисъ Цховреба», видя подъ влiянiемъ остро-

умной, но не вполнѣ правильной теоріи Сенъ-Мартена (Vivien de Saint-Martin. Recherches sur les populations primitives et le plus ancien traditions du Caucase, Paris, 1847, ср. 48—67) въ начальной части этого памятника отраженіе народныхъ преданій миѳологическаго періода; между тѣмъ какъ она является продуктомъ книжнаго, ученаго представленія грузинскаго историка Леонтія Мровели. Такимъ образомъ, труды историковъ оказались совершенно безрезультатными по отношенію къ изученію соціальнаго строя древней Грузіи. Съ другой стороны, хотя увлеченіе, вызванное соціологіей и сравнительной этнографіей, и возбудило въ грузинской литературѣ большое оживленіе: появилось много хорошихъ и интересныхъ работъ, посвященныхъ изслѣдованію обычаевъ грузинскаго народа, а сравнительное изученіе соціологическихъ явленій, наблюдаемыхъ у грузинскихъ племенъ, привело извѣстнаго русскаго ученаго М. Ковалевскаго даже къ весьма важнымъ и любопытнымъ выводамъ (Законъ и обычай на Кавказѣ), — но и это теченіе осталось безрезультатнымъ для выясненія государственнаго строя древней Грузіи: историки оставались глухи къ этому движенію и не пытались изучить древне-грузинскіе историческіе памятники съ соціологической точки зрѣнія; соціологи и этнографы же съ своей стороны не брались за такую задачу и, если затрагивали извѣстныя имъ историческія свѣдѣнія, то только случайно, мимоходомъ; и вотъ, предстояла задача, изучить для выясненія государственнаго строя древней Грузіи историческіе памятники сами по себѣ, безъ привлеченія современныхъ этнографическихъ матеріаловъ; однимъ словомъ, извлечь все, что можно взять изъ историческихъ свѣдѣній, для выясненія интересующаго насъ вопроса; вполнѣ понятно, что изученіе съ этой точки зрѣнія грузинскихъ матеріаловъ должно было итти параллельно и сравнительно съ изученіемъ сообщаемыхъ классическими писателями свѣдѣній о древней Грузіи.

Работа продѣлана, изслѣдованіе закончено и картина государственнаго строя древней Грузіи, которая представится читателю, — далеко несовершенна; имѣющіяся историческія данныя черезмѣрно скудны и отрывочны, чтобы возможно было полностью возстановить соціальную жизнь древнѣйшаго періода Грузіи. Автору даннаго изслѣдованія кажется только, что, несмотря на неполноту картины, его труды въ отношеніи выясненія государственнаго строя, происхожденія царской власти, территоріальныхъ дѣленій и основъ сословнаго различія не остались совершенно безрезультатными: дальнѣйшія ра-

боты въ этомъ направленіи, новые матеріалы, которыхъ, можно надѣяться, впослѣдствіи найдется немало, выводы доисторической археологіи Кавказа, находящейся въ данный моментъ еще въ зачаточномъ состояніи, и данныя сравнительной лингвистики, еще только зарождающейся, дадутъ въ будущемъ возможность восполнить добытые скудные результаты. Данный трудъ касается исключительно древнѣйшаго періода; вопросы о политикѣ римской имперіи и сассанидскаго правительства и вліяніи этой политики на строй грузинскаго общества почти совершенно не затронуты, въ виду того, что авторъ предполагаетъ посвятить имъ спеціальную монографію; точно также выдѣлена для спеціальной монографіи глава объ разселеніи картвельскихъ племенъ, такъ какъ для полной разработки даннаго вопроса оказались необходимыми нѣкоторые лингвистическіе экскурсы, выполненіе которыхъ въ настоящій моментъ представлялось невозможнымъ; такимъ образомъ, задачей предлежащаго изслѣдованія является изученіе исключительно государственнаго строя древней Грузіи; при этомъ были привлечены сохранившіяся у греческихъ писателей интересныя свѣдѣнія о соціальномъ строѣ всѣхъ картвельскихъ племенъ *), хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. тчаны, живущіе по южному побережью Чернаго моря, никогда, даже во времена высшаго политическаго могущества Грузіи, не входили въ составъ грузинскаго государства, — но это было важно для сравнительнаго изученія соціальныхъ институтовъ картвельскихъ племенъ.

Изученіе государственнаго строя Грузіи возможно только по даннымъ туземныхъ и классическихъ писателей; притомъ, для выясненія положенія вещей, особенно за древнѣйшій періодъ, приходится обращаться преимущественно къ греческимъ памятникамъ, такъ какъ туземный источникъ, «Картлисъ Цховреба», какъ это будетъ установлено ниже, даетъ мало реальныхъ фактовъ изъ начальной эпохи грузинскаго государства. Конечно, подобное преобладаніе свѣдѣній иностранныхъ историковъ не можетъ не отразиться на изслѣдованіи государственнаго строя Грузіи: греческіе и римскіе писатели, естественно, обращали вниманіе на Грузію постолько, посколько они приходили съ ней въ соприкосновеніе, посколько этого требовали ихъ

---

*) Къ таковымъ относятся кардухи, халибы, моссинойки, таохи, скиѳины, макроны и другіе; лингвическія и историческія данныя, которыя заставляютъ ихъ относить къ картвельской группѣ, будутъ приведены въ изслѣдованіи объ разселеніи картвельскихъ племенъ.

государственные и экономическіе интересы. Однако и въ этомъ преобладаніи иностранныхъ наблюдателей есть одна своя незамѣнимая сторона, въ высшей степени драгоцѣнное качество: чужеземному, постороннему наблюдателю и ученому легче замѣтить особенности соціальнаго строя изучаемой страны: каждое уклоненіе отъ ему извѣстныхъ нормъ невольно бросается въ глаза, естественно интересуетъ его новизной,—и онъ вноситъ свѣдѣнія объ этомъ въ свое произведеніе, въ то время какъ отечественный историкъ не обратилъ бы на нихъ, какъ на общеизвѣстныя явленія, никакого вниманія, обошелъ бы молчаніемъ,—и благодаря этому многое, что особенно характерно для грузинской жизни, могло бы остаться незамѣченнымъ. Къ сожалѣнію, и свѣдѣнія классическихъ писателей не достаточно обильны, въ добавокъ, отрывочны и относятся къ различнымъ эпохмъ. Лучшее изъ описаній государственнаго строя Грузіи, которое можетъ служить опорнымъ пунктомъ, базисомъ для тѣхъ или иныхъ научныхъ построеній и выводовъ, принадлежитъ перу знаменитаго географа Страбона и относится къ началу перваго вѣка нашей эры. Съ изученія этого превосходнаго описанія и начнется данное изслѣдованіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Соціальный строй и происхожденіе царской власти.

Τέτταρα δὲ καὶ γένη τῶν ἀνθρώπων οἰκεῖ τὴν χώραν· ἓν μὲν καὶ πρῶτον, ἐξ οὗ τοὺς βασιλέας καθιστᾶσι, κατ᾽ ἀγχιστείαντε καὶ ἡλικίαν τὸν πρεσβύτατον, ὁ δὲ δεύτερος δικαιοδοτεῖ καὶ στρατηλατεῖ. δεύτερον δὲ τὸ τῶν ἱερέων, οἵ ἐπιμελοῦνται καὶ τῶν πρὸς τοὺς ὁμόρους δικαίων· τρίτον δὲ τὸ τῶν στρατενομένων καὶ γεωργούντων· τέταρτον δὲ τὸ τῶν λαῶν, οἳ βασιλικοὶ δοῦλοί εἰσι, καὶ πάντα διακονοῦντκι τὰ πρὸς τὸν βίον. κοιναὶ δ' εἰσὶν αὐτοῖς αἱ κτήσεις κατὰ συγγένειαν. ἄρχει δὲ καὶ ταμιεύει ἑκάστην ὁ πρεσβύτατος. τοιοῦτοι μὲν οἱ Ἴβηρες καὶ ἡ χώρα αὐτῶν (Geographia, Lib. XI, cap. III, Латышевъ, Извѣстія, стр. 140).

«Четыре рода людей населяетъ страну», говоритъ Страбонъ, «одинъ и первый изъ нихъ, изъ котораго ставятъ царей, по близости и возрасту самого старшаго [послѣ умершаго царя],— второе же [лицо послѣ царя] отправляетъ правосудіе и предводительствуетъ войскомъ. Второй — [состоитъ] изъ жрецовъ, которые вѣдаютъ и спорными дѣлами съ сосѣдями; третій — изъ тѣхъ, которые занимаются военнымъ дѣломъ и земледѣліемъ; четвертый — изъ простолюдиновъ, которые являются царскими рабами и обслуживаютъ царя всѣмъ [необходимымъ] для жизни. Имущества же у нихъ (т. е. населенія Иберіи) общи по родамъ; управляетъ же и распоряжается имуществомъ [каждаго рода] старѣйшій. Таковы Иберы и ихъ страна».

Въ переводѣ допущено сравнительно съ переводомъ акад. Латышева нѣсколько отступленій, имѣющихъ принципіальное значеніе для выясненія общественнаго строя Грузіи; о каждомъ изъ нихъ будетъ сказано своевременно, за исключеніемъ перваго отступленія, а

именно, перевода слова γένη черезъ родъ; употреблять слово «классъ», какъ это дѣлаетъ г. Латышевъ, неудобно потому, что въ современной научной литературѣ оно имѣетъ вполнѣ опредѣленное значеніе и указываетъ на дѣленіе общества по экономическому положенію,—между тѣмъ изъ описанія видно, что Страбонъ имѣлъ въ виду представить читателю дѣленіе жителей Грузіи по соціальному положенію; а такъ какъ употребленное акад. Латышевымъ слово «классъ» могло ввести въ этомъ отношеніи въ заблужденіе, то казалось лучшимъ передать γένη болѣе общимъ выраженіемъ «четыре рода людей».

Изъ описанія Страбона ясно видно, во-первыхъ, что въ *началѣ перваго вѣка нашей эры въ Грузіи частная собственность еще не существовала*, *имѣнія составляли общую родовую собственность*; болѣе того, авторъ указываетъ также на одну черту, лучше уясняющую положеніе дѣла, — онъ говоритъ «управляетъ же и распоряжается имуществомъ [каждаго рода] старѣйшій [членъ рода]», слѣдовательно у нихъ не только имѣніе, но и способъ эксплоатаціи и пользованія имуществомъ былъ общинно-родовымъ; такимъ образомъ, *родъ представлялъ изъ себя основу соціальнаго строя тогдашняго грузинскаго общества;* управленіе и власть принадлежали старѣйшему члену рода. Далѣе, если обратить вниманіе на слова Страбона касательно порядка престолонаслѣдованія въ грузинскомъ царствѣ, то нельзя не замѣтить, что и при управленіи отдѣльными родами и въ царскомъ родѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же принципъ старшинства: вѣдь авторъ описанія говоритъ, что царемъ ставили всегда «самаго старшаго по возрасту и ближайшаго» послѣ умершаго суверена, т. е. точно также, какъ въ отдѣльныхъ родахъ; *слѣдовательно, царская власть въ Грузіи была организована на подобіе власти старѣйшаго въ любомъ отдѣльномъ родѣ*; разница заключалась только въ томъ, что царь былъ въ тоже время главой рода, пользовавшагося привилегіей выставлять изъ своей среды сувереновъ грузинскаго народа. Отсюда мы заключаемъ, что *родъ и родовой строй должны считаться основой не только соціальной жизни, но и основой царской власти въ Грузіи.*

Какъ долженъ былъ именоваться въ изначальную эпоху грузинскій царь, представлявшій, какъ было указано, главу рода съ исключительными правами. Страбонъ называетъ его басилевс'омъ; на грузинскомъ языкѣ существуетъ два названія: მეფე и ხელმწიფე; обычное названіе царя მეფე «мепе» представляетъ изъ себя позднѣйшую форму, происшедшую изъ მეუფე «меупэ» слова, обозначающаго господина,

власть имущаго: въ евангельскомъ текстѣ, даже въ современномъ, для передачи понятія царь въ большинствѣ случаевъ употребляется форма «мэупэ». По подсчету, если я только не ошибся, двадцать разъ стоитъ «меупэ» (Мат. XVIII,23; XXI,5; XXII,2; XXV, 34,40; XXVII, 11,37,42; Маркъ XV,2,9,26,32; Лука XIX,38; XXIII,2,38; Іоаннъ XII,15; XVIII,37; XIX,3,12,19;) и только въ семи случаяхъ «мэпэ» (Мат. X,18; XIV,9, XVII,25; Маркъ VI,22; XIII,9; Лука I,5; XXI,12), при этомъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ въ греческомъ текстѣ имѣется βασιλεύς, а въ армянскомъ же въ 17 случаяхъ употреблено Թագաւոր, а въ трехъ (Марка XV,32; Луки XXIII,38 и Іоанна XIX,3) արքայ, оба слова одинаково обозначаютъ «царя». Въ современномъ евангельскомъ текстѣ только въ семи случаяхъ, какъ было указано, употреблена форма «мэпэ». Такимъ образомъ, преобладающее количество случаевъ указываетъ на древнѣйшую форму «мэупэ»; такихъ случаевъ было бы гораздо больше, если бы у насъ имѣлось критическое изданіе по всѣмъ древнѣйшимъ рукописямъ грузинскаго текста Евангелія.

«Хелмтципэ» ჴელმწიფე («хэли»=рука, власть и მწიფე «мтципэ»=спѣлый, полный) для обозначенія царя въ древнѣйшую эпоху почти совсѣмъ не употребляется: единственный разъ въ грузинскомъ текстѣ Евангелія встрѣчается слово «хэлмтципэ» у Луки въ XIX,17, гдѣ сказано «იყავ შენ ჴელმწიფე ათთაზედა ქალაქთა», но и въ данномъ мѣстѣ это слово не обозначаетъ царя, а власть имущаго, что ясно видно изъ соотвѣтственнаго мѣста греческаго Евангелія, въ которомъ стоитъ ἴσθι ἐξουσίαν ἔχων ἐπάνω δέκα πόλεων.

Сообразно со своимъ этимологическимъ значеніемъ въ древнѣйшую эпоху это слово употреблялось совершенно безотносительно и безразлично, кого-бы ни касалось: шла-ли рѣчь о высшемъ государственномъ сановникѣ, либо объ какомъ-нибудь незначительномъ административномъ чинѣ; такъ напр., въ *Житіи Евстаѳія Мцхетскаго* ремесленники Мцхета обращаются къ коменданту города по поводу одного судебнаго процесса съ такой фразой:

«აკაცი ერთი ჩუენის ჰსჯულისა-განი... აწ შენ მოუწოდე და ჰკითხე, რამეთუ ამას ქალაქსა შინა ჴელმწიფე ხარ» (изд. Сабинина Рай Грузіи, стр. 313).

«[есть здѣсь] одинъ человѣкъ нашей вѣры... призови и допроси его, потому что ты властитель (хэлмтципэ) въ этомъ городѣ».

Съ своей стороны комендантъ Мцхета, указывая на ограниченность своей власти въ вопросахъ, касающихся жизни и смерти гражданъ, употребляетъ выраженіе, еще яснѣе показывающее дѣйствительное значеніе термина კელმწიფე; окончивъ допросъ, онъ сказалъ:

«ამის კაცისა პატიჟი მე არა რაჲ კელმეწიფების, არცა ალბმა ძელსა, არცა პყრობილება»... (ibid. 314).

«Я не имѣю *власти* (хелметципебисъ) наказать этого человѣка, ни подвѣсить на крестѣ, ни арестовать».

Также достойно вниманія, напр., что историкъ Сумбатъ, авторъ сочиненія о *Происхожденіи Багратидовъ*, говоритъ про власть эристава Ашота Куропалата:

«განამტკიცა კელმწიფება მისი ნებითა ბერძენთა მეფისათა» (см. Три ист. Хроники, Такайшвили, 53).

«Утвердилъ свою *власть* (хелмтципеба) волею царя грековъ».

Итакъ, оба наименованія и მეფე мепэ и კელმწიფე хелмтципэ по своему этимологическому составу обозначаютъ господина, властителя, т. е. представляетъ нехарактерную черту власти и происхожденія грузинскаго царя и могли употребляться и употреблялись для обозначенія и всякой иной власти. Грузинскіе историческіе памятники сохранили то названіе, которое употреблялось въ древнѣйшую эпоху въ Грузіи для обозначенія суверена. Въ начальной части «Картлисъ Цховреба» *) у Леонтія Мровели встрѣчается нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ имѣются данныя объ этомъ; такъ напр., въ одномъ изъ нихъ говорится:

«თურქნი: ოტებულნი: მასვე: ქაიხოსროსგან: გამოვლეს: ზღუა: გურგანისი... და: მოვიდეს: მცხეთას: სახლი: ოცდა: რვა: და ეზრახვეს: მამასახლისსა: მცხეთისასა: ალუთქუეს: შეწევა: სპარსთა: ზედა:

«Турки, обращенные тѣмъ же Кейхосровомъ въ бѣгство, переплыли Гурганское море и пришли въ Мцхетъ [въ количествѣ] 28 домовъ и повели переговоры съ мамасахлис'омъ Мцхета и

*) Начальная часть «Картлисъ Цховреба», повѣствующая о древнѣйшемъ періодѣ груз. исторіи вплоть до царя Вахтанга Гургасала, часть, которой постоянно приходится пользоваться, принадлежитъ, какъ это видно изъ записи (см. Карт. Цх. ред. ц. Маріи, стр. 211 и изд. З. Чичинадзе, стр. 261) перу груз. историка Леонтія Мровели; поэтому каждый разъ, когда ниже будетъ ссылка на произведеніе Леонтія Мровели, нужно подразумѣвать вышеуказанную часть «Карт. Цхов.».

ხოლო: მამასახლის მან: მცხეთელმან: აუწყა: ყოველთა: ქართველთა: ინებეს»:.. (Редакція ц. Маріи, изд. Е. Такайшвили, стр. 12).

обѣщались ему помогать противъ персовъ; а мцхетскій мамасахлисъ сообщилъ объ этомъ всѣмъ грузинамъ и тѣ пожелали [принять Турокъ]».

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о достовѣрности самаго случая, сообщаемаго авторомъ вышеприведеннаго отрывка, нужно обратить вниманіе на то, какъ онъ именуетъ главу Грузіи, грузинскаго народа; онъ не называетъ его мепе или хелмтципе, обычными грузинскими терминами для обозначенія суверена; историкъ употребляетъ рѣдкое наименованіе **мамасахлиси**; это слово по своему этимологическому составу обозначаетъ **«отца дома** (მამა, мама, сахлиси, род. отъ сахли)»; такимъ образомъ, по словамъ историка глава грузинскаго народа носилъ названіе «мцхетиса мамасахлиси», то есть *«отца дома* Мцхета», или *мцхетскаю отца дома*».

Авторъ вышеприведеннаго отрывка даетъ одно еще болѣе важное свѣдѣніе, поясняющее употребляемое имъ рѣдкое названіе; излагая начальный періодъ грузинской исторіи, авторъ говоритъ:

«არავინ იყო მათ შორის უწარჩინებულეს და უსახელოვანეს, არამედ ადგილითი-ადგილად თავადნი იჩინიან: ხოლო რომელიცა იყვნის მცხეთას იგი იყვნის ყოველთა-მათ სხუათა ზედა, და არცა სახელ-ედებოდა მეფედ, არცა ერისთავად, არამედ მამასახლისი ჰწოდებოდათ და იგი იყვის მაზავებელ და ბჭე სხუათა ქართლოსიანთა, რამეთუ ქალაქი მცხეთა განდიდებულ იყო უმეტეს ყოველთასა და ჰწოდდეს დედა-ქალაქად» (Кар. Цхов. изд. З. Чичинадзе, стр. 24; въ редакціи ц. Маріи это мѣсто дефектно, см. изд. Е. Такаишвили, стр. 8).

«никто не былъ исключительно выдающимся и именитымъ, но въ разныхъ мѣстахъ ставили для себя главарей, — тѣ же [главари], которые были во Мцхетѣ, стояли надъ всѣми остальными [главарями] и не именовались они ни царями, ни эриставами, а назывались мамасахлис'ами и онъ (т. е. мцхетскій мамасахлисъ) бывалъ примирителемъ и судьей потомковъ Картлоса, такъ какъ городъ Мцхетъ болѣе всѣхъ другихъ былъ великъ и называли его матерью городовъ».

Итакъ, по словамъ историка, въ первоначальный, древнѣйшій періодъ цари въ Грузіи не носили того наименованія, которое было

обычнымъ въ послѣдующую эпоху, ему современную. Достойно вниманія при этомъ то обстоятельство, что авторъ въ числѣ возможныхъ названій царя указываетъ и на терминъ «эристави»; это даетъ основаніе предположить, что историкъ долженъ былъ жить въ такое время, когда «эриставы» дѣйствительно являлись представителями или замѣстителями царской власти, а это, какъ извѣстно, въ Грузіи имѣло мѣсто VIII—IX в., особенно въ первоначальный періодъ владычества Тао-кларджетскихъ Багратидовъ. Историкъ указываетъ съ особеннымъ подчеркиваніемъ на разницу, имѣвшую мѣсто въ наименованіи царской власти, и это заслуживаетъ особеннаго вниманія, очевидно, разъ историку приходилось напоминать современнымъ ему читателямъ, что въ древности грузинскіе цари назывались мамасахлисами, это показываетъ, что подобное наименованіе суверенной власти было уже неизвѣстно; оно давно, видимо, уступило мѣсто терминамъ «мепе» царь, и «эристави».

И если, несмотря на это, историкъ не былъ введенъ въ заблужденіе обычнымъ представленіемъ, рѣчь о которомъ будетъ еще ниже, это нужно объяснить какимъ-нибудь хорошимъ, древнимъ историческимъ памятникомъ, бывшимъ, вѣроятно, у него подъ руками. Итакъ, царь въ изначальный періодъ государственной жизни Грузіи назывался мамасхалис'омъ, т. е. «отцемъ дома, семьи». Какіе-же должны были быть въ древнѣйшую эпоху семьи, дома; что, собственно, нужно подъ этими словами подразумѣвать? Изъ описанія Страбона мы видѣли, что самая основная единица соціальнаго дѣленія былъ родъ, имѣнія были общи и управлялись самымъ старшимъ членомъ всего рода; родъ жилъ какъ бы одной семьей; это, конечно, еще не обозначаетъ, что всѣ сородичи должны были находиться подъ одной кровлей,—они жили одной родовой семьей, общей соціальной жизнью; слѣдовательно подъ семьей, домомъ, въ изначальный періодъ грузинской государственности нужно понимать родъ, родовую семью, родовой домъ; меньшее дѣленіе было неизвѣстно; значитъ «мамасахлиси» должно было обозначать «отца рода», или вѣрнѣе отца родовой семьи, иначе говоря, самого старшаго члена, того самого, который по словамъ Страбона распоряжался и управлялъ родовымъ имуществомъ. Итакъ, мы видимъ, что для наименованія царя въ древнѣйшую эпоху употреблялось тоже названіе, которое обозначало главу рода; эта тождественность названій для царя и главы рода ясно представляетъ намъ характеръ происхожденія царской власти въ Грузіи, организацію ея сообразно съ организаціей въ отдѣль-

ныхъ родахъ и значеніе родового строя, какъ основы государственной жизни древней Грузіи. Такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что вышеприведенныя свѣдѣнія груз. историка совпадаютъ съ описаніемъ знаменитаго греческаго географа. Комментируемый нами отрывокъ любопытенъ и въ другомъ отношеніи: историкъ указываетъ, что въ Грузіи ставили главарей, что однимъ изъ такихъ главарей являлся и мцхетскій мамасахлиси, пользовавшійся однако высшей привилегій; слѣдовательно и мцхетскаго «мамисахлис'а ставили; на это указываетъ и Страбонъ, употребляя фразу «τοὺς βασιλέας χαθιστᾶσι»; и въ данномъ случаѣ наблюдается совпаденіе свѣдѣній. Это согласіе грузинскаго историка съ данными греческаго географа тѣмъ болѣе важно для подтвержденія высказанной нами мысли объ использованіи авторомъ какого-то древняго грузинскаго лѣтописца, что авторъ въ дальнѣйшей, да и въ предыдущей части своего произведенія, находится подъ сильнымъ, можно сказать, рабскимъ вліяніемъ шаблонныхъ, современныхъ ему представленій о происхожденіи и особенно о прямомъ престолонаслѣдованіи царской власти, между тѣмъ какъ въ изучаемомъ отрывкѣ ясно говорится о томъ, что главарей ставило населеніе.

Далѣе, изъ указанія историка видно, что главари, которыхъ ставили въ различныхъ мѣстахъ, являлись въ своихъ районахъ тѣмъ-же, чѣмъ мцхетскій «мамасахлиси» въ своемъ; разница заключалась только въ нѣкоторыхъ преимуществахъ, которыми пользовался онъ по отношенію къ остальнымъ главарямъ и народу: онъ соб. primus inter pares. Можно думать поэтому, что и главари остальныхъ мѣстностей должны были носить названія мамасахлисовъ, при этомъ, конечно, каждый изъ нихъ вмѣсто мцхетиса въ наименованіи имѣлъ бы названіе ему подчиненной области, либо города. Но для того, чтобы это правдоподобное предположеніе доказать и сдѣлать несомнѣннымъ, необходимо привести случай упоминанія въ историческихъ памятникахъ еще хоть одного изъ мамасахлисовъ. Къ счастію, одинъ агеографическій памятникъ сохранилъ намъ подобное упоминаніе, дѣлающее предположеніе несомнѣннымъ. Въ мученичествѣ Евстаѳія Мцхетскаго, которое относится къ концу VI вѣка (см. Das Martyrium des heilig. Eustatius von Mzchetha. въ Sitzungsb. d. K. P. Akad. d. Wissen. zu Berlin, 1901, XXXVIII, S. 21) въ числѣ правительствующихъ лицъ (მთავარნი ქართლისანი) Грузіи, которые явились проститься съ представителемъ персидскаго государя марзпаномъ, отозваннымъ ко двору, упомянутъ на первомъ мѣстѣ послѣ католикоса გრიგოლ ქართლის მამასახლისი

(см. Рай Грузіи, изд. Сабинина, стр. 315) Григорій мамасахлиси Карталиніи.

Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ независимое и несомнѣнное свидѣтельство того, что главари, или правители различныхъ областей Грузіи дѣйствительно носили названіе мамасахлис'овъ и что власть ихъ, слѣдовательно, была такого-же происхожденія и свойства, какъ власть грузинскихъ сувереновъ, имѣвшихъ резиденцію во Мцхетѣ; а это обстоятельство еще лишній разъ свидѣтельствуетъ о достовѣрности и цѣнности комментируемаго отрывка грузинскаго историка. Но это не все, изъ законодательнаго памятника XI вѣка, именно изъ одного эксцерпта изъ соборнаго постановленія при царѣ Багратѣ IV, сохранившемся въ кодексѣ атабековъ Беки и Агбуги *), видно, что главныя должностныя лица въ деревняхъ, старшины, назывались мамасахлис'ами; относительно назначенія судей тамъ говорится

...«ვინცა მოძღვარი იყოს, ანუ მეფეთა წინაშე ზრდილი და ნამყოფი კაცი იყოს, ან კარგი დიდ-ვაჭარი, ან კარგი სოფლის მამასახლისი იყოს... ის დასვი ბჭედ».,. (§ რ̃)

«кто будетъ духовникомъ, или воспитаннымъ или служившимъ (бывшимъ) при царяхъ, или хорошимъ большимъ купцомъ, или хорошимъ сельскимъ старшиной... того посадите судьями.

Данный отрывокъ показываетъ во-первыхъ, что во всѣхъ деревняхъ существовали еще до даннаго законодательнаго акта старшины, именовавшіеся «мамасахлис'ами» **); законодатель вносилъ только одно измѣненіе: лучшихъ изъ нихъ онъ предоставляетъ возможность облекать и судебными функціями; само названіе старшинъ «мамасахлис»ами, терминомъ родового быта, приводитъ къ мысли, что учрежденіе и названіе мамасахлиса деревни должно восходить къ начальному періоду государственной культуры грузинскаго народа, когда въ деревняхъ, какъ это мы увидимъ ниже, населеніе должно было жить по родамъ;— въ послѣдующую эпоху, особенно въ VII—X вѣкахъ, подобное названіе мамасахлиси не могло быть введено, такъ какъ оно уже уступило мѣсто другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ жизненнымъ условіямъ и терминамъ, какъ მთავარი или თავი (напр. ერისთავი, ციხისთავი, ხევის-

*) Этому вопросу авторъ предполагаетъ посвятить отдѣльное изслѣдованіе, ср. Френкеля Сборникъ законовъ груз. царя Вахтанга VI, стр. 117, прим.

**) Мамасахлисъ деревни упомянутъ и въ дарственной грамотѣ Шіомгвимскому монастырю отъ 1227—30 г. (см. ქართ. ისტორ. საბუთ., стр. 53, 54).

თავი т. е. **эристави** (глава народа), **цихистави** (глава крѣпости, комендантъ) и **хэвистави** (глава ущелья).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ слѣдующій рядъ названій лицъ, облеченныхъ административной властью სოფლის მამასახლისი соплиса мамасахлиси (мамасахлисъ деревни), მცხეთის მამასახლისი мцхетиса мамасахлиси (м. города Мцхета) и ქართლის მამასახლისი Картлиса мамасахлиси (м. области Карталиніи), то есть, всѣ административные чины грузинскаго государства, начиная отъ самой маленькой единицы — деревенскаго старшины, вплоть до правителя области и, наконецъ, даже самаго главы государства, носили одно и тоже наименованіе мамасахлисовъ, термина родоваго строя, обозначающаго, какъ было уже указано, главу, старѣйшаго члена рода; лица, облеченныя властью, различались въ древнѣйшую эпоху Грузіи только по размѣру и мѣсту имъ подчиненной территоріи (мамасах. деревни — სოფლის, города — მცხეთის, области — ქართლის и т. п.).

Одно это *единство* и *выдержанность системы наименованій лицъ, облеченныхъ властью, свидѣтельствуетъ объ ея архаичности и исконномъ происхожденіи;* она является отраженіемъ того состоянія грузинскаго государства, когда родовой строй былъ въ полной силѣ и чужеземное вліяніе не успѣло еще оказать на него разрушительнаго воздѣйствія.

Итакъ, все вышесказанное даетъ намъ возможность заключить, что не только царская власть, но и вся административная іерархія была организована на подобіе рода; вся она выросла изъ общиннородовыхъ институтовъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ главному общему выводу о томъ, что *родовой строй является основой не только соціальнаго, но и государственнаго строя Грузіи.*

Переходя въ частности къ вопросу о сферѣ дѣятельности царя-мамасахлиса, нужно оговориться, что этотъ вопросъ не можетъ быть выясненъ съ достаточной полнотою; притомъ, матеріалы даютъ намъ такія свѣдѣнія, что приходится говорить скорѣе о томъ, что не входило въ компетенцію царя-мамасахлиса, чѣмъ разрѣшать вопросъ непосредственно о сферѣ его дѣятельности; такъ напр. можно установить, что, какъ военное дѣло, предводительствованіе войскомъ, такъ и отправленіе правосудія, не входило въ компетенцію царя — этими дѣлами вѣдало второе лицо послѣ суверена, хотя ниже будетъ указанъ и такой случай, когда царь лично руководитъ военными дѣйствіями. Точно также и международные конфликты и споры съ сосѣдними государ-

ствами не входили, согласно описанію Страбона, въ вѣдѣніе царя, а разсматривались и разрѣшались жрецами.

Относительно правосудія можно думать, что второе лицо послѣ царя въ спорныхъ дѣлахъ должно было являться только высшей инстанціей.

Нужно отмѣтить, что по вышеприведенному отрывку Картлисъ Цховреба судебныя функціи входили именно въ кругъ дѣятельности царя-мамасахлиса и въ этомъ случаѣ имѣется явное противорѣчіе даннымъ знаменитаго географа; рѣшить вопросъ, гдѣ въ данномъ пунктѣ правда, нѣтъ пока никакой возможности.

Свѣдѣніе Страбона, какъ мы видѣли, показываетъ, что царская власть составляла привилегію опредѣленнаго круга лицъ, извѣстнаго рода, или группы родовъ, что престолонаслѣдованіе шло не по прямой линіи, а по старшинству. Это свидѣтельство можно было провѣрить на практикѣ, т. е. можно было разсмотрѣть генеалогическую таблицу грузинскихъ царей и выяснить ставили-ли въ древней Грузіи царемъ-мамасахлисомъ дѣйствительно самого старшаго члена рода? Къ сожалѣнію, на основаніи имѣющихся грузинскихъ и греческихъ историческихъ данныхъ нѣтъ никакой возможности установить правильно не только родственныя отношенія и вопросъ о старшинствѣ грузинскихъ царей, но составить даже точный, вполнѣ надежный, списокъ грузинскихъ суверенновъ древнѣйшей исторической эпохи Грузіи: списокъ, который можно составить на основаніи данныхъ классическихъ писателей, не совпадаетъ со спискомъ, составленнымъ на основаніи «Картлисъ Цховреба».

Такъ напр. согласно свѣдѣніямъ классиковъ-историковъ и «Картлисъ Цховреба» въ Грузіи за періодъ отъ 65 года до Р. Х. до конца IV вѣка нашей эры царствовали слѣдующіе государи:

Классич. пис.	Картл. Цх.:
Артокъ (Ἀρτώκης) 65 г. до Р. Х. (Appian, Hist. Romana, de bel. Mithr. CIII. Dio Cassius, Hist. Romana XXXVII, 1 Лат. 537–8 и 612–13).	Бартомъ (66—33 до Р.Х.)
Фарнабазъ (Φαρνάβαζος) 36 г. до Р.Х. (Dio Cas. ibid. XLIX, 24 Лат. 620).	Мирванъ II (33—23)
Митридатъ (= Мирдатъ Μιθριδάτης) 35 г. по Р.Х. (Dio Cas. ibid. LVIII, 26 Латыш. 622).	Аршакъ II (23—2 по Р.Х.)
	Адеркъ (2 по Р.Х. 55)
	Бартомъ II (55—72) и Картамъ
	Каосъ (72—87) и Фарсманъ I
	Армазелъ (87—103) и Азоркъ
	Дерокъ (103—118) и Амзаспъ I

Фарасманъ (Φαρασμάνης) до 41 г. по Р. X. (Dio Cas. ibid. LVIII, 26, Латыш. 622).

Митридатъ (отъ 41 г. по Р.X.) (Dio Cass. LX, 8; Латыш. 622).

Фарасманъ (при Адріанѣ 117—138) Dio Cas. ib. Epit. 3 LXIX, Лат. 622).

Миріанъ Meribanes, Merihanes (Халатьянцъ Арм. Арш. 267) 361 г. (Ammian. Marc. lib. XXI, 6,8).

Саурмагъ (Saurmaces, став. Римлянъ, 368—74 г. Ammian. Marc. lib. XXVII, 12,17).

Аспагуръ (Aspacures, став. Персовъ, Amm. Marc. lib. XXVII, 12,17) 368—74 г.

Мирдатъ I (113—129) и Фарасманъ II

Адамъ (129—132)

Фарасманъ III (132—182)

Амзаспъ II (182—186)

Ревъ (186—213)

Ваче (213—231)

Бакуръ I (231—246)

Мирдатъ II (246—262)

Аспагуръ (262—265)

Миріанъ (265—342)

Сличеніе двухъ списковъ показываетъ, насколько трудно установить согласіе между ними; при этомъ, классическіе писатели не сообщаютъ никакихъ данныхъ касательно родственныхъ отношеній грузинскихъ царей, а «Картлисъ Цховреба» хотя и содержитъ въ себѣ кое-какія свѣдѣнія объ этомъ, но вся начальная часть грузинскихъ лѣтописей и особенно генеалогическій списокъ царей настолько сами по себѣ нуждаются въ провѣркѣ, что служить они провѣркой извѣстій географа-современника ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Итакъ, демонстрировать на историческихъ данныхъ правильность, или ошибочность сообщаемыхъ Страбономъ свѣдѣній относительно порядка престолонаслѣдованія въ древней Грузіи нѣтъ никакой возможности.

Обычный порядокъ замѣщенія царскаго престола могъ быть, конечно, сохраненъ только при нормальномъ теченіи государственной жизни Грузіи; вполнѣ понятно, что съ распространеніемъ политическаго вліянія на Грузію Рима, а позднѣе и Персіи законный порядокъ престолонаслѣдованія долженъ былъ не разъ нарушаться: какъ одно, такъ и другое государство, употребляло усилія и политическое давленіе для того, чтобы на грузинскомъ престолѣ сидѣло ему покорное и сочувствующее лицо, хотя бы даже по обычному правопорядку и не ему слѣдовало-бы занять вакантный царскій престолъ. Римляне старались прочно утвердиться въ Грузіи, тамъ у нихъ были, по сло-

вамъ Страбона, свои правители, удерживавшіе въ повиновеніи страну, но лишь только Римляне бывали отвлечены другими дѣлами, то жители Иберіи начинали волноваться и возставать (Strabon, Geographia, Lib. VI, cap. 4, § 2; Латышевъ, Изд. 107). Римляне стали брать заложниковъ (Appian. Hist. Rom. de bel. Mithr. CIII; Латышевъ, 531) и знатныхъ плѣнниковъ въ Римъ (Appian ibid. CXVII; Латышевъ, 537—8); Діонъ Кассій передаетъ, что Помпей до тѣхъ поръ не соглашался заключить мира съ грузинскимъ царемъ Артокомъ, пока тотъ не прислалъ ему въ качествѣ заложниковъ своихъ дѣтей (Dio Cas. XXXVII, 2; Латышевъ, 614); тотъ же историкъ сообщаетъ, что Гай Калигула (37—71 г.) вызвалъ Митридата Иберскаго въ Римъ и заключилъ въ оковы; только въ 41 году онъ былъ отпущенъ на родину для занятія престола (Dio Cas. LX, 8; Латышевъ, 622). Однимъ словомъ, римляне не довольствовались уже однимъ присутствіемъ ихъ представителей въ Грузіи, а вмѣшивались во внутреннія дѣла, въ вопросы о престолонаслѣдованіи, районѣ власти (см. Dio Cas. Epit. 3 LXIX, 15; у Латышева 622, о томъ, какъ Адріанъ увеличилъ область, подчиненную иберскому царю Фарасману, когда тотъ съ супругой, сыномъ и другими знатными иберами прибылъ въ Римъ) и т. п.. При такомъ положеніи дѣлъ, трудно думать, чтобы обычный порядокъ старшинства при замѣщеніи вакантнаго престола могъ въ чистотѣ соблюдаться, въ особенности, когда восточная часть Грузіи подпала позднѣе подъ политическое вліяніе сассанидскаго государства, когда и римляне и персы, каждый въ своей части ставили себѣ угодныхъ царей. Вѣдь и персы также съ неменьшимъ рвеніемъ осуществляли свои политическіе планы, чѣмъ римляне, и вмѣшивались во внутреннюю жизнь страны, до тѣхъ поръ, пока они не добились своего и не уничтожили въ VI вѣкѣ царской власти. Вопросъ о политикѣ римскаго и сассанидскаго правительствъ и вліяніи этой политики на государственный строй древней Грузіи будетъ разсматриваться въ другой книгѣ, а потому здѣсь затрагивается только вскользь.

* * *

Вотъ все то немногое, что можно было выяснить на основаніи греческихъ и грузинскихъ данныхъ о происхожденіи царской власти и государственной организаціи Грузіи; скудость выводовъ зависитъ отъ того, что начальная часть «Картлисъ Цховреба», принадлежащая Леонтію Мровели, содержитъ мало такого, что могло бы быть утилизировано для нашей цѣли; эта безплодность объясняется и обязана

главнымъ образомъ тѣмъ научнымъ пріемамъ и нормамъ, которые мѣшали автору видѣть дѣйствительность и извлечь изъ нея данныя для интересовавшей его эпохи; произведеніе, имѣвшее колоссальное вліяніе на пріемы работы и результаты грузинскаго историка, напечатано г. Е. Такайшвили въ качествѣ приложенія къ имъ издаваемому «Картлисъ Цховреба» редакціи ц. Маріи; достойно вниманія то обстоятельство, что и въ самой рукописи это сочиненіе предшествуетъ, какъ объ этомъ сообщаетъ почтенный издатель (стр. 786), всей лѣтописи, а слѣдовательно и интересующему насъ произведенію Леонтія Мровели.

Въ этомъ сочиненіи содержится «толкованіе о сотвореніи неба и земли и объ Адамѣ, какъ перенесли (მისცვალეს) его тѣло и похоронили на Голгоѳѣ, преемственность родовъ (ცვალება ნათესავთა)... и рожденіе (подраз. родословная) патріарховъ отъ Адама до Христа» (см. изд. Е. Такайшвили, стр. 786). Разсказъ ведется съ сотворенія міра и главное вниманіе обращено на жизнь перваго человѣка, патріарха и непрерывную генеологическую преемственность до Христа; при этомъ въ сочиненіи содержится много въ высшей степени характерныхъ представленій о нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся происхожденія племенъ, царской власти, языка, порядка престолонаслѣдованія, исторіи вѣрованій и т. д.; тутъ дается одна цѣльная всемірноисторическая схема развитія человѣческаго общества; хотя эта сторона изложенія и не составляетъ, какъ это можно видѣть изъ заглавій статей, непосредственной задачи автора, тѣмъ не менѣе, благодаря своему характеру и оригинальности, невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Прежде всего весьма оригинальна и любопытна мысль автора, по которой *царская власть устанавливается съ первыхъ же дней сотворенія человѣка:*

«შეიმოსა: სამოსელი: სამეუფო: და დაადგა: თავსა: გჳრგჳნი: მეუფობისა: მაშინ: იქმნა: ადამ: მეფე: მღურდელ (sic): წინასა: წარმეტყუელად: მუნ: დაასვა (sic) ღ̃თნ: საყდარსა: პატივითა... მაშინ: ესმა: ანგელოზთა: ცით: გამო: საშინელი: სიტყუა: ღ̃თისა: და: ჰქუა: მას: ჯი: ადამ: აჰა: ესე რა: გყავ: შენ: მეფე:

«одѣлъ онъ», пишетъ авторъ, «царское одѣяніе и возложилъ на главу царскую корону: *тогда сталъ Адамъ царемъ, священникомъ, пророкомъ;* Богъ посадилъ его тамъ на престолъ съ почетомъ (или съ повязкой) и... тогда послышалось ангеламъ съ неба страшное слово Божье и сказалъ

მღუდელ: წინასწარ: მეტყველ: და: მთავარ: და: უფალ: და: განმგებელ: და ყოველნი: დაბადებულნი: დაგემორჩილნეს: შენ: რათა: ხოლო: მარტოსა: დაგემორჩილჩილნეს: და მოგცე: ჴელმწიფებაა: ყოვლისა: რომელი: დავბადე: და: რაჟამს: ესმა: ანგელოზთა: სიტყუაესე: ღ̃თისაგან: მოდრკეს: და: თაყუანისცეს: ღ̃თსა: და: მერმე: ადამს: ხატსა: ღ̃თისასა: ანგელოზთა: და: მთავარანგელოზთა: საყდართა: უფლებათა: და: მთავრობათა: და ჴელმწიფებათა: სერაბინ: ქერაბინთა: და: დიდებულთა: წმიდათა: მაშინ: აღიყუანა: ღ̃თნ: სამოთხესა: და: კუალად: მუნვე: თაყუანისცეს: ანგელოზთა: წმიდათა:»... (ibid. стр. 789).

[Богъ] ему: «О Адамъ, вотъ я тебя сдѣлалъ *царемъ*, священникомъ, пророкомъ и главой, *господиномъ и правителемъ* и всѣ твари подчинятся тебѣ, чтобы одному тебѣ подчинялись они, и дамъ тебѣ власть надъ всѣмъ, что я сотворилъ. И, когда ангелы услышали это слово божье, преклонили [головы] и *поклонились Богу, а потомъ Адаму*, образу божьему, ангелы и архангелы и престолы и власти и начальства и серафимы и херувимы и возвеличенные святые. Тогда возвелъ Богъ его въ рай и вновь поклонились ему тамъ святые ангелы».

Право управленія и власть передается отъ отца къ сыну, но всегда старшему, слѣдовательно право наслѣдованія идетъ по прямой линіи; такъ, напр., послѣ смерти Адама его старшій сынъ

«სეით: უძლოდა: ერსა: თჳსსა: განგებითა: კეთილითა»:...(ibid. 798).

«Сиѳъ *предводительствовалъ народомъ своимъ*, хорошо *управляя*».

А когда Сиѳъ умиралъ, то онъ

«აკურთხა: სეით: ენუქ: ძე: მისი... და დაადგინა: გამგედ: ერსა: თჳსსა: ზედა: და: აფუცა... რათა: უძლოდეს: სიმართლითა:... (ibid. 799).

«благословилъ Эноха, сына своего... и *поставилъ его правителемъ надъ своимъ народомъ* и заклиналъ, чтобы онъ справедливо велъ ихъ».

«მაშინ: დადგა: ენუქ: წინაშე: ღ̃თისა: მსახურ: ქუაბსა: მას: საგანძურსა: და: განაგებდა: ერსა: თჳსსა:... და: უძლოდა: ერსა: თჳსსა:»... (ibid. 799),

«Тогда сталъ Энохъ служить передъ Богомъ въ пещерѣ богатствъ и *управлялъ народомъ своимъ* и *предводительствовалъ народомъ своимъ*».

И онъ въ свою очередь, умирая,

«შემოკრიბნა: მამათ: მთავარნი: და: ძე: თჳსი: კაინან: და: მალალელ: და: იარედ: და: ენოქ: და: მათუსალა: და: ძენი: მათნი: და: აკურთხნა: იგინი:... და აკურთხა: ძე: თჳსი: კაინან: და: ამცნო... შენ: იყავ: გამგედ: ერისა:» (ibid. 800).

собралъ патріарховъ и сына своего Кайнана и Малалаэла и Іареда и Эноха и Маѳусала и сыновей ихъ и благословилъ ихъ... и благословилъ онъ сына своего Кайнана и возвѣстилъ... «будь *правителемъ народа*».

Когда Каинанъ почувствовалъ приближеніе смерти, то

«შემოუკრბეს: მას: ყოველნი: მამათ: მთავარნი... და ჰ̃ქუა: იხილე: შვილო: მალალაეელ(sic!)... იყავ: შენ:განმგე: ყოველსა: ერსა: ზედა:»... (ibid. 800).

«вокругъ него собрались всѣ патріархи... и сказалъ: смотри сынъ Малалаэль... будь *правителемъ надъ* всѣмъ народомъ».

А онъ съ своей стороны умирая, когда къ нему

«შემოკრბეს: მამად: მთავარნი: იარედ: პირმშო: ძე: მისი: ენუქ: და: მათუსალა: ლამექ: და: ნოვე:... აკურთხა: იარედ: ძე: თჳსი: და: ამცნო: ...იყავ: განმგებელ: ერისა: შენისათა:»... (ibid. 801).

«собрались патріархи: Іаредъ, первенецъ его, Энохъ и Маѳусалъ, Ламехъ и Ной... благословилъ Іареда, сына своего, и заповѣдалъ: ...будь *правителемъ* народа своего».

Затѣмъ наступаетъ эпоха паденія, замѣшательства, когда завѣты предковъ были нарушены и потомки Сиѳа вступили въ общеніе съ Каинитами (стр. 801—803), послѣдствіемъ чего явилось *уничтоженіе правителей народа* (**«**არცალა: იყოს: გამგე: ერსა: თჳსსა: ზედა: **стр. 804); послѣ потопа ко всему этому прибавилось столпотвореніе вавилонское и связанное съ нимъ смѣшеніе языковъ (стр. 813); достойно вниманія, что по словамъ автора до столпотворенія**

«იყო: სიტყუა: მათი: ერთ: და: ენასა: ზრახვიდეს: ადამისიდგან (sic): ვიდრე: მუნ: დღედმდე: ენასა: ასურულსა: ფრიად: ვრცელსა: ვიდრე: სომხითამდე: და: არს: იგი: მეფე: ყოვლისა: ენისა: და: მიერიდ (sic) გან: განეყო: წერილი:» (стр. 812).

«была рѣчь ихъ едина, и однимъ языкомъ говорили отъ Адама до того дня — языкомъ сирійскимъ, [распространеннымъ] на большомъ районѣ, вплоть до Арменіи; этотъ [языкъ] есть царь всѣхъ языковъ и съ того времени только раздѣлилась письменность».

Благодаря столпотворенію, по мнѣнію автора,

«იქმნა: ქუეყანა: სამეოცდა: ათ: ენათა: და: სამეოცდა: ათ: მთავრად: და: ყოველსა: ენასა: დადგინეს (sic) მეფე: (стр. 813).

«міръ сталъ [дѣлиться] на семьдесятъ языковъ и семьдесятъ правителей и *каждому языку поставили [своего] царя*».

Въ то время какъ до раздѣленія языковъ на землѣ было извѣстно только единобожіе и своеобразный, мистическій культъ предковъ (см. стр. 793—794 и слѣд.), послѣ столпотворенія между тѣмъ наступаетъ идолопоклонство.

«შემოვიდა: კერპთ: მსახურება: ქუეყანასა: რამეთუ: მას: ჟამსა: ალარავინ: იყო: მოძღუარი:... რომელნი: მე: უგებდეს: ცასა: და: სხუანი: მზესა: და: რომელნი: მე: მთოვარესა: რომელნი: მე: ვარსკულავთა: და რომელნი: მე: მფრინველთა: და: რომელნი: მე: ქუეყანასა: და მკეცთა: და: ნადირთა: და: ქუათა: და: ხეთა» (стр. 814).

«вошло идолопоклонство, говоритъ авторъ, на землю, *потому что въ то время не было никого предводителемъ*: одни приносили жертвы небу, другіе—солнцу, одни—лунѣ, другіе — звѣздамъ, нѣкоторые—птицамъ, нѣкоторые—землѣ, животнымъ, звѣрямъ, камнямъ и деревьямъ.

Такова общая схема исторіи человѣчества, потомковъ Адама, согласно изложенію автора вышеупомянутыхъ четырехъ трактатовъ; эта свеобразная схема начальнаго періода рода человѣческаго имѣла, какъ было уже объ этомъ сказано, громадное вліяніе на историческое міросозерцаніе грузинскаго писателя Леонтія Мровели.

Въ то время какъ на Западѣ блаж. Августинъ, а за нимъ и другіе политическіе мыслители паписты среднихъ вѣковъ утверждали, что до потопа свѣтскую власть получили только безбожники, — первымъ властителемъ среди людей былъ Каинъ,—а послѣ потопа ею пользовались тѣ, которые вели свое происхожденіе отъ проклятаго племени Хама (см. v. Eicken, Geschichte und System der Mittelalterlichen Weltanschauung, J. 1887, S. 358), на Востокѣ, въ частности въ Грузіи на основаніи вышеописанныхъ Толкованій былъ принятъ взглядъ, что царская, свѣтская власть была еще первому человѣку дарована самимъ Богомъ.

Такой точкой зрѣнія и объясняется то, что по словамъ груз. историка Леонтія Мровели старшій изъ восьми братьевъ-этнарховъ Кав-

каза ʻАаосъ *былъ царемъ надъ братьями-этнархами* (ქრ. ცხ. ред. ц. Маріи, изд. Е. Такайшвили, стр. 5; ქრ. ცხ. изд. З. Чичинадзе, стр. 20).

Далѣе, если прослѣдить за его описаніемъ начальнаго періода грузинской исторіи, нельзя не замѣтить, какъ отражается схема вышеприведеннаго Толкованія на его представленіи; онъ употребляетъ даже одни и тѣже выраженія: именно, старшій сынъ и у Леонтія считается *правителемъ и господиномъ* надъ потомками Картлоса. Такъ напр., согласно изложенію Леонтія Мровели, послѣ смерти родоначальника грузинъ ʻКартлоса его *старшій* сынъ Мцхетосъ

«იყო: განმგე: და: უფალ: მათ: ოთხთავე: ძმათა: ზედა: ქსე: ოთხნივე: იყუნეს: მორჩილ: მისა:» (ʻКарт. Цх. ред. ц. Маріи, стр. 6—7).

«былъ *правителемъ и господиномъ* надъ тѣми четырьмя братьями и они всѣ четверо были покорны ему».

Передъ смертью *старшій* сынъ Уплосъ «былъ отцомъ Мцхетосомъ

...უფლად... დატევებულ: იყო: საყდართა: ქართლოსისთა: მამისა: მისისაგან: მიცემულ: იყო. უფლება:... (ib. 7).

оставленъ *господиномъ* на *престолъ потомковъ ʻКартлоса, власть была дана* ему его *отцомъ*».

Хотя братья и потомки родоначальника грузинъ вскорѣ, по словамъ историка, не захотѣли уже его слушаться; послѣ этого наступаетъ, согласно описанію, смутная эпоха, но лишь только царемъ становится Фарнавазъ, то наслѣдованіе престола идетъ вновь по прямой линіи: отъ него къ его сыну Саурмагу; отъ послѣдняго къ его усыновленному Мирвану (ibid. 23), ибо у Саурмага своего мужскаго потомства не было, Мирвану наслѣдуетъ его сынъ ʻПарнаджомъ (ibid. 24); затѣмъ начинаются возстанія эриставовъ, призвавшихъ имъ угодное лицо. Однимъ словомъ, наслѣдованіе суверенной власти, по представленію Леонтія Мровели, шло всегда отъ отца къ старшему сыну, и только смуты и волненія могли нарушить этотъ правопорядокъ. Между тѣмъ, мы видѣли, изъ описанія современника Страбона, что царская власть переходила именно не по прямой линіи, а всегда къ старшему члену царскаго рода. Вышеуказанная историческая схема, очевидно, заставила его принять систему престолонаслѣдованія по прямой линіи и для Грузіи.

Далѣе, по ознакомленіи съ вышеуказанной схемой становится вполнѣ понятнымъ, что имѣющееся у Леонтія свидѣтельство изъ какого-то древняго и хорошаго источника о томъ, что правители въ Грузіи въ древности не носили обычныхъ въ послѣдующую эпоху, а въ другихъ странахъ изстари извѣстныхъ названій «мепе» и «хелмтѣипе», но именовались только мамасахлисами, что власть этихъ мамасахлисовъ, наконецъ, не была такъ монархична и централизирована, какъ это должно было быть согласно тойже всемірноисторической схемѣ, — могло быть историкомъ объяснено только временно наступившей смутной эпохой въ жизни потомковъ Картлоса; въ подобные моменты вѣдь всегда свѣтская суверенная власть теряетъ свою неограниченность и силу; зато когда смута прошла, въ Грузіи по словамъ Л. Мровели возстановилась царская власть въ формѣ неограниченной монархіи; первый реставраторъ-царь Фарнавазъ является поэтому у грузинскаго историка потомкомъ Уплоса (ქრ. ცხ. р. ц. Маріи, стр. 16—17, 18), при которомъ и произошло паденіе суверенной власти, такъ что онъ является по закону наслѣдственности носителемъ царской власти въ Грузіи.

Аналогія между двумя интересующими насъ произведеніями можетъ быть проведена дальше:

Какъ по вышеупомянутой схемѣ вначалѣ, при *царяхъ-правителяхъ*, было извѣстно только единобожіе да культъ предковъ, и только позднѣе наступаетъ эпоха язычества, такъ и въ Грузіи, по изложенію Леонтія Мровели, только послѣ того, какъ *потомки* родоначальника грузинъ *перестали повиноваться старшему сыну Михетоса*,

«დაივიწყეს: ღ̃თი: დამბადებელი: მათი: და: იქმნეს: მსახურ: მზისა: და: მთოვარისა: და: ვარსკულავთა: ხუთთა: და: მტკიცე: და: უფროსი: მათი: საფიცარი: იყო: [საფლავი]: ქართლოსისი:» (ibid. 8, ср. ქრ. ცხ. изд. Чичинадзе, 24).

«позабыли Бога Творца ихъ и стали поклоняться солнцу, лунѣ и пяти звѣздамъ и наикрѣпчайшая и высшая клятва ихъ была могила Картлоса».

Тутъ интересно то, что характеръ язычества въ обоихъ случаяхъ одинаковъ: предметы, которымъ поклонялись и тѣ и другіе, почти дословно повторяются и причиной совращенія въ язычество въ обоихъ случаяхъ является *отсутствіе царской власти и предводителей*.

Кому принадлежитъ это произведеніе, оказавшее такое вліяніе на сочиненіе грузинскаго историка? Въ грузинской литературѣ оно приписывается Ефрему, безъ указанія, какому именно [1]).

Болѣе того, оно извѣстно не въ одной только грузинской литературѣ, было очень распространено и имѣло громадное вліяніе на средневѣковыхъ хронографовъ Византіи и всего Востока. На основаніи сличенія грузинскаго текста съ изданнымъ К. Бецольдомъ сирійскимъ текстомъ

ܟܬܒܐ ܕܝܚܣ̈ܐ ܕܫܪ̈ܒܬܐ ܕܡܬܩܪܐ ܡܥܪܬ ܓܙ̈ܐ «книги ряда родовъ, которая называется «пещерой богатствъ»,

извѣстнымъ въ нѣмецкой литературѣ подъ именемъ «Schatzhöhle», и съ переведеннымъ г. Дильманомъ съ эѳіопскаго на нѣмецкій восточно-христіанской книги Адама (Das christliche Adambuch des Morgenlandes, aus dem Aethiopischen mit bemerkungen übersetzt von A. Dillman, см. Jahrbücher der Biblischen Wissenschaft, V. Jahrbuch 1853) пришлось прійти къ убѣжденію, что грузинскій текстъ представляетъ изъ себя переводъ одного изъ сирійскихъ версій *«Пещеры богатствъ»*.

Достойно вниманія, что и въ сирійской литературѣ это произведеніе приписывается св. Ефрему (см. K. Bezold, Die Schatzhöhle I,ı и II,ɥ); такимъ образомъ, вина въ томъ, что данное произведеніе приписано перу св. Ефрема, падаетъ не на грузинскаго переводчика. И въ византійской исторической литературѣ авторомъ даннаго сочиненія считался Ефремъ, такъ напр. еще Георгій Синкеллъ (VIII—IX в.) въ своемъ Хронографѣ приписываетъ его св. Ефрему (см. Gelzer, Julius Africanus und die Byzantinische Chronographie, II, 268), позднѣе Симеонъ Пресвитеръ (XIII в.) высказываетъ тоже мнѣніе относительно автора интересующаго насъ произведенія (ibid. II, 268 и Dillman, Das Christ.

---

1) По мнѣнію г. Джанашвили данное сочиненіе есть именно та книга (или компиляція изъ нея), которая носила названіе «Книги Нимврода», ссылки на которую часто встрѣчаются въ начальной части «Картлисъ Цховреба» (см. Сборн. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа, вып. 29, стр. 19, 43). Онъ вдается въ рискованныя предположенія и теоріи относительно происхожденія этого сочиненія, относительно культурныхъ теченій и лицъ, которые могли занести его въ Грузію. По мнѣнію г. Джанашвили культурныя вліянія Вавилона и Персіи, въ частности же ц. Миріанъ, могъ впервые привезти эту «Книгу Нимврода» въ Грузію (ibidem, стр. 44). Въ дѣйствительности, въ данномъ произведеніи нельзя, конечно, видѣть утерянной «книги Нимврода»; нельзя уже потому, что въ немъ именно встрѣчается ссылка, на самую «книгу Нимврода» (ibid. стр. 42, и изд. Такайшвили, стр. 835); ясно, что книга сама на себя не можетъ ссылаться.

Adambuch, S. 10). К. Бецольдъ не успѣлъ еще обнародовать своего изслѣдованія касательно даннаго сочиненія; на его разысканія, насколько можно судить по предварительному сообщенію, привели къ заключенію, что Schatzhöhle должно было возникнуть въ сирійской литературѣ приблизительно въ VI вѣкѣ нашей эры, и хотя, какъ это уже высказали Диллманъ и Рöнчъ, и не можетъ принадлежать перу знаменитаго сирійскаго отца Ефрема, тѣмъ не менѣе вышло вѣроятно изъ литературныхъ круговъ, принадлежавшихъ къ его школѣ (K. Bezold, Schatzhöhle, I, X).

Благодаря затрагиваемой темѣ это призведеніе было излюбленнымъ источникомъ: авторы различныхъ хронографовъ перерабатывали его и пользовались имъ съ особеннымъ усердіемъ (см. Gelzer, l. c. II, 271). Исключительнымъ уваженіемъ и любовью пользовалось оно, какъ это видно изъ изслѣдованія проф. Гельцера, въ александрійской церкви, затѣмъ въ эѳіопской, между тѣмъ какъ въ византійской исторической литературѣ съ нимъ были знакомы не непосредственно, а по цитатамъ древнихъ хронографовъ (ibid. II, 296). Существованіе даннаго памятника и на грузинскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, а особенно фактъ его вліянія на начальную исторію «Картлисъ Цховреба», принадлежащую Леонтію Мровели, доказываетъ распространенность и значеніе его и въ грузинскихъ ученыхъ кругахъ.

* * *

Выше былъ выясненъ государственный строй Иберіи, или приблизительно той мѣстности, которая входитъ теперь въ составъ Тифлисской губерніи; у Ксенофонта и Страбона имѣется нѣсколько данныхъ, рисующихъ соціальный строй и другихъ грузинскихъ племенъ; къ сожалѣнію, только не всѣ сообщаемыя ими свѣдѣнія въ достаточной степени полны и подробны, чтобы можно было дѣлать безъ большого риску правдоподобныя заключенія; кромѣ того, данныя отрывочны и разновременны: объ одномъ племени подробные свѣдѣнія относятся къ IV вѣку до Р. Х. и позже о нихъ очень мало что сообщается, подробное описаніе же другого племени имѣется только къ 1 вѣку нашей эры, между тѣмъ какъ о положеніи вещей у этого племени въ болѣе древній періодъ, напр. въ IV в. до Р. Х., ничего неизвѣстно. Въ виду этого невозможно привести въ связь эти разновременныя и отрывочныя историческія данныя; тѣмъ не менѣе, для большей полноты ниже приводятся и эти свѣдѣнія.

Такъ, напр., у Ксенофонта имѣется извѣстіе, что въ городѣ Гимніадѣ жилъ начальникъ (ἄρχων) страны Скиѳиновъ (Anab. lib. IV, cap. 7, 19), но, конечно, изъ такого коротенькаго сообщенія невозможно сдѣлать какой-либо выводъ относительно государственной организаціи племени Скиѳиновъ. Болѣе опредѣленныя данныя имѣются объ моссинойкахъ. Тамъ извѣстно, во-первыхъ, что страна этого племени распадалась на два враждебныхъ лагеря; это видно изъ заявленія Тимесиѳея спутникамъ Ксенофонта о томъ, «что жители противолежащей области находятся во враждѣ съ этими моссинойками; въ виду этого Еллины рѣшили пригласить тѣхъ, не пожелаютъ ли они заключить съ греками союзъ. Посланный къ нимъ Тимесиѳей привелъ съ собою ихъ *правителей* (τοὺς ἄρχοντας)... «*правитель* (ὁ ἄρχων) моссинойковъ отвѣчалъ, что согласны и принимаютъ союзъ» (Anab. Xenoph. Lib. V, cap. 4,3,8).

Изъ даннаго отрывка можно заключить во-первыхъ, что племя моссинойковъ имѣло нѣсколько *правителей* (τοὺς ἄρχοντας); среди этихъ правителей *одинъ считался главнымъ;* онъ то и заключалъ отъ имени другихъ союзъ съ иностранцами. Затѣмъ, у обоихъ враждебныхъ сторонъ былъ городъ, «называвшійся у нихъ столицей и занимавшій самый возвышенный пунктъ страны моссинойковъ;... тѣ, въ чьихъ рукахъ она находилась, и считали себя господами всѣхъ моссинойковъ; (союзники еллиновъ) говорили при этомъ, что [ихъ противники] владѣютъ столицей не по праву, а силой захватили общее достояніе (κοινόν) всѣхъ моссинойковъ»... (ib. lib. V, cap. 4,15).

Въ столицѣ пребывалъ «царь (βασιλεύς) ихъ, жившій въ деревянной башнѣ, построенной на возвышенности; онъ долженъ былъ оставаться тамъ постоянно, тамъ его содержали на общественный счетъ и охраняли» (ib. lib. V, cap. 4,26).

Интересно, во-первыхъ то, что моссинойки, распадавшіеся на нѣсколько, минимумъ на двѣ части, достигли всеже извѣстной степени объединенія: у нихъ была одна общая столица, территорія которой составляла собственность всѣхъ моссинойковъ; у нихъ былъ, наконецъ, одинъ общій правитель, названный у Ксенофонта царемъ. Этотъ царь не представлялъ изъ себя независимаго монарха: общество или племя играло еще большую роль; у царя, напр., было отнято право оставлять свое мѣсто, общество охраняло его и содержало на свой счетъ. Собственно говоря, власть надъ всѣми моссинойками принадлежала не ему царю, а тому племени, въ которомъ числился онъ самъ: это

можно заключить изъ выраженія Ксенофонта: *тѣ, въ чьихъ рукахъ находилась она* (столица), и *считали себя господами всѣхъ моссинойковъ;* при этомъ и данныя дѣйствія были направлены не столько противъ царя, сколько противъ захватившаго столицу племени. Неизвѣстно, каковъ былъ источникъ власти правителей (ἄρχοντες): назначались ли они царемъ, или же они являлись независимыми отъ царя главарями племенъ? Второе должно быть вѣрнѣе, на такую мысль наводитъ весь строй общественной организаціи и характеръ власти царя моссинойковъ, а также и то обстоятельство, что эти правители были солидарны со своими племенами и выступали противъ общаго повелителя; будь они ставленниками царя, они, быть можетъ, охотнѣе взяли бы сторону суверена.

Затѣмъ, изъ словъ обиженной части моссинойковъ, что ихъ противники *«владѣютъ столицей не по праву»*, можно заключить, что у этого племени существовали опредѣленныя права на обладаніе главнымъ городомъ; изъ указанія же Ксенофонта, что тѣ, въ чьихъ рукахъ находилась она, считали себя господами всѣхъ моссинойковъ, видно, что владѣть столицей могли всѣ племена моссинойковъ; и ссылка на нарушеніе владѣльческихъ правъ указываетъ на существованіе порядка и даже условій владѣнія столицей.

Это все, что возможно извлечь изъ коротенькаго сообщенія Ксенофонта; нѣтъ у него ясныхъ данныхъ о томъ, была ли у моссинойковъ родовая организація, существовалъ ли у нихъ одинъ привилегированный родъ, именуемый царскимъ, изъ среды котораго долженъ былъ выходить суверенъ, или власть была идивидальная и т. д.

И о происхожденіи царской власти въ Колхидѣ ничего неизвѣстно (см. Strabon Geographia Lib. XI, cap. II,18). Имѣется только свѣдѣніе Приска Панійскаго, относящееся къ поздней эпохѣ, относительно нѣкоторыхъ обычаевъ, извѣстныхъ при дворѣ Лазскихъ царей; оказывается, во-первыхъ, что у нихъ допускалось одновременное царствованіе отца и сына (Ἱστορία Γοτθική, IV, 26. Латышевъ, Изв. 840—1); потомъ извѣстно также, что царь носилъ персидское платье и былъ окруженъ по мидійскому обычаю тѣлохранителями (ibid. IV, 34. Латышевъ, Изв. 842), вотъ и все.

И у свановъ, по словамъ Страбона, былъ царь и совѣтъ изъ 300 мужей (Geogr. Lib. XI, cap. II,19), но неизвѣстно, кто были они: главы ли родовъ, или просто самые уважаемые и умудренные опытомъ лица.

Таковы всѣ имѣющіяся у классическихъ писателей данныя объ царской власти у различныхъ племенъ; изъ вышесказаннаго легко было убѣдиться, что благодаря прекрасному описанію Страбона и цѣннымъ отрывкамъ грузинскаго историка можно возстановить въ достаточной мѣрѣ общую картину соціальнаго строя и происхожденія царской власти только Иберіи, данныя же относительно другихъ мѣстностей, населенныхъ картвельскими племенами, черезмѣрно отрывочны и скудны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Территорія.

Территоріальное дѣленіе государства основывалось на различныхъ принципахъ въ зависимости отъ эпохи и тѣхъ или иныхъ условій. Установленный выше фактъ основного значенія родового строя, какъ базиса государственной и соціальной организаціи Грузіи, исключительнаго примѣненія термина «мамасахлиси» для обозначенія всѣхъ лицъ, облеченныхъ правительственной или административной властью, даетъ основаніе предполагать, что и въ терминологіи древнѣйшаго территоріальнаго дѣленія грузинскаго государства могли сохраниться слѣды родового строя. И дѣйствительно, въ историческихъ памятникахъ попадаются кое-гдѣ данныя, изъ которыхъ можно заключить, что слово «сахли» домъ, употреблялось также для обозначенія иныхъ бóльшихъ территоріальныхъ единицъ. Такъ напр., въ извѣстномъ спискѣ архипастырей области Самцхе-Саатабаго и ихъ эпархіяхъ въ числѣ провинцій, входившихъ въ ацкурское епископство, указаны слѣдующія:

...«სადგერი, სრულ აწყური, დიასამიძის სახლი, ახალციხე და ახალციხის წყლის გაღმართი და გურიის წარდგომამდის (изд. Бакрадзе, см. Археол. путеш. по Гуріи и Адчарѣ, 81).

«Садгеръ, весь Ацкуръ, *Домъ Діасамидзе*, Ахалцихъ и по ту сторону Ахалцихской рѣки до Гуріи».

Въ данномъ отрывкѣ слово სახლი домъ, конечно, не можетъ обозначать *Дома Діасамидзе* въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ это противорѣчило бы смыслу всего предложенія, гдѣ перечисляются провинціи, или мѣстности, составлявшіе эпархіи ацкурскаго епископа; выраженіе დიასამიძის სახლი = *Домъ Діасамидзе* такое же *названіе мѣстности*, какъ и Садгеръ, Ацкуръ, Ахалцихъ и другіе; разница заключается только въ самомъ терминѣ: тутъ провинція названа домомъ, притомъ домомъ

Діасамидзе. Почему? Это можетъ имѣть двоякое основаніе: во-первыхъ, потому, что въ этой мѣстности могъ обитать весь родъ, всѣ члены фамиліи Діасамидзе, — во-вторыхъ, потому, что эта мѣстность могла находиться подъ управленіемъ, властью рода феодаловъ Діасамидзе; въ первомъ случаѣ мы бы имѣли примѣръ, доказывающій, что мѣстность, провинція, населенная опредѣленнымъ родомъ носила названіе «дома», во-второмъ случаѣ примѣръ, доказывающій, что мѣстность, находящаяся подъ чьей-либо властью именовалась также «домомъ». Имѣется-ли въ данномъ случаѣ первая причина или вторая, такъ или иначе,—ясно, что возможность второго случая предусматриваетъ первоначальное существованіе перваго.

Точно также въ спискѣ провинцій, входившихъ въ составъ цурцкабской эпархіи указаны въ томъ же памятникѣ:

...«ხურსიძის სახლი სულა, ბოცოთ ხევი ხერთვის ქვეით მისია» (ibid. 81).

«Весь *Домъ Хурсидзе*, ущелье Боцо ниже Хертвиса принадлежитъ ему».

И въ данномъ случаѣ слово «домъ» обозначаетъ мѣстность, районъ, и равняется, какъ это будетъ установлено ниже, по своему значенію сирійскому ܒܝܬ и армян. տուն, при этомъ опредѣленіе «весь» указываетъ на его значительную территоріальную величину.

Въ начальной части «Картлисъ Цховреба» имѣется одно мѣсто, гдѣ слово «сахли» (домъ) обозначаетъ даже цѣлое государство; такъ напр. Леонтій Мровели, авторъ этой части грузинскихъ лѣтописей, пишетъ:

«...ოდეს განუყო აფრიდონ ყოველი ქუეყანა სამთა ძეთა მისთა, მაშინ რომელსაცა ძესა მისცა სახლად სპარსეთი, მასვე ხვდა წილად ქართლი»... (изд. Чичинадзе, 27, ქ. ცხ. ред. ц. Маріи, 10).

«Когда Афридонъ раздѣлилъ всю землю своимъ тремъ сыновьямъ, то тому, которому онъ далъ Персію, [въ качествѣ] *Дома*, тому же досталась въ удѣлъ и Карталинія».

Въ данномъ предложеніи слово «сахли» = домъ не можетъ имѣть значенія жилья для личнаго обитанія или заселенія: изъ предшествующихъ данному отрывку фразъ видно, что Персія, согласно представленію автора, въ это время была уже заселена и это государство дается сыну отцемъ въ удѣлъ для управленія, какъ подвластное ему

царство; и достойно вниманія то обстоятельство, что историкъ употребляетъ при этомъ слово «сахли» домъ.

Эти нѣсколько случаевъ употребленія слова «сахли» представляютъ изъ себя только слабые отголоски терминологіи административнаго дѣленія государства древнѣйшей эпохи, когда родовой строй, «домъ» былъ основой государственной жизни Грузіи, такъ какъ вполнѣ понятно, что со времени измѣненія древняго соціальнаго строя страны употребленіе термина «сахли» должно было уступить мѣсто болѣе соотвѣтствующимъ жизненнымъ условіямъ терминамъ. Къ подобнымъ же остаткамъ терминологіи родового быта нужно, кажется, отнести и названія деревень сложныхъ со словомъ «кари» კარი, обозн. двери, ворота, такъ какъ это послѣднее представляетъ изъ себя вторую половину извѣстнаго composita სახლკარი, что значитъ домъ—ворота и употребляется въ смыслѣ мѣста, занимаемаго семьей со всѣми постройками. Такія названія, какъ Кобіанткари, Барнабіанткари, Павлеурткари, Беніанткари, Джагумаанткари, и т. д. обозначаютъ собственно [домъ] ворота [рода] Кабіашвили, Барнабы, Павлеура, Беніа, Джагума.

* * *

Въ эпоху, доступную наблюденію изслѣдователя по памятникамъ письменности обычными терминами для обозначенія территоріальныхъ единицъ административнаго дѣленія грузинскаго государства были ხევი «хэви», ქუეყანა «куэqана», სოფელი «сопэли», ქალაქი «калаки» и დაბა «даба»; всѣ эти названія сохранились вплоть до послѣднихъ дней самостоятельнаго существованія Грузіи. Но прежде всего объ *хэви*; это слово обозначаетъ по-грузински ущелье. Вся Грузія, благодаря своимъ топографическимъ условіямъ, какъ горная страна, сплошь изборожжена ущельями; горныя цѣпи составляютъ естественную границу разселенія; каждое ущелье представляетъ изъ себя отдѣльную единицу. Изъ описанія Ксенофонта видно, что подобное положеніе можно было наблюдать еще съ IV вѣка до Р. Х. Въ историческую эпоху дѣленіе на ущелье «хэви», какъ это видно изъ груз. памятниковъ, принято было во всѣхъ областяхъ Грузіи, такъ, напр., груз. историкъ Сумбатъ Давидовичъ говоритъ:

იყუნეს: ხარკის: მიმცემელ: სარკინოზთა: ყოველნივე: ხევნი: შავშეთ: კლარჯეთ: ნიგალისანი: (Карт. Цх. р. ц. Маріи, 346).

платили дань Арабамъ *всѣ ущелья* Шавшетіи, Кларджетіи и Нигала:

Изъ даннаго отрывка видно, что во всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ провинціяхъ Грузіи основную административно-территоріальную единицу представляло изъ себя ущелье «хэви»; изъ другого мѣста того же автора можно заключить, что подобное дѣленіе было принято и въ области Тао; про Баграта III историкъ пишетъ:

«ⴋⴍⴓⴅⴊⴍⴓ: ⴁⴀⴂⴐⴀⴒ: ⴗⴍⴓⴅⴄⴊⴈ: ⴑⴀⴋⴄⴔⴍⴓ: ⴇⴡⴑⴈ: ⴀⴔⴞⴀⴆⴄⴇⴈ: ⴠⴄⴐⴄⴇⴈ: ⴃⴀ: ⴉⴀⴞⴄⴇⴈ: ⴋⴍⴓⴅⴈⴃⴀ: ⴃⴀ: ⴃⴀⴈⴆⴀⴋⴇⴐⴀ: ⴉⴄⴅⴇⴀ: ⴒⴀⴍⴓⴑⴇⴀ» (ibid. 353).

«обошелъ Багратъ все царство свое: Абхазію, Эрэти и Кахетію и прибылъ и расположился на зиму въ *ущельяхъ* Тао».

Произведеніе Леонтія Мровели убѣждаетъ, что «хэви» и ему, было извѣстно, какъ основное дѣленіе родной страны; такъ напр. онъ говоритъ, что Фарнавазъ потомковъ Азона

«ⴂⴀⴌⴗⴓⴌⴀ: ⴉⴄⴅⴇⴀ: ⴃⴀ: ⴕⴓⴄⴗⴀⴌⴀⴇⴀ: ⴘⴈⴌⴀ:...

«раздѣлилъ по *ущельямъ* и областямъ».

До чего дѣленіе на ущелья «хэви» было обычнымъ видно изъ того, что анонимный армянскій географъ VII вѣка многія области, входившія въ составъ Грузіи, называетъ съ грузинской приставкой «хэви» ущелье или же съ его армянскимъ эквивалентомъ «ӧоръ», такъ напр.:

Գորգովաթիսխեւի, Տորնիսխեւի, Մանգղեացփոր, Քուիշափոր, Բողնոփոր, Աչէւէթիսխեւի Քուրդիթիրիկոսխեւի (см. изд. Патканова, стр. 17 арм. текста = 39 стр. перевода, особ. прим. 143; A. Soukry. Géogr. de Moïse de Corène, стр. 28; текстъ сильно искаженъ и пришлось кое-гдѣ возстановить и исправить, пользуясь обоими изданіями.

«Горговатисъ-хэви, Торнисъ-хэви, Манглис(исъ)-хэви, Квиша-хэви, Болнисисъ хэви, Ачабетисъ хэви Курдитирикосъ хэви (должно = Курди-ватчрисъ хэви)»...

Характерно также то обстоятельство, что древне-грузинскіе переводчики слово *գաւառ* «гаваръ», встрѣчавшееся въ армянскихъ агіографическихъ памятникахъ и обозначающее только область или провинцію, а не ущелье, передавали на грузинскій именно терминомъ «хэви»,

такъ напр. въ *муч. Сукаветскихъ* фраза «ხევსა ბაგრევანდისასა (238,b пергамент. рук. аѳонск.-иверск. монаст.*)=Ի բագրեւանդ գաւառի (Սհ. томъ XIX, стр. 33) точно также въ *муч. Нерсеса* «უბრძანა ხევადხევად» (л. 355а)=Հրամայեալ ըստ գաւառաց (Սհ. томъ Է). Такимъ образомъ, мы видимъ, что «хэви» обозначало не только «ущелье», но и *провинцію, даже страну;* это сохранилось въ языкѣ даже до настоящаго времени: мѣстность, населенная горцами-грузинами, называется «хэви», а на сванскомъ это же слово обозначаетъ Сванетію.

Что терминъ «хэви» былъ принятъ и въ административномъ языкѣ грузинскаго государства, это ясно видно изъ грамоты ц. Баграта IV отъ 1058 года, гдѣ онъ пишетъ, что созвалъ на верховный судъ

«ყოველთა ხევთა ზემოთა და ქუემოთა: აზნაურნი მეცნიერნი საბჭოთა საქმეთანი» (შიომღვიმ. ისტორ. საბუთები 8).

«всѣхъ ущелій верхнихъ и нижнихъ азнауровъ, знатоковъ думныхъ дѣлъ».

Это — объ «хэви» ущельи, какъ терминѣ территоріально-административнаго дѣленія страны, дѣленіи, основанномъ на топографическихъ условіяхъ Грузіи; онъ употреблялся во всѣхъ областяхъ Грузіи, какъ въ обыденной жизни, такъ и въ административной терминологіи; должностное лицо, стоявшее во главѣ ущельи «хэви», именовалось ხევისთავი «хэвисъ тави» *(глава ущелья)*.

* * *

Для выясненія сравнительной величины, значенія и взаимоотношеній между остальными терминами, особенно между ქუეყანა к̆уэqана, ქალაქი к̆алак̆и и სოფელი сопэли можно привести одну фразу изъ грузинской версіи *Хожденія ап. Андрея*, въ которой всѣ три названія слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ. Авторъ *Хожденія* говоритъ про первозваннаго Апостола, что онъ

...«ძალითა სულისა წმიდისათა ქუე-ყანითი ქუეყანად, და ქალაქითი ქა-

«силой Св. Духа не переставалъ проповѣдовать вѣру Христову[,

*) Эти и цитируемые ниже грузинскіе переводы агіографическихъ памятниковъ арм. святыхъ списаны на Аѳонѣ проф. Н. Я. Марромъ, который любезно далъ намъ возможность прочесть и извлечь изъ списанныхъ имъ житій интересныя для намѣченной задачи мѣста, за что и приношу свою искреннюю благодарность.

დაქად და სოფლითი სოფლად არა დასცხრა ქადაგებად სარწმუნოებასა ქრისტესსა». (Рай Грузіи. Сабинина, 26).

переходя] изъ страны въ страну, изъ городъ, изъ деревни въ деревню».

Такимъ образомъ, самая большая территоріальная единица «ќуэqапа» страна, «ќалаќи» обозначаетъ городъ, а самая маленькая — это «сопели» деревня. Послѣдующія изысканія по этому вопросу только отчасти подтверждаютъ данное заключеніе.

Основное значеніе слова ქუეყანა ќуэqана прежде всего — земля; въ грузинскомъ текстѣ Евангелія для передачи этого понятія всегда употребляется данное слово; такъ, въ притчѣ о сѣятелѣ говорится:

«სხუა დაჰვარდა ქუეყანასა კეთილსა» (Маркъ, IV,8) иное упало на землю (*куэдана*) добру; въ армянскомъ переводѣ стоитъ тутъ երկիր, въ греческомъ γή. Основное значеніе интересующаго насъ названія еще яснѣе видно изъ слѣдующей фразы о слѣпорожденномъ, гдѣ говорится какъ Христосъ

«ვითარცა ჰსთქუა, ჰნერწყუა ქუეყანასა და შეჰქმნა თიკაჲ ნერწყჳსაგან (Іоанна, IX,6)

«какъ только сказалъ, плюнулъ на землю (*куэдана*), сдѣлалъ бреніе изъ плюновенія».

Основное значеніе этого слова долго сохранялось въ грузинской литературѣ; въ *Житіи Григорія Хандзтійскаго* имѣется нѣсколько мѣстъ, гдѣ оно употреблено въ своемъ первоначальномъ смыслѣ, такъ напр., отъ грузинъ отшельниковъ, по словамъ автора агіографическаго памятника, св. Григорій научился «ქუეყანასა ზედა წოლასა (стр. ზ,43), спать на землѣ (*куэдана*); въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ для передачи понятія «покосныя земли, мѣста» употребляетъ выраженіе «სათიბელი ქუეყანაჲ» (ibid. стр. იზ,50) покосная земля (то же слово).

Это же слово, какъ было указано, имѣетъ также значеніе страны, такъ напр., историкъ Сумбатъ Давидовичъ говоритъ, что предки Багратидовъ, выйдя изъ Палестины, пришли въ Арменію и

«დაშთეს იგინი ქუეყანათა სომხითისათა» (Такайшвили, Три ист. хрон. 43).

«остались въ *землѣ* (куэqаната) армянской».

Авторъ *Житія Григорія Хандзтійскаго*, говоря о происхожденіи Микеля, пишетъ:

«იყო მიქელ ქუეყანისა შავშეთისა სოფლისა ნორგიალისა» (Житie, ლჲ,25).

«былъ Микель изъ земли (куэqаниса) Шавшетiи, селенiя Норгiала».

Уже въ грузинскомъ переводѣ Библiи слово ქუეყანა ќуэqана въ значенiи страны обычно и, въ то время какъ первоначальный смыслъ этого слова постепенно исчезалъ, вторичное значенiе все болѣе и болѣе прiобрѣтало право гражданства и вошло въ административную терминологiю, что доказывается законодательными памятниками (Георгiя V Блистательнаго, Беки и Агбуги).

Что въ это время, собственно, подразумѣвалось подъ словомъ ქუეყანა ќуэqана, какая именно территорiальная единица, сказать за отсутствiемъ данныхъ невозможно; можно думать, что ქუეყანა ќуэкана обнимала территорiю, населенную извѣстной этнической единицей; на такую мысль наводитъ то обстоятельство, что обыкновенно названiе ќуэqана прилагалось къ такимъ мѣстностямъ какъ ჯავახეთი, შავშეთი, სომხეთი, კახეთი Джавахетiя, Шавшетiя, Сомхетiя, Кахетiя и т. д.; хотя это не выдерживается и попадаются случаи, когда оно прилагается къ гораздо меньшимъ территорiально-этническимъ единицамъ. Есть основанiе предполагать, что ќуэqана уменьшалась или увеличивалась обыкновенно сообразно съ политическими или иными условiями; должностное лицо, стоявшее во главѣ управленiя ќуэqана, именовалось *«эристави»* (глава народа).

* * *

Сопэли სოფელი, какъ было выше указано, имѣетъ значенiе деревни, села; можно привести два, три примѣра, подтверждающихъ это значенiе слова; такъ напр. въ *Мученичествѣ 9 отроковъ колайскихъ* говорится:

«იყო სოფელი ერთი დიდი თავსა წყლა: დიდისა მის მდინარისასა: რომელსა ჰრქჳან მტკუარი. ჴევსა რომელსა ჰრქჳან კოლა»...(Марръ, Тексты и разыск. кн. V,55).

«Было одно большое село (сопэли) у истока большой рѣки, называемой Курою, въ ущельи, которое называется Кола.

Ясно, что согласно данной фразѣ სოფელი «сопэли» является болѣе маленькой единицей, чѣмъ «хэви» ущелье; затѣмъ само описанiе его мѣстоположенiя дѣлаетъ несомнѣннымъ, что рѣчь идетъ объ селѣ, либо

деревнѣ, въ крайнемъ случаѣ объ городѣ, но не какъ не о цѣлой области или провинціи. Точно также въ слѣдующемъ эксцерптѣ, приводимомъ изъ исторіи Сумбата Давидовича, это слово можетъ быть понятно только въ томъ же значеніи, какъ и въ предыдущей фразѣ:

«კევი შავშეთისა უშენებელ იყო მაშინ გარეშე მცირედთა სოფელთასა». (Изд. Такайшвили, Три ист. хроники, 52).

«ущелье Шавшетіи не было обитаемо за исключеніемъ немногихъ селеній (соп̑элта)».

Примѣровъ, доказывающихъ, что «соп̑эли» употребляется въ значеніи села, очень много; однако, это же слово въ древне-грузинской литературѣ имѣетъ и болѣе широкій смыслъ: оно обозначаетъ область или провинцію, даже цѣлую страну; такъ напр. въ *мученичествѣ Евстаѳія Мцхетскаго* св. подвижникъ, когда его допрашиваетъ персидскій марзпанъ, говоритъ о своемъ происхожденіи слѣдующее:

«რომლისა სოფლისა ხარ ანუ რომლისა ქალაქისა... ხოლო წმიდამან ევსტათი ჰრქუა მას: მე სოფლისა სპარსეთისა ვიყავ, [კევისა] არბუკეთისა, ქალაქისა განძაკისა ვიყავ» (Сабининъ, Рай Грузіи, 314).

«изъ какой страны (соп̑лиса) ты, или изъ какого города... святой Евстаоій же сказалъ ему: я былъ изъ страны *(соп̑лиса)* Персіи, изъ ущелья Арбукети, изъ города Гандзака».

Очевидно въ данномъ случаѣ *«сопели» обозначаетъ страну, а не деревню*; это можно подтвердить хотя бы тѣмъ, что въ этомъ же произведеніи отвѣтъ, повторенный Евстаѳіемъ на вторичномъ допросѣ, звучитъ такъ:

«მე ვიყავ ქუეყანისა სპარსეთისა, კევისა არბუკეთისა, ქალაქისა განძაკისა» (ibid. 316).

«я былъ изъ страны (*куэqаниса*) Персіи, ущелья Арбукети, города Гандзака».

т. е. вмѣсто слова «соп̑эли» употреблено «к̑уэqана», обозначающее, какъ мы видѣли, страну.

Точно также и въ груз. переводѣ *мученичества Шушаники* попадается слѣдующее предложеніе:

«აზნაურნი დიდ დიდნი... აზნაურნი და უაზნონი სოფლისა ქართლისანი მოვიდეს»... (Сабининъ, Рай Грузіи, 191).

«прибыли азнауры (родовитые) великіе, родовитые и безродные страны (*сопლиса*) Грузіи».

Ясно, что въ данномъ эксцерптѣ «сопэли» равняется по значенію странѣ.

Но это не все; слово «сопэли» употребляется, наконецъ, и въ значеніи вселенной, такъ напр., въ Евангеліи отъ Матоея время передъ страшнымъ Судомъ описано въ такихъ краскахъ:

...«იყოს მაშინ ჭირი დიდი, რომელი არა იყო დასაბამითგან სოფლისათ ვიდრე აქამომდე» (XXIV,21)

«тогда будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра (сопლиса) до нынѣ».

Въ греческомъ текстѣ грузинскому «сопэли» соотвѣтствуетъ κόσμος; примѣровъ, въ которыхъ слово «сопэли» употребляется въ значеніи вселенной, можно привести множество. Подобное значеніе интересующаго насъ слова вполнѣ понятно, такъ какъ оно по своему этимологическому составу имѣетъ тотъ же смыслъ, что и греческое οἰκουμένη и русское вселенная и происходитъ отъ глагола სუფევა.

Является естественно вопросъ, какое изъ всѣхъ вышеуказанныхъ значеній (деревни, области, страны и вселенной) должно считаться основнымъ, первоначальнымъ. Судя по этимологическому составу слова, оно могло бы употребляться для обозначенія любого изъ нихъ, разъ вопросъ касался *населеннаго* пункта, или области; въ дѣйствительности однако это было не совсѣмъ такъ: относительно названія деревни можно категорически установить, что *въ древнѣйшую эпоху слово «сопэли», какъ terminus technicus для обозначенія села, либо деревни, совершенно неизвѣстно;* изъ массы случаевъ, въ которыхъ это слово встрѣчается въ Евангеліи, нѣтъ ни одного, когда бы оно имѣло смыслъ деревни и равнялось греческому κώμη и армянскому գեւղ, а всегда обозначаетъ страну, область, или вселенную и равняется греческому χώρα или κόσμος, армянскому աշխարհ или երկիր. *Единственное слово, которое было извѣстно грузинскимъ переводчикамъ Евангелія въ качествѣ названія деревни, либо села, — это слово* დაბა *«даба»*. Такимъ образомъ, въ IV—V в. въ грузинской литературѣ «сопэли» обозначало населенную область, страну, наконецъ, вселенную, впослѣдствіи только *приблизительно около VIII вѣка оно начало употреб-*

ляться также какъ terminus technicus для деревни, причемъ это последнее значеніе начало постепенно вытѣснять всѣ остальныя, и только значеніе вселенной удержалось до послѣдняго времени.

* * *

Для передачи понятія *городъ* въ грузинской литературѣ употребляется слово ქალაქი «ḱалаḱи»; оно не туземнаго происхожденія и является заимствованнымъ via armeniaca сирійскимъ словомъ ܟܪܟܐ; это слово образовано отъ глагола ܟܪܟ окружать, огородить. Будучи заимствованнымъ, въ армянскомъ оно приняло форму քաղաք ḱаγаḱ или по древнему произношенію ḱалаḱ; въ армянской исторической литературѣ это слово сохранило еще отчасти, какъ указано будетъ во второй части даннаго труда, первоначальное значеніе ограды.

Но и въ грузинскихъ письменныхъ памятникахъ имѣется нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ отражается древнѣйшее представленіе о ḱалаḱи; такъ напр., въ грузинской версіи *Хожденія ап. Андрея* встрѣчается слѣдующая фраза:

«დაბასა ნიკეას ბითვინიისასა რამეთუ არღა იყო იქი ქალაქად, არამედ უკანასკნელ შეზღუდა იგი და განავრცელა მეფემან ტრაიანემ მან» (Сабининъ, Рай Грузіи, стр. 31).

«въ *деревню* Никею Виѳинійскую ибо *не была она* еще *городомъ, но впослѣдствіи окружилъ ее укрѣпленіемъ* и расширилъ царь Троянъ».

Такимъ образомъ, выходитъ, что деревня, окруженная крѣпостью, становится городомъ; во всякомъ случаѣ существеннымъ признакомъ города является ограда, крѣпостныя стѣны.

Далѣе въ хроникѣ «*Обращенія Грузіи*» говорится:

«მეფობდა ბრატმან, რომელსაზე მცხეთას ქალაქი დაეწყო და მეფობდა მირვან და მან აღაშენა მცხეთა[ს?] ქალაქი» (изд. Такайшвили, Три Хроники 8).

«царствовалъ Братманъ, при которомъ во Мцхетѣ было начато (*ḱалаḱи*) *городъ* и онъ *построилъ городъ* Мцхетъ».

Изъ даннаго предложенія выходитъ, что по мнѣнію автора Мцхетъ существовалъ до ц. Братмана и Мирвана, но онъ не имѣлъ еще «*калаки*» и эти государи построили, причемъ первый изъ нихъ началъ, а второй докончилъ; что же они строили? если допустить, что

въ данномъ случаѣ слово ќалаќи употреблено въ своемъ первоначальномъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблялось въ сирійскомъ, а именно *ограды либо крѣпости*, то тогда все предложеніе станетъ яснымъ: Братманъ *началъ строить стѣны вокругъ царской резиденціи Михета* и Мирванъ закончилъ предпріятіе своего предшественника. Такимъ образомъ, если интерпретація даннаго эксцерпта правильна, устанавливается, что ќалаќи и въ древне-грузинскомъ имѣло значеніе ограды, крѣпости.

Какъ косвенное подтвержденіе данному выводу можно привести одно мѣсто изъ «Ќартлисъ Цховреба», гдѣ о городѣ Тифлисѣ сказано:

«ტფილისი სოფელი და ციხეცა მოოხრებულ იყო მაშინ» изд. З. Чичинадзе, 189).

«селеніе (сопэли) Тифлисъ и крѣпость были тогда опустошены.

Такимъ образомъ *городъ Тифлисъ* состоитъ изъ *селенія* (сопэли) и *крѣпости* (кала قلعة), и это *вмѣстѣ и составляетъ то, что называлось «ќалаки»*.

Хотя изъ вышеприведенныхъ немногихъ примѣровъ видно, что слово «калаки» и въ древнегрузинскомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранило первоначальное значеніе ограды, крѣпости и въ этомъ отношеніи равняется туземному названію «цихэ», тѣмъ не менѣе, вѣроятно, уже въ моментъ заимствованія сирійское ܟܪܟܐ = քաղաք = ქალაქი употреблялось какъ terminus techincus для обозначенія города и административнаго центра.

Итакъ, въ грузинскомъ, какъ и въ армянскомъ не существуетъ собственнаго слова для обозначенія «города»; это можетъ объясняться тѣмъ, что въ обѣихъ странахъ въ древнѣйшую эпоху очень мало была развита городская жизнь, что пункты, которые служили въ административномъ, оборонительномъ, а особенно въ торговомъ отношеніи центрами, мало чѣмъ отличались отъ остальныхъ населенныхъ пунктовъ.

И дѣйствительно, если взять описаніе Ксенофонта тѣхъ мѣстностей, которыя были заселены различными картвельскими племенами, ясно видно, что въ IV вѣкѣ до Р. Х. на юговосточномъ побережіи Чернаго моря города еще мало чѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ деревень; онѣ не представляли еще изъ себя торговаго центра и по большей части въ виду своего расположенія на высотахъ играли роль укрѣпленныхъ поселковъ, куда спасались во время войны жители

окрестныхъ деревень. Города, имѣвшіе значеніе торговаго центра, принадлежали по всему южному побережью Чернаго моря греческимъ колонистамъ.

Изъ описанія Ксенофонта видно, что вершины горъ, неприступныя возвышенности служили туземцамъ оборонительными пунктами: тамъ они строили свои крѣпости и города, туда спасались и всѣ жители окружныхъ деревень; такъ, Ксенофонтъ разсказываетъ, что «когда эллины появились въ горной странѣ, то дриллы стали поджигать и покидать всѣ деревни, которыя, по ихъ мнѣнію, могли быть взяты врагами... *Одно укрѣпленіе было* у нихъ *ихъ главнымъ городомъ*, въ него *то и собрались теперь всѣ они*. Оно было окружено очень глубокимъ оврагомъ, и *доступъ къ нему былъ труденъ*» (ib. Lib. V, 2,3). И въ странѣ моссинойковъ *столица была построена на самомъ высокомъ мѣстѣ*, оно имѣло и укрѣпленіе, которое, по словамъ Ксенофонта, «лежало передъ городомъ, называвшемся у нихъ столицей и занимавшимъ *самый возвышенный пунктъ страны* моссинойковъ (ib. Lib. V, cap. 4,15). Почти вся область этого племени была покрыта сѣтью подобныхъ укрѣпленій: «большая часть этихъ крѣпостей (χωρίων), предаетъ тотъ же авторъ, была такого рода: они (πόλεις тутъ рав. = χωρίον) отстояли другъ отъ друга стадій на 80, однѣ дальше другія ближе. Когда жители перекликались другъ съ другомъ, то крики слышны были изъ одной въ другую»: (ib. Lib. V, cap. 4,31). Подобныя *укрѣпленія могли не быть даже вообще населенными пунктами*; бывало иногда, что въ нихъ *отсутствовали жилыя помѣщенія* и постройки, какъ это было въ странѣ таоховъ, которые «*жили въ укрѣпленныхъ мѣстахъ*, гдѣ и хранили собранные запасы всякаго провіанта.... «эллины, разсказываетъ Ксенофонтъ, подошли къ одному укрѣпленію, которое не *представляло изъ себя ни города и не имѣло даже жилищъ*, но въ которомъ собрались тогда мужчины и женщины со множествомъ скота»... (ib. Lib. IV, cap. 7,2).

Страбонъ передаетъ также, что крѣпость Шорапани, служившая границей между Колхидой и Иберіей, могла вмѣстить въ себѣ населеніе цѣлаго города» (Geogr. XI, cap. 2, 17); очевидно, большіе размѣры Шорапани были расчитаны на военныя нужды, когда окружное населеніе принуждено было искать убѣжища въ крѣпости.

Итакъ, изъ описанія Ксенофонта видно, *что въ древности въ мѣстностяхъ, населенныхъ картвельскими племенами, города собственно представляли изъ себя тѣже деревни съ укрѣпленіями, иногда даже*

безъ постояннаго населенія и жилья, и являлись оборонительными, а не торговыми центрами; потому и строили ихъ мѣстные жители не на ровномъ мѣстѣ, куда доступъ и сообщенія могли быть легки, а на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ страны, чтобы лучше можно было обороняться; въ виду этого нужно думать, что вмѣсто заимствованнаго слова «калаки» въ старину употреблялись «цихэ», или «згудэ», обозначающія по-грузински крѣпость.

Какъ дѣло обстояло въ IV в. до Р. Х. въ восточной части Грузіи, въ такъ называемой Иберіи, неизвѣстно, но то, что сообщаетъ Страбонъ о культурномъ состояніи ея въ современную ему эпоху, указываетъ уже *на развитую городскую жизнь*, такъ какъ, по словамъ знаменитаго географа, Иберія была тогда

οἰκεῖται καλῶς τὸ πλέον πόλεσί τε καὶ ἐποικίοις ὥστε καὶ κεραμωτὰς εἶναι στέγας καὶ ἀρχιτεκτονικὴν τὴν τῶν οἰκήσεων κατασκευὴν καὶ ἀγορὰς καὶ τἆλλα κοινά. Geographica Lib. XI, cap. III,1).

«прекрасно заселена большей частью городами и селами, такъ что имѣются и черепичныя крыши и устройство жилищъ, согласно требованіямъ архитектуры, рынки и другіе общественныя зданія».

При наличности подобной развитой городской жизни странно, что описывая государственный строй Иберіи и пересчитывая сословія, Страбонъ ни однимъ словомъ не обмолвился о существованіи въ странѣ купеческаго сословія. Трудно сказать, объясняется ли отсутствіе данныхъ о торгово-промышленномъ сословіи въ Иберіи пропускомъ или свѣдѣнія знаменитаго географа о городахъ должны считаться преувеличеными. Во всякомъ случаѣ, города въ Иберіи съ рынками, общественными зданіями, построенными по правиламъ архитектуры доказываютъ, что они являлись уже экономическими центрами въ странѣ; быть можетъ, подобная эволюція за время III—IV вѣковъ произошла въ положеніи городовъ и у картвельскихъ племенъ, жившихъ по юго-восточному побережью Чернаго моря, но свѣдѣній у насъ объ этомъ не имѣется.

Достойно вниманія, какое представленіе имѣетъ Леонтій Мровели, авторъ начальной части «Картлисъ Цховреба» относительно образа первоначальнаго разселенія грузинскихъ племенъ: во все время своей жизни этнархъ Грузіи Картлосъ — строитъ только крѣпости; первое, что воздвигаетъ онъ, это укрѣпленіе, а потомъ только жилое помѣщеніе:

«პირველად: შექმნა: მუნ: ზედა: სიმაგრე: და: იშენა: მუნ: ზედა: სახლი»: (Редакція ц. Маріи, изд. Такайшвили, 5).

«прежде всего воздвигъ. тамъ (на горѣ) укрѣпленіе и поставилъ тамъ домъ».

И послѣ всѣ его постройки представляли изъ себя крѣпости, какъ передаетъ, напримѣръ, историкъ

«ციხე ორბისა: რომელსა: აწ: ჰქჳან: სამშვილდე: და კუალად: აღაშენა: მტუერის ციხე: რომელსა: აწ: ჰქჳან: ხუნანი:» (Кар. Цхов. р. ц. Маріи изд. Е. Такайшвили, стр. 6).

«крѣпость Орби, которая теперь зовется Самшвилдэ, затѣмъ онъ построилъ крѣпость Мтвери, которая нынѣ зовется Хунанъ».

Жена Картлоса и та даже строитъ крѣпость «Дэда-Цихэ» (ibid. 6); но за то она первая строитъ и городъ, а вслѣдъ за ней уже и ея дѣти (ibid. 6). Характерно то, что *историкъ не приписываетъ Картлосу ни одного основанія города, а только постройку крѣпостей.*

Самый фактъ проникновенія сирійскаго названія для города въ армянскій и грузинскій языки указываетъ на происхожденіе въ этихъ странахъ городской, или точнѣе торгово-промышленной культуры. Еще съ глубокой древности шелъ торговый путь изъ Месопотаміи, Мидіи и Бактріи въ Арменію и въ Грузію (см. Strab. Geograph.: lib. XI, cap. V,8; lib. XI, cap. VII,3).

Въ самомъ Мцхетѣ была, по описанію *Житія Евстаѳія Мцхетскаго* колонія персидскихъ сирійцевъ, занимавшихся кожевеннымъ и сапожнымъ мастерствомъ; однимъ словомъ, имѣются независимыя другъ отъ друга данныя, подтверждающія существованіе сирійской-иранской торговой культуры въ Грузіи и въ Арменіи.

Изъ описанія Страбона видно, что въ Иберіи къ I вѣку нашей эры, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ городахъ существовала уже развитая городская жизнь: общественныя зданія, построенныя согласно съ требованіями архитектурнаго искусства, рынки и площади до нѣкоторой степени свидѣтельствуютъ объ этомъ. Какова же была общественная жизнь грузинскихъ городовъ, была-ли у нихъ своя организація? На эти вопросы невозможно дать прямого отвѣта: историческіе матеріалы черезмѣрно бѣдны для того, чтобы рѣшать подобные вопросы. Выше было указано, что у Леонтія Мровели упомянутъ мцхетскій мамасахлисъ (отецъ дома), причемъ онъ считался, по словамъ

историка, сувереномъ грузинскаго народа; собственно говоря, какъ само названіе показываетъ, онъ является мамасахлисомъ города Мцхета, и въ томъ обстоятельствѣ, что это же лицо считалось сувереномъ грузинскаго народа, можно было, пожалуй, видѣть указаніе на то, какую роль играли города въ концентраціи царской власти, если бы только на основаніи такого скуднаго свѣдѣнія не рискованно было дѣлать столь важное заключеніе. Оставляя въ сторонѣ послѣднее предположеніе, на лицо—все же фактъ, что глава города назывался мамасахлис'омъ, что это было обычнымъ и общераспространеннымъ; еще до послѣднихъ вѣковъ самостоятельнаго существованія Грузіи сохранялась должность и наименованіе городскихъ мамасахлисовъ, несмотря на то, что иноземное вліяніе вносило новыя названія, какъ меликъ, или кэдхудъ; такъ напр., въ документѣ 1634 года упомянутъ «мамасахлисъ» г. Тифлиса (см. Ф. Жорданія. ქართლ-კახეთის მონასტრების და ეკლესიების ისტორიული საბუთები, 1903 г. გვ. 210), а въ *Инструкціяхъ* царя Вахтанга VI *(Дастурламали)* въ числѣ правителей города вторымъ послѣ мелика названъ мамасахлисъ (ვ. უმიკაშვილი, დასტურლამალი, 85), въ раздѣльномъ же актѣ отъ 1781 года главнымъ лицомъ города Гори обозначенъ мамасахлисъ (Г. Пурцеладзе, *Грузинскія крест. грамоты*, 37). Этимъ устанавливается фактъ существованія городскихъ мамасахлисовъ; очевидно это очень древній институтъ, вѣроятно эпохи родового строя; но, въ чемъ состояли обязанности ихъ, какъ ихъ выбирали, каково было ихъ отношеніе къ высшимъ властямъ страны и къ городскому населенію, намъ абсолютно ничего не извѣстно.

Въ грузинскихъ городахъ жили иноземные ремесленники и торговцы, какъ это видно изъ *Житія Евстаөія Мцхетскаго* (Рай Грузіи, стр. 313, 314).

Въ городахъ, какъ было сказано, были всегда крѣпости, но существовали и такія укрѣпленія, которыя составляли отдѣльную оборонительную величину для окружнаго сельскаго населенія; выше была приведена выписка изъ начальной части «Картлисъ Цхов.» изъ которой можно видѣть, что крѣпости считались въ древности самыми важными пунктами: вѣдь родоначальникъ грузинъ еще до возведенія жилого помѣщенія принимается прежде всего за постройку крѣпости.

По-грузински крѣпость называется ციხე «цихэ», причемъ извѣстно еще შიდა-ციხე *«шида-цихэ»* (მოქც. ქრონ. Такайшвили, *Три Хрон.* 7), что равняется вышгороду; какъ онъ строился и въ какомъ

отношеніи находился къ большей или внѣшней крѣпости, невозможно установить. Въ городахъ и укрѣпленіяхъ, какъ это видно изъ разсказа Діона Кассія, стояли горнизоны (Dio Cassius, Ῥωμαϊκὴ ἱστορία, XXXVII,4 и Латышевъ, Изв. стр. 613). Начальникъ или комендантъ крѣпости назывался ციხისთავი «цихистави», въ переводѣ обозначающее «главу крѣпости»; изъ древне-грузинскихъ источниковъ извѣстенъ комендантъ г. Мцхета, поставленный персидскимъ правительствомъ (*Житіе Евстаѳія Мцхетскаго*, Рай Грузіи, стр. 313), но вѣроятно эта должность существовала въ странѣ еще до сассанидскаго владычества. Персидскій комендантъ крѣпости г. Мцхета былъ облеченъ, какъ это видно изъ агіографическаго памятника, и судебными фунціями: онъ производилъ дознаніе и произносилъ приговоръ, если только онъ не касался жизни преступника; въ такихъ случаяхъ онъ долженъ былъ переслать обвиняемаго вмѣстѣ съ добытыми результатами слѣдствія къ высшему представителю сассанидскаго правительства въ Грузіи къ марзпану, имѣвшему въ VI в. резиденцію въ г. Тифлисѣ (ibid. стр. 314).

Въ распоряженіи коменданта крѣпости находились всадники и гарнизонъ (idib. стр. 314).

* * *

«Даба» დაბა въ древне-грузинскомъ употребляется въ значеніи деревни*); выше было указано, что въ грузинскомъ переводѣ Евангелія точно также, какъ и въ *мученичествѣ Евстаѳія Мцхетскаго* (изд. Сабинина, Рай Грузіи, стр. 314 დაბა, 316 ხევსა მდაბიურსა არს, 318 დაბა) и *Шушаники* (ibid. стр. 182 დაბა, 183 დაბა), для передачи этого слова извѣстно только «даба» и названіе «сопэли» въ смыслѣ деревни ни разу не встрѣчается; во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ попадается слово «даба» въ Евангеліи, оно равняется или армянскому գեւղ и греческому κώμη (напр. Матѳ. IX,35, X,11),

или армян. շէն и греч. κώμη (напр. Матѳ. XIV,15, Маркъ VIII, 23, 26, 27),

или армян. ագարակ и греч. ἀγρός (напр. Марк. V,14),

*) Громадное значеніе для выясненія происхожденія городовъ и деревень имѣетъ изученіе географической номенклатуры. Исторической географіи Грузіи еще не существуетъ, поэтому приходилось довольствоваться извѣстнымъ трудомъ Вахуштія: подавляющее количество названій деревень и городовъ съ суффиксами *эти* и префиксами *са*.

или армян. տեղի и греч. τόπος (напр. Лука X,2).

Терминъ «даба» обозначаетъ, обработанную, воздѣланную мѣстность, въ отличіе отъ необработанной, именуемой по-грузински უდაბნო «удабно». Первоначальное значеніе этого слова сохранено еще въ сванскомъ, гдѣ «дäб» обозначаетъ только пашню (см. Сборн. Мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавк. вып. XXI, стр. 76). Позднѣе терминъ начинаетъ вытѣсняться терминомъ «сопэли», но чѣмъ, собственно, объясняется это явленіе невозможно еще установить*). Выше было выяснено, что въ деревняхъ высшее должностное лицо называлось «мамасахлис»омъ, это терминъ эпохи родового строя, когда въ селеніяхъ жили по родамъ; для древнѣйшей эпохи установить родовой принципъ разселенія жителей по деревнямъ невозможно за отсутствіемъ данныхъ, но еще не такъ давно, насколько это намъ извѣстно изъ найденныхъ теперь *грузинскихъ народныхъ переписей*, этотъ принципъ соблюдался въ арагвскомъ ущельи; такъ напр., по переписи 1774 года видно, что въ деревнѣ Джагумантъ-кари жила исключительно фамилія Джагумидзе (см. изд. Е. Такайшвили 432) въ Кайшауртъ-кари—исключительно фамилія Кайшаури (ibid. 432), — въ сел. Корого — только фамилія Тцамалайдзе (ib. 437), въ Сваніантъ-кари — исключительно фамилія Сванидзе (ibid. 437); въ сел. Роро — исключительно фамилія Бедойдзе (ibid. 441); въ сел. Гвидакэ — исключительно родъ Бучукури (ibid. 442); въ сел. Чончо—исключительно фамиліи Нариманидзе (ib. 445—47), въ Бакіантъ-кари — только родъ Бакіаури (ibid. 448), въ Копіантъ-кари—исключительно фамилія Кобаидзе (ibid. 455) и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ Грузіи въ позднѣйшее время уже трудно установить существованіе того же принципа при разселеніи жителей по деревнямъ, такъ какъ сильное и продолжительное вліяніе различныхъ разрушающихъ факторовъ привели къ распаденію родового строя. Но однимъ изъ признаковъ былого родового разселенія по деревнямъ является, какъ было выше указано, присутствіе въ номенклатурѣ деревень суффикса «кари», а также патронимическаго префикса «са» въ такихъ названіяхъ, какъ Сашабуро, Сатчилао, Сагурамо, Саломинао, Салипартіано, Самикелао и т. д.

Въ первоначальную эпоху въ виду разселенія по родамъ «мамасахлис»омъ деревни долженъ былъ являться старшій членъ въ родѣ, но долго-

*) Есть основаніе предполагать только, что тутъ на лицо діалектическое явленіе.

ли это продолжалось и, какія измѣненія перетерпѣлъ этотъ институтъ въ позднѣйшее время, сказать за отсутствіемъ данныхъ невозможно. Приведенный въ первой главѣ эксцерптъ соборнаго постановленія при ц. Багратѣ показываетъ во всякомъ случаѣ, что въ старину мамасахлис'ы деревень не имѣли судебныхъ полномочій и что только съ XI вѣка ц. Багратомъ были имъ таковыя предоставлены.

У древне-греческихъ историковъ сохранилось нѣсколько весьма интересныхъ описаній деревень въ мѣстностяхъ, населенныхъ картвельскими племенами. Эти описанія относятся преимущественно къ IV вѣку до Р. Х. и даютъ намъ возможность представить себѣ картину сельской жизни.

Изъ описапія Ксенофонта видно, что въ противоположность укрѣпленіямъ всѣ деревни, черезъ которыя только приходилось совершать путь эллинамъ, были преимущественно расположены на горныхъ равнинахъ. Такъ, напр., въ главѣ о походѣ на страну кардуховъ онъ разсказываетъ, что «Хейрисофъ достигъ вершины... а потомъ двинулся... въ деревни, которыя были расположены въ долинахъ и ущельяхъ горъ» (Anab. Lib. IV, cap. 1,7); дальше онъ продолжаетъ: «было уже темно, когда послѣднія греческія войска *спустились съ вершины (горъ) въ деревни*» (Anab. Lib. IV, cap. 1,10). Но не только въ этой мѣстности, двигаясь далѣе, Ксенофонтъ опять засталъ поселки въ равнинѣ: «въ этотъ день, говоритъ онъ, греки остались въ *деревняхъ въ равнинѣ*, которая лежитъ у рѣки Кентрита»... (ib. Lib. IV, cap. 3,1).

Передъ вступленіемъ въ землю таоховъ, передаетъ тотъ же авторъ, «эллины, взобравшись на вершину, совершили жертвоприношеніе и поставили Трофей, а затѣмъ *спустились въ равнины и вступили въ деревни*» (ib. Lib. IV, cap. 6,27).

На плоскости находились точно также и поселенія скиѳиновъ; «эллины пришли, разсказываетъ Ксенофонтъ, къ рѣкѣ ʽАарпадзу въ 4 плетра ширины; а оттуда *по землѣ скиѳиновъ по равнинѣ и прибыли въ деревни*, въ которыхъ, пробыли 3 дня» (ib. Lib. IV, cap. 7,18).

Точно также, когда Ксенофонтъ разсказываетъ о разграбленіи греками колхскихъ деревень, то онъ сообщаетъ, что трапезундскіе горожане «ходатайствовали *за сосѣднихъ колховъ, жившихъ преимущественно въ равнинѣ*» (ib. Lib. IV, cap. 8,24), чтобы ихъ деревни не опустошались.

Въ туземныхъ городахъ и селахъ постройки были деревянныя; это объясняется обиліемъ въ этихъ мѣстностяхъ лѣсовъ. Не только

дома, но даже башни и крѣпостныя стѣны были построены изъ этого матеріала. У дриловъ, напр., кругомъ укрѣпленія «былъ проведенъ широкій ровъ, *на насыпи котораго были натыканы колья и было выстроено множество деревянныхъ башенъ*» (Xenophon. Anab. Lib. V, cap. 2,5). Царь, или предводитель моссинойковъ, жилъ также въ деревянной башнѣ (ib. Anab. Lib. V, cap. 4,26), а обыкновенные дома были двухэтажные, причемъ въ верхнихъ этажахъ хранились съѣстные припасы, каштаны и т. п., внизу жили сами (ib. Lib. V, cap. 4,27-29).

Изъ описанія Страбона видно, что въ Иберіи поселенія были обставлены лучше и преобладали каменныя постройки даже съ черепичными крышами (Geogr. lib. XI, cap. III). Но, такъ какъ еще до послѣдняго времени въ разныхъ мѣстахъ можно было видѣть наполовину или совершенно подземныя постройки жилищъ крестьянъ, которыя напоминаютъ по описанію Ксенофонта подобныя же постройки въ Арменіи (Anab. Lib. IV, cap. 5,25), то можно предполагать существованіе построекъ этого типа въ эпоху Ксенофонта и Страбона и въ нѣкоторыхъ областяхъ Иберіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Населеніе.

Изъ описанія Страбона можно было убѣдиться, что основной единицей соціальнаго дѣленія грузинскаго народа былъ родъ; на грузинскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько названій для передачи этого понятія: გვარი, ნათესავი, ტოჰმი или ტომი «гвари», «нат̑есави», и «тоhми» или «томи», — причемъ послѣднее слово представляетъ изъ себя заимствованіе персидскаго via armeniaca слова տոհմ, tuxm, что обозначаетъ сѣмя, родъ; это слово было видимо общепринятымъ у всѣхъ народовъ, находившихся подъ вліяніемъ иранской культуры; оно вошло также въ сирійскій ܛܘܗܡܐ, какъ terminus technicus для обозначенія фамиліи, рода. Въ грузинскомъ хотя и было оно распространено, но преимущественно въ переводныхъ съ армянскаго памятникахъ, и потому для древнихъ оригинальныхъ произведеній не можетъ считаться обычнымъ; есть, напр., произведенія, притомъ наиболѣе древнія, въ которыхъ это слово почти ни разу не встрѣчается, вмѣсто него тамъ употреблено другое слово; такъ, напр., въ хроникѣ *Обращенія Грузіи* и *Исторіи Багратидовъ* Сумбата Давидовича, исторіи Леонтія Мровели для передачи понятія родъ всегда употребляется ნათესავი «нат̑есави», а не ტოჰმი «тоhми».

Даже въ евангельскомъ текстѣ это послѣднее слово необычно, оно встрѣчается только пять разъ (Мат. XIX,28; XXIV,30; Лука I,27; II,4 и 36; XXII,30), во всѣхъ остальныхъ случаяхъ грузинскіе переводчики употребляютъ слово «нат̑есави»; это послѣднее — настоящее грузинское слово и обозначаетъ «посѣянное», такъ что по смыслу равнозначуще заимствованному «тоhми». Первое изъ грузинскихъ названій рода — გვარი «гвари» тоже коренное туземное слово, но оно совершенно не встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности: оно не употребляется вовсе, напр., въ *Евангеліи*, въ *агіографическихъ памят-*

никахъ начальнаго періода, въ *хроникѣ Обращенія Грузіи* и *Исторіи Багратидовъ* Сумбата Давидовича; появляется оно довольно поздно, приблизительно въ IX—X вѣкахъ, но затѣмъ вытѣсняетъ почти совершенно другія наименованія рода; это обстоятельство, вѣроятно, нужно объяснить діалектическимъ происхожденіемъ слова *гвари*; оно появилось съ момента выступленія на арену государственной жизни одного изъ грузинскихъ племенъ и, получивъ право гражданства, стало обычнымъ въ законодательныхъ памятникахъ. Кромѣ вышеприведенныхъ названій рода на грузинскомъ существовало еще одно наиболѣе архаическое; это именно სახლი «сахли»—домъ, тотъ же самый терминъ, который употреблялся для обозначенія территоріальныхъ единицъ; въ древнѣйшій періодъ родъ назывался «сахли» домомъ; это сохранилось еще до сихъ поръ въ томъ словѣ, которое употребляется для обозначенія сородичей, однофамильца: по-грузински они называются სახლის კაცნი «сахлисъ кацни», т. е. «люди дома»; очевидно, тутъ домъ «сахли» обозначаетъ родъ; затѣмъ это же названіе показываетъ, что сородичи или однофамильцы, жившіе позднѣе обыкновенно отдѣльно, составляли въ древности одинъ домъ, жили одной семьей.

Выше было указано, что къ первому вѣку нашей эры согласно описанію Страбона въ Грузіи частная собственность еще не была извѣстна; имѣнія были общи по родамъ; во главѣ рода стоялъ самый старшій членъ данной фамиліи, который и распоряжался всѣмъ родовымъ имуществомъ; какъ уже было установлено, эти старшіе родовъ носили названіе «мамасахлис»овъ. Это видно и изъ одного мѣста произведенія армянскаго историка Лазаря Парпскаго, гдѣ онъ говоритъ,

«յաշխարհէն Վրաց բդեշխն Աշուշա եւ այլ տանուտեարք աշխարհին (Պատմութիւն Հայոց, Դրուակ բ, իե)».

что «во дворецъ персидскаго царя изъ страны грузинъ [прибыли] бдэшхъ Ашуша и другіе *танутеры страны*».

Въ виду того, что армянское слово «танутеръ» вполнѣ равняется и передаетъ по значенію грузинское «мамасахлиси» и такъ какъ данной фразѣ предшествуетъ списокъ главъ или танутеровъ армянскихъ нахарарскихъ родовъ, отправившихся совмѣстно съ грузинской и албанской знатью ко двору царя царей, вслѣдствіе этого приходится прійти къ заключенію, что въ интересующей насъ фразѣ упоминаются мамасахлисы, или главы грузинскихъ привиллигированныхъ родовъ.

Совершенно иное представленіе имѣется объ правопорядкѣ и условіяхъ пользованія имѣніями, царившихъ въ древнѣйшемъ грузинскомъ обществѣ, у историка Леонтія Мровели, автора начальной части «Карт. Цхов.» Достойно прежде всего вниманія то обстоятельство, что всѣ члены семьи родоначальника грузинъ и его потомковъ дѣлятся тотчасъ по смерти отца; они дѣлятъ между собой всю недвижимость; такъ, напр., поступаютъ сыновья Картлоса Мцхетосъ, Гардабосъ, Кахосъ, Кухосъ и Гачіосъ; характерно при этомъ, что дѣлитъ братьевъ ихъ мать (Карт. Цх. ред. ц. Маріи, стр. 6); точно также дѣлятъ и сыновей Мцхетоса (ibid. 7). Любопытно также, что братья дѣлятъ между собой не только землю, но и жилое помѣщеніе, причемъ домъ достается всегда старшему сыну, такъ, напр. Мцхетосъ наслѣдуетъ мѣстопоселенія отца (ibid. 6) точно также какъ и Уп̓лосъ (ibid. 7). Очевидно, историкъ имѣлъ совершенно превратное представленіе о правовыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ въ древнѣйшій періодъ въ Грузіи; по его взгляду частная собственность была извѣстна еще тогда; по смерти отца происходилъ немедленно дѣлежъ; очевидно, авторъ переноситъ современныя ему правовыя нормы въ первобытную эпоху Грузіи. Нужно указать при этомъ, что во всей этой картинѣ встрѣчается одна интересная, быть можетъ, болѣе или менѣе архаическая черта: это именно фактъ наслѣдованія дома отца старшимъ сыномъ; дѣло въ томъ, что по законамъ царя Вахтанга VI (см. § 103) домъ отца долженъ былъ перейти именно къ самому младшему брату; поэтому, если только представленіе Леонтія Мровели въ данномъ вопросѣ не является книжней правовой рецепціей, оно должно отражать теперь уже утерянный правовый институтъ древней Грузіи.

Была-ли должность мамасахлис'а выборна, существовали-ли родовыя собранія, контролировавшія дѣйствія старшаго члена рода по вопросамъ управленія родовымъ имуществомъ, каково было взаимоотношеніе и зависимость между мамасахлис'омъ и остальными членами рода, на всѣ эти вопросы дать отвѣты за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ невозможно. Нужно думать только, что для назначенія мамасахлис'а могли обходиться и безъ выборовъ, такъ какъ вопросъ о томъ, кто самый старшій членъ въ данной фамиліи едвали нужно было подымать, это было всѣмъ извѣстно, и вопросъ о кандидатѣ рѣшался самъ собой. Почти ничего неизвѣстно также о правахъ отца по отношенію къ дѣтямъ за исключеніемъ одного мѣста *житія 9 отроковъ Колайскихъ*, гдѣ правитель на предложеніе жите-

лей судить дѣтей-ренегатовъ отвѣтилъ: «они — ваши сыновья, власть принадлежитъ вамъ. Дѣлайте съ ними, что хотите!» (Н. Марръ, Тексты и раз. кн. V,59); родители, такимъ образомъ, властны распоряжаться жизнью и смертью своихъ дѣтей; но этотъ примѣръ сравнительно поздней эпохи, временъ распространенія христіанства въ Грузіи, и, какъ обстояло дѣло въ этомъ отношеніи раньше, нельзя ничего сказать.

Отдѣленный членъ рода, какъ было упомянуто, назывался სახლის შვილი «сахлисъ швили» (см. მოამბ. ისტ. საბ. стр. 55) и სახლის კაცი, «сахлисъ кацн», т. е. сынъ, человѣкъ дома, но имѣется и другое наименованіе «გვარი შვილი» «сынъ рода»; въ древне-грузинской литературѣ встрѣчается еще одинъ терминъ, имѣющій отношеніе къ данному вопросу: это — терминъ სეფე «сэпэ» или სეფეწული «сэпэтцули». Слово сэпэ заимствовано, какъ это установлено Н. Марромъ, изъ армянскаго սեպուհ, которое съ своей стороны представляетъ изъ себя заимствованное изъ персидскаго языка vîçpûr или viço-puthra (см. Н. Марръ, Зап. Вост. Отд. т. V, стр. 286—9 и ibid. т. XI, стр. 165—170).

Viço-puthra обозначаетъ «сына дома» и равняется арамейскому ܒܪܒܝܬܐ Barbītā и, судя по этимологическому составу, могло бы обозначать любого члена рода, сородича, т. е. равнозначуще часто грузинскимъ терминамъ სახლის შვილი «сахлисъ швили», სახლის კაცი «сахлисъ кацн» и გვარის შვილი «гварисъ швили»; болѣе точное соотвѣтствіе послѣдняго слова имѣется въ сирійскомъ ܒܪܬܘܗܡܐ Bartūhma, обозначающемъ именно сына рода.

Терминъ სეფე «сэпэ» и სეფეწული «сэпэтцули» встрѣчается въ нѣсколькихъ произведеніяхъ: въ *мученичествѣ Евстаѳія Михетскаго* сказано, напр., что на прощаніи съ уѣзжавшимъ марзпаномъ Грузіи

«შეკრბეს ქართლის მთავარნი... და სამოელ ქართლისა კათალიკოზი და გრიგოლ ქართლისა მამასახლისი და არბუშა (არშუშა) ქართლისა პიტიახში და სხუანი სეფეწულნი»... (изд. Сабинина, Рай Грузіи, 315)

«собрались правители Картли и Самуилъ католикосъ Картли и Григорій мамасахлисъ Картли и Аршуша питіахшъ Картли и другіе сепуhи»;

выраженіе «и другіе сепуhи» даетъ основаніе предполагать, что, по мнѣнію автора, правители (ერისთავნი), мамасахлисъ и питіахшъ Грузіи также считались сепуhами; заключительными словами «и другіе сепуhи»

агіографъ хотѣлъ сказать, что сверхъ перечисленныхъ, считающихся сепуhами, были и другіе, которыхъ онъ по имени и занимаемой должности не хочетъ называть. Въ виду этого «сэп̄этцули» въ данномъ отрывкѣ должно обозначать членовъ знатныхъ родовъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ политическую власть; при этомъ сэпуh'ство, вѣроятно, не составляло особой должности, такъ какъ и мамасахлисъ и питіахшъ и остальные эристав'ы носили это общее наименованіе: такимъ образомъ, интересующій насъ терминъ будетъ по значенію равняться сассанидскому термину «людей домовъ» اهل البيوتات, сохраненному у Табари, которымъ, по мнѣнію пр. Нöльдеке, назывались члены семи знатнѣйшихъ фамилій въ сассанидскомъ государствѣ. (Nöldeke, Tabari, Geschichte d. Perser zur Zeit. d. Sass. 71, 437, I. Darmesteter Études Iraniennes, Mélanges d'histoire et de littérature Iranienne, p. 139).

Для большого подтвержденія принятаго вывода значенія სეფე «сэп̄э» или სეფეწული «сэпэтцули» можно привести еще слѣдующее мѣсто *мученичества Шушаники*:

«აზნაურნი დიდდიდნი, სეფექალნი, დედანი, აზნაურნი და უაზნონი სოფლისა ქართლისანი მოვიდენ»... (изд. Сабинина, Рай Грузіи 191).

«пришли родовитые (азнаурни) великіе, *сепуhи женщины*, дамы, родовитые и неродовитые страны Грузіи».

Очевидно, что въ данномъ отрывкѣ «сэп̄экални» *женщины сепуh'и* можетъ обозначать только членовъ знатныхъ родовъ женскаго пола, такъ какъ женщины въ то время не занимали никакихъ должностей; при этомъ вѣроятно такъ назывались незамужнія дѣвушки.

Такимъ образомъ, терминъ сэп̄э обозначаетъ члена рода, сына или дочь любого рода и равняется грузинскимъ «сахлисъ швили» (сынъ дома), «сахлисъ каци» (человѣкъ дома) и «гварисъ швили» (сынъ рода); при этомъ, какъ культурное иноземное слово, оно употреблялось и примѣнялось въ кругу знатныхъ родовъ и преимущественно относительно членовъ ихъ семей и вытѣснило изъ обихода благодаря этому туземныя равнозначущія названія; этотъ терминъ употреблялся, какъ на это указываетъ М. Хоренскій, и примѣнительно къ потомкамъ царской фамиліи,

զայլս ի տեղիս նոցա յարուցին զունդս անուամբ արքունի. Այլ *առաջինն հաստատ ի զարմից*

на мѣсто нихъ (т. е. древнихъ) возстановили отряды изъ другихъ, именуемыхъ (соб. по имени) цар-

Թագաւորացն առաջնոց, որպէս է այժմ ի վրաց աշխարհին, որ Սեփծուղն կոչի (Պատմ. Հ. II, է)

скими. Первый же [изъ этихъ отрядовъ] положительно [былъ составленъ] изъ потомковъ первыхъ царей, какъ это теперь въ Грузіи, которые называются «сепетцу-л'ами».

Въ значеніи принцессы царскаго рода употреблено слово სეფექალი «сейэ-кали» и въ *ж. св. Нины* (см. изд. Такайшвили, стр. 26).

* * *

Конечно, по своему значенію роды были не одинаковые: одни пользовались бо́льшимъ вѣсомъ и уваженіемъ, задавали тонъ, какъ въ обыденной жизни, такъ и въ экстраординарныхъ случаяхъ, другіе должны были довольствоваться болѣе скромными ролями; роды могли быть знатные, такъ называемые, дворянскіе и незнатные.

Насколько можно судить по описанію Страбона, въ Грузіи къ началу перваго вѣка нашей эры сословное неравенство, собственно говоря, еще только начиналось: если оставить въ сторонѣ жрецовъ, должность которыхъ была видимо наслѣдственной въ извѣстныхъ родахъ, въ наличности оказываются три соціальныя группы: изъ нихъ первая это—родъ, изъ котораго ставили обыкновенно грузинскаго царя, — о немъ была рѣчь раньше, и къ вопросу о сословіяхъ непосредственнаго онъ отношенія не имѣетъ; третье —это τὸ τῶν λαῶν, οἳ βασιλικοὶ δοῦλοί εἰσί «простолюдины, которые являются царскими рабами»; они, согласно описанію Страбона, считались царскими рабами и доставляли своему господину все необходимое для жизни. Объ нихъ будетъ еще рѣчь особо; пока можно лишь сказать, что, судя по краткому описанію Страбона,—рабство еще не составляли общаго явленія: ни земледѣльцы-воины, ни жрецы не владѣли ими; къ началу перваго вѣка нашей эры въ Грузіи рабы имѣлись еще только у царскаго рода; остается, однимъ словомъ, лишь та соціальная группа, про которую Страбонъ пишетъ:

«τρίτον δὲ τὸ τῶν στρατευομένων καὶ γεωργούντων»

«третій [родъ жителей состоитъ] изъ тѣхъ, которые занимаются военнымъ дѣломъ и земледѣліемъ».

Такимъ образомъ, за исключеніемъ царскихъ рабовъ, вѣроятно немногочисленныхъ, все населеніе въ Грузіи было свободно само и не владѣло съ своей стороны несвободными; указаній на существованіе при этомъ сословныхъ или иныхъ различій въ населеніи у Страбона совершенно не имѣется.

Это свободное населеніе Грузіи занималось земледѣліемъ, а когда того требовали обстоятельства и военнымъ дѣломъ; такъ нужно, мнѣ кажется, понимать слова Страбона: во всякомъ случаѣ, ошибоченъ обычный переводъ, въ томъ числѣ и г. Латышева (*Извѣстія древнихъ писат. греч. и рим.* томъ I, вып. 1, стр. 140), по которому выходитъ, будто «къ третьему классу относятся воины и земледѣльцы», иначе говоря, будто этотъ «классъ» распадался на двѣ группы: на воиновъ и земледѣльцевъ, — ошибоченъ потому, что если Страбонъ бы желалъ выразить подобную мысль, то онъ вмѣсто данной фразы, нужно думать, употребилъ бы τὸ τῶν στρατιωτῶν καὶ γεωργῶν, пользуясь же причастными формами, вѣроятно, знаменитый географъ указываетъ на то, что *строгой дифференціаціи и профессіональнаго дѣленія на воиновъ и земледѣльцевъ среди свободнаго населенія еще не существовало*, а это, какъ будетъ указано ниже, имѣетъ немаловажное значеніе.

Лица, принадлежавшія къ знатнымъ родамъ, именуются на грузинскомъ языкѣ აზნაურნი «*азнаурни*»; это названіе употребляется во всѣхъ древнихъ памятникахъ; такъ напр. въ *хроникѣ Обращенія Грузіи* (изд. Такайшвили, 25, 27), въ грузинскомъ текстѣ *мученичества Шушаники* (изд. Сабинина, Рай, стр. 182, 191) и другихъ древнѣйшихъ агіографическихъ памятникахъ. Достойно вниманія, что даже *Леонтій Мровели*, авторъ начальной части «Картлисъ Цховреба» *появленіе привилегированнаго, т. н. дворянскаго сословія считаетъ сравнительно позднимъ явленіемъ*, во всякомъ случаѣ онъ *не относитъ его къ изначальнымъ институтамъ государственной жизни грузинскаго народа:* у него имѣется слѣдующая, хотя и наивная, но все же интересная теорія о происхожденіи этого, вліятельнаго сословія въ Грузіи: воины, недовольные Азономъ, намѣстникомъ Александра, въ количествѣ

«ათასი მჴედარი... განუდგეს: აზონს: და მოვიდეს: წინაშე: ფარნავაზისა: მაშინ: ყოველნი: ქართუელნი: განუდგეს: აზონს: (Кар. Цхов. р. Маріи, изд. Такайшвили, 19).

«1000 всадниковъ отпали, говоритъ историкъ, отъ Азона и пришли къ Фарнавазу; тогда всѣ грузины возстали противъ Азона.

После побѣды и утвержденія порядка въ странѣ Фарнавазъ

«იგი: რომნი: ათასნი: მჴედარნი: რომელნი: აზონისგან: მოერთნეს: ფარნავაზს:.. განყუნა: კევთა: და ქუეყანათა: შინა: იპყრნა: იგინი: კეთილად: რამეთუ: ბრძოლასა: მას: აზონისსა: მჴნედ: იყუნეს: და: უწოდა: მათ: სახელი: აზნაურნი:» (ibid. 22).

«тѣхъ 1000 римскихъ всадниковъ, которые присоединились отъ Азона къ Фарнавазу... раздѣлилъ по ущельямъ и областямъ; онъ обращался съ ними хорошо, такъ какъ въ битвѣ съ Азономъ они были мужественны, и назвалъ ихъ *Азнаурами*».

Но только при царѣ Саурмагѣ, получившемъ суверенную власть благодаря «азнаурамъ», они усилились, такъ какъ, по словамъ историка, Саурмагъ

«დაამდაბლნა: ქართლოსანნი: და: წარჩინებულყუნა: აზნაურნი:» (ibid. 23).

«унизилъ потомковъ Картлоса и выдвинулъ впередъ Азнауровъ (Азонидовъ = родовитыхъ).

Во всей этой теоріи интересно, конечно, не то объясненіе, безусловно ошибочное и наивное, которое даетъ Леонтій Мровели относительно происхожденія привилегированнаго сословія, а сама точка зрѣнія автора. Изъ вышеприведенныхъ отрывковъ явствуетъ, что *грузинскій историкъ считаетъ* сословныя преимущества и различія болѣе или менѣе позднимъ явленіемъ, *что вначалѣ, въ древнѣйшій періодъ историческаго существованія грузинскаго народа всѣ жители, всѣ потомки Картлоса были равны и свободны*; болѣе того, дворянскіе роды авторъ считаетъ даже не туземнаго, а иностраннаго происхожденія. Основательно ли это, и въ чемъ источникъ сословныхъ различій родовъ, покажетъ дальнѣйшее изученіе.

Обратимъ вниманіе на самый терминъ, употребляющійся въ грузинскомъ для обозначенія членовъ знатныхъ, именитыхъ родовъ, именно на слово აზნაური «азнаури». Еще покойный грузиновѣдъ М. Броссе указалъ на зависимость этого термина отъ армянскаго ազն «азнъ» родъ (Description géographique de la Géorgie, 7); «აზნაური» aznauri (изъ *aznaveri) представляетъ слово, произведенное съ суффиксомъ ur = *ver сынъ, отъ армянскаго ազն azn родъ» (Н. Марръ, Тексты и разысканія, книга VI, Физіологъ, 81); такимъ образомъ «азнаури» будетъ собственно обозначать *«сынъ рода»*, *родовитый*. Населеніе

Грузіи въ V в. по Р. Х. распадалось въ общемъ, какъ это видно изъ *Житія Шушаники*, на «აზნაურნი და უაზნონი სოფლისა ქართლისანი» (изд. Сабинина, Рай Грузіи 191) «азнаурни да уазнони соп̓лиса к̓арт̓лисани».

Итакъ, были люди უაზნონი «уазнони» или, какъ историкъ ц. Тамары говоритъ, «გვარითა უაზნონი», родомъ безродные (см. ქრ. ცხ. изд. Чичинадзе 408 «გვართა უაზნოთა აღამაღლებს სიმდიდრე»); выраженіемъ «уазно» и «гварит̓а уазно» соотвѣтствуетъ слово უგვარო «угваро», слово, употребленное тѣмъ же авторомъ (ibid. 407), такъ какъ и *«уазно» и «угваро»* оба обозначаютъ *«безродный»*; разница заключается только въ томъ, что *въ первомъ случаѣ для образованія взято иностранное слово, а во второмъ туземное.*

Понятіе противоположное *«угваро» и «уазно»* (безродный) было *«азнаури»*, или, какъ историкъ Тамары выражается, «გვარტომობითა არა უაზნო» (ibid. 444) «родомъ небезродный», а еще чаще «გვარიანი» *«гваріани»* и всѣ обозначаютъ *«родовитый»* (ibid. 407); *разница между* двумя терминами *«азнаури» и «гваріани» заключается опять таки только въ томъ, что первое образовано отъ заимствованнаго, второе отъ чисто грузинскаго слова.*

Но есть еще болѣе высшая градація, чѣмъ «гваріани» и «азнаури», это დიდგვარიანი *«дидгваріани»*, терминъ употребляемый историкомъ ц. Тамары (см. ქრ. ცხ. изд. З. Чичинадзе, 410); названіе «дидгваріани» прилагалось къ человѣку самаго знатнаго происхожденія и обозначаетъ собственно *«члена большого рода»*, т. е. члена *многочисленнаго* рода.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ три ступени: დიდგვარიანი *«дидгваріани»*, გვარიანი или აზნაური *«гваріани»* или *«азнаури»* и უგვარო или უაზნო *«угваро»* или *«уазно»*.

При этомъ *терминъ «дидгваріани», обозначающій самую высшую градацію знатности, показываетъ, что въ древнѣйшую эпоху Грузіи какъ родъ, такъ и его отдѣльный членъ стоялъ тѣмъ выше, былъ тѣмъ вліятельнѣе, чѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ больше былъ родъ;* это и понятно, вѣдь сила была всегда на его сторонѣ. Это соціально-правовое понятіе было настолько прочно укрѣплено въ общественномъ сознаніи, что чувствовалось даже въ XVIII вѣкѣ; такъ, напр., царь Вахтангъ говоритъ:

«დიდებული თავადი ეს არის: გაუყ-რელი ერთი თავი თითონ არაგვის ერისთავი, გაუყრელი ერთი თავი თითონ ქსნის ერისთავი, გაუყ-რელი ერთი თავი თითონ ამი-ლახორი, გაუყრელი ერთი თავი თითონ ორბელიშვილი, როცა გა-უყრელი ყოფილა ციციშვი-ლიც». (Законы § 35).

«вельможные князья слѣдующіе: глава *нераздѣленнаго* [рода] самъ Эриставъ Арагвскій, глава *нераздѣленнаго* [рода] самъ Амилахори, глава нераздѣленнаго [рода] самъ Орбелишвили *и, когда нераздѣленными были, и Цицишвили*».

Только до тѣхъ поръ, пока родъ оставался нераздѣленнымъ, члены его могли быть причисляемы къ «дидебуламъ», вельможамъ: стоило лишь, напр., роду Цицишвили раздѣлиться, какъ онъ потерялъ это достоинство. Почему? потому, что онъ уже не былъ членомъ многочисленнаго рода, не былъ «დიდგვარიანი» «дидгваріани».

Если перейти къ разсмотрѣнію термина «уазно» или «угваро», которыми обыкновенно называли лицъ, стоявшихъ на самой низкой ступени соціальной жизни, то и тутъ на первомъ планѣ выступаетъ *властное значеніе рода*; достойно вниманія именно то обстоятельство, что *грузинскимъ терминомъ «уазно» въ переводныхъ памятникахъ съ армянскаго передается армянское* անազատ *«аназатъ», слово, обозначающее несвободнаго*. Такъ, напр., въ грузинскомъ текстѣ *Мученичества Шушаники* выраженіе «აზნაურნი და უაზნონი სოფლისა ქართლისანი» (изд. Сабинина, 191) соотвѣтствуетъ армянской фразѣ «*ազատք եւ անազատք աշխարհին վրաց* (*Սոփ. Հայկ. Ժ.* стр. 52) «свободные и несвободные [жители] страны Грузіи». Такимъ образомъ, *лицо «безъ рода» не пользовалось никакимъ значеніемъ*, было лишено даже гарантій свободы, такъ какъ у него не имѣлось защитника въ лицѣ рода; въ то время какъ членъ рода, родовитый, называвшійся по-грузински გვარიანი «гваріани», или «азнаури» могъ быть увѣренъ въ своей независимости и онъ оставался свободнымъ: это и отразилось на самомъ терминѣ, употребляемомъ для обозначенія членовъ привилегированныхъ родовъ, на словѣ *«азнаури», которое этимологически имѣетъ смыслъ «сына рода»*, родовитаго, *но употреблялось въ значеніи «свободный»*. Выше былъ приведенъ лишь одинъ примѣръ; здѣсь можно указать еще нѣсколько изъ массы подобныхъ случаевъ.

Въ агіографическихъ памятникахъ армянской церкви, переведенныхъ на древне-грузинскій, терминомъ აზნაური «азнаури», пере-

дается всегда армянское слово *ազատ* «азатъ», имѣющее смыслъ свободнаго, такъ напр.: въ *муч. Атома, его сына и друзей*: ქუ̃ნით სომხითით მოწყევნულ არიან აქა აზნაური (л. 233,b) = *յաշխարհէն հայոց այր հասեալ են ազատք* (ՍՀ· т. XIX, стр. 71);

ამხილა... გუნდისათვის აზნაურთა სომხითისათა (ibid. л. 234,a) = *յուշ արարեալ... ղաղատագունդ հայոց* (ibid. стр. 72).

მონათა ჩემთა აზნაურთა და ჩინებულთა მჴედართა მიმართ ქუ̃ნისა სომხითისათა (ibid. 234,a) = *առ... ծառայս մեր, առ ազատս եւ ռամիկ հեծեալս հայոց աշխարհիդ* (ibid. стр. 72).

შეიკრიბნა ო̃ნ ანტომ (sic) გნუნამან თჳსნი აზნაურნი (ibid. л. 234,b)=*ժողովեալ տէր Ատոմ գնունի իւրովք ազատօքն* (ibid. стр. 73).

Въ муч. Давида Двинскаго:

არტავასტ ძმაჲ მისი თანა აზნაურთა მრავალთა (ibid. л. 177,b) = *Արտաւազդ Նորին եղբայր բազում ազատօք* (ՍՀ· т. XIX, стр. 95).

Такимъ образомъ, *если вникнуть въ смыслъ терминологіи, то въ древнѣйшую эпоху Грузіи основнымъ и существеннымъ значеніемъ въ сословныхъ преимуществахъ пользовались родовыя достоинства и качества*: тотъ, кто являлся членомъ многочисленнаго, могущественнаго рода, тотъ пользовался и бóльшимъ почетомъ и вліяніемъ среди лицъ, принадлежавшихъ къ обыкновенному, небольшому роду, именовавшихся «гваріани», или «азнаури» и пользовавшихся независимостью и свободой. Люди «безъ рода», «угвароии», «уазнони» не пользовались никакимъ значеніемъ и, въ виду того, что были лишены защиты въ лицѣ сородичей, считались несвободными. Сообразно съ этими правовыми нормами, конечно, и понятіе о чести въ древней Грузіи, зиждилось на родовыхъ, а вовсе не на индивидуальныхъ достоинствахъ; вѣдь даже само слово გვარიშვილობა «гварисъшвилоба», употребляющееся по-грузински для ея передачи, обозначаетъ, собственно, ничто иное какъ «сыновность рода», принадлежность къ роду. Данныя анализа сословной терминологіи показываютъ, такимъ образомъ, что нѣтъ никакой необходимости искать причину возникновенія въ Грузіи соціальнаго неравенства въ иноземномъ вліяніи. Древнѣйшее указаніе на существованіе въ Грузіи нѣкотораго сословнаго различія въ средѣ свободнаго населенія относится ко второму вѣку нашей эры и имѣется у Діона Кассія, который сообщаетъ, что Фарасманъ Иберскій прибылъ съ супругой въ Римъ къ императору Адріану, который поставилъ грузинскому царю на Марсовомъ полѣ конную статую. По словамъ историка императоръ «смотрѣлъ

γυμνασίαν αὐτοῦ τε καὶ τοῦ υἱέος τῶν τε ἄλλων πρώτων Ἰβήρων ἐν ὅπλοις εἶδεν (Epit., LXIX,15, Латыш. Изв. 622).

упражненія съ оружіемъ его самого и сыновей другихъ *первыхъ* Иберовъ».

Кого, собственно, подразумѣвалъ Діонъ Кассій, употребляя слово πρῶτοι, первые, знатные? вѣроятнѣе всего, что тутъ рѣчь идетъ о лицахъ, стоявшихъ на высшей ступени соціальнаго строя; въ грузинскомъ переводѣ Евангелія греческое πρῶτοι и армянское մեծամեծք передается словомъ აზნაური «азнаури» (Маркъ VI,21). Можно думать поэтому, что въ текстѣ Діона Кассія подъ выраженіемъ τοῦ υἱέος τῶν τε ἄλλων πρώτων Ἰβήρων нужно понимать «сыновей другихъ знатныхъ или вѣрнѣе родовитыхъ (=азнауровъ) Иберіи». Съ усиленіемъ центральной власти роды стали выдвигаться также благодаря службѣ; они назывались მსახურეულნი «мсахуреулни», служилые; такимъ образомъ, на ряду съ родовой честью стала выступать служилая честь, но изученіе этого выходитъ за предѣлы даннаго тома нашего труда. Съ теченіемъ времени «родовитые», или «азнауры» начали усиливаться и пріобрѣли видимо сословно-политическую организацію. По крайней мѣрѣ согласно описанію автора *Хроники Обращенія Грузіи* они выступаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ, такъ, напр., историкъ про постройки храмовъ говоритъ:

«აღაშენეს აზნაურთა წმიდაჲ იგი ეკლესიაჲ მცხეთისა» (Три Хроники, стр. 25)

«построили *азнауры* святую церковь во Мцхетѣ».

«აზნაურთა სტეფანე-წმიდაჲ აღა-შენეს არაგუსა ზედა» (ibid. 27).

«*азнауры* на Арагвѣ построили [церковь] св. Стефану».

Болѣе важно то, что *власть надъ страной послѣ уничтоженія царской власти въ Грузіи* (т. е. съ VI в. по Р. Х.) *перешла, по словамъ историка Багратидовъ, къ сословію азнауровъ*:

«ვინათგან მოაკლდა მეფობაჲ შვილ-თა გორგასლისათა, მით ჟამითგან ეპყრა უფლებაჲ ქართლისა აზნაურთა ვიდრე ამათამდე (ibid. стр. 44).

«съ того времени, какъ потомки Горгасала лишились царства, *власть держали въ рукахъ азнауры Картли вплоть до (владычества) этихъ (Багратидовъ»).*

Къ сожалѣнію у историковъ нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы изучить сословно-политическую организацію «родовитыхъ» и вопросъ до поры до времени долженъ остаться открытымъ.

* * *

Выше было указано, что, согласно описанію Страбона, все свободное населеніе Грузіи занималось въ древнѣйшую эпоху земледѣліемъ, а въ необходимыхъ случаяхъ выступало на поле брани; такое положеніе дѣлъ заставляетъ предполагать, что страна еще не знала строгой спеціализаціи, что еще не существовало лицъ, занимавшихся весь свой вѣкъ военнымъ дѣломъ, *не было организованнаго войска, а имѣлось на лицо только народное ополченіе:* вчерашній земледѣлецъ превращался сегодня, въ минуты опасности или предпринимаемаго похода, въ воина. Подобное положеніе вещей засталъ и Ксенофонтъ среди всѣхъ картвельскихъ племенъ, жившихъ по юговосточному побережью Чернаго Моря: стоило только появиться эллинскому войску въ той или иной мѣстности, какъ все мирное мужское населеніе вооружалось и становилось въ ряды сражающихся. Такимъ образомъ, народъ становился войскомъ, и войско представляло изъ себя народъ. Подобное положеніе дѣла ясно отражается и въ самой терминологіи: грузинскій языкъ для обозначенія понятія народъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи только слово ერი «эри».

Такъ, напр., въ Евангеліи словомъ ერი «эри» передается армянское *ամբոխ* и греческое ὄχλος (Мат. 26,47,55, Маркъ 14,43) или же армянское *ժողովուրդ*, а греческое ὄχλος и λαός (Лука 8,4; 19,47; Іоаннъ 11,50). Въ то же самое время данное слово «эри» въ древне-грузинской литературѣ употребляется для передачи понятія «войско», такъ, напр., въ переводѣ *муч. Сукаветскихъ* фраза армянскаго текста: *այնուհետեւ զօրս գումարեալ* (ՍՀ. томъ XIX, стр. 34), обозначающая «послѣ этого собравъ *войско*» передана (л. 239,а): «ამიერითგან ერის კრება ყო» (эри = зор), или еще фраза «*համար առնէր զօրացն*» (ibid. стр. 39), что обозначаетъ: сдѣлалъ подсчетъ войскамъ, переведено на грузинскій (л. 240,а) «აღრაცხვა ყო ერისა» (эри = зор) и т. п. Равнымъ образомъ единственный терминъ, извѣстный Евангелію для перевода слова воинъ, ერისაგანი «эрисагани» (см. Мат. 8,9 = гр. στρατιῶται, арм. *զինուորք*; 28,12 = гр. στρατιώτης, арм. *զօրական*; Іоанна 19,2,32,34 = гр. οἱ στρατιῶται, арм. *զինուորք*) обозначаетъ одновременно и «изъ войска» и «изъ народа», въ какомъ смыслѣ данный терминъ употребляется даже въ Евангеліи (см. Луки 12,13 ერისაგანი = гр. ἐκ

τοῦ ὄχλου, арм. ժողովուրդ). Понятно, что подобное двоякое значеніе слова «эри» можетъ объясняться только тѣмъ, что народъ и войско составляли одну и туже величину. Съ другой стороны то обстоятельство, что въ Иберіи народъ составлялъ войско, и существовало народное ополченіе, и можетъ дать объясненіе, почему страна могла выставить такое многочисленное войско (по словамъ Страбона около 60,000 пѣхоты и 22,000 всадниковъ, численность войска у Албанцевъ, см. Geographica, lib. XI, cap. IV,5 и Латыш. Изв., стр. 142).

Относительно вооруженія и военной организаціи картвельскихъ племенъ у классическихъ писателей имѣется довольно много свѣдѣній, особенно у Ксенофонта; это и понятно: ему приходилось видѣть всѣхъ ихъ только во время военныхъ дѣйствій или же готовыми къ бою. Какъ холоднаго оружія, такъ и оборонительнаго было у нихъ достаточное количество; «у кардуховъ были хорошіе луки и стрѣлы, которые были болѣе двухъ локтей длины и пробивали не только щитъ, но и панцырь; тетива ихъ громадныхъ луковъ натягивалась лѣвой ногой» (Xenoph. Anab. lib. IV, cap. 2). «Халибы носили льняные панцыри, доходившіе до живота, а вмѣсто опереніа къ панцырямъ были густо прикрѣплены крученые шнурки; они носили также поножи и шлемы, а у пояса ножъ въ родѣ лаконскаго меча... У нихъ были также копья локтей 15 длины съ однимъ остріемъ» (Xenoph. Anab. Lib. IV, cap. 7,15-16). Макроны выступали на войну «съ плетеными щитами и копьями въ волосяныхъ хитонахъ» (ib. Lib. IV, cap. 8,3) точно также какъ и дриллы «съ плетеными щитами и копьями, въ поножахъ и пафлагонскихъ шлемахъ» (ib. Lib. V, cap. 1,22). Лучше всѣхъ этихъ племенъ были вооружены моссинойки: у нихъ «у всѣхъ были плетеные щиты, обтянутые воловьими шкурами съ бѣлой шерстью и имѣвшіе форму плющевого листа, а въ правой рукѣ дротики длиною около 6 локтей, спереди спабженные остріемъ, а спереди древка деревяннымъ шаромъ; они были одѣты въ небольшіе хитоны, недоходившіе до колѣнъ, такой толщины, какъ мѣшечный холстъ, на головахъ имѣли кожанные шлемы, въ родѣ пафлагонскихъ, съ пучкомъ волосъ по серединѣ, видомъ очень напоминающіе тіару; кромѣ того у нихъ были и желѣзныя сѣкиры» (ibid. Lib. V, cap. 4,12-14); иберы, по описанію Страбона, носили панцыри и большіе щиты и шлемы изъ звѣриной кожи (Geogr.Lib. XI, стр. IV,5; Латыш. Изв. 142). Со временъ Геродота въ вооруженіи туземцевъ не произошло большихъ перемѣнъ; въ его время «мосхи имѣли на головахъ деревянныя шапки, а оружіемъ имъ служили не-

большіе щиты и копья; наконечники на копьяхъ были большіе. Тибарены, макроны и моссинойки были вооружены, говоритъ Геродотъ, подобно мосхамъ» (Herodoti histor. VII, 78 и 79).

Колхи носили на головахъ деревянные шлемы и имѣли небольшіе сыромятные щиты и короткія копья, а кромѣ того ножи (ib. VII, 78). Достойно вниманія во-первыхъ преобладаніе въ вооруженіи дерева и воловьихъ шкуръ: во времена Геродота не только щиты, но и шлемы были деревянные; при этомъ въ выдѣлкѣ ихъ можно установить двѣ стадіи развитія: въ древнѣйшую эпоху щиты были плетеные изъ деревянныхъ прутьевъ, какъ это было у макроновъ и дрилловъ. Щиты подобнаго типа были видимо повсемѣстно у всѣхъ картвельскихъ племенъ; къ такому выводу приводитъ тотъ фактъ, что на такомъ крайнемъ сѣверномъ пунктѣ разселенія картвельскихъ племенъ, какъ Хевсуретія, еще до сихъ поръ мальчики выходятъ на поединокъ «съ длинною деревянною саблею и *щитомъ, сплетеннымъ изъ облупленныхъ ивовыхъ вѣтвей»* (Радде, Хевсурія и Хевсуры, Записки Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1880, книга XI, вып. 2, стр. 140); очевидно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переходомъ древняго способа приготовленія оружія въ дѣтскую забаву и игру—фактъ нерѣдкій въ исторіи предметовъ матеріальной культуры и обычаевъ.

Дальнѣйшее усовершенствованіе заключалось въ томъ, что деревянныя части стали обтягивать невыдѣланной воловьей шкурой. Не только во времена Ксенофонта, но и при Геродотѣ нѣкоторыя изъ племенъ, носили уже щиты подобнаго типа; единственно только макроны и дриллы употребляли еще въ IV вѣкѣ при Ксенофонтѣ примитивной формы — плетеные. Точно такимъ же образомъ вмѣсто деревянныхъ шлемовъ, бывшихъ у этихъ племенъ при Геродотѣ, Ксенофонтъ видѣлъ уже кожаные. Ни на шлемахъ, ни на щитахъ металлическія части не употреблялись еще. Даже панцыри и тѣ дѣлались то изъ льна, то изъ шерсти; металлическіе панцыри у нихъ не употреблялись. Вообще, въ оружіи изъ металла дѣлались наконечники копья и ножи.

Дальнѣйшія усовершенствованія и улучшенія въ области изготовленія оружій не могутъ быть прослѣжены по свидѣтелямъ греческихъ писателей, а туземные источники для древнѣйшей эпохи не сообщаютъ реальныхъ данныхъ. Можно только сказать, что, судя по терминологіи, иранское вліяніе въ этомъ отношеніи должно было играть значительную роль.

Какова же была военная организація въ Грузіи: какъ высту-

пало народное ополченіе на полѣ битвы, прямыхъ указаній относительно этого у классическихъ и туземныхъ писателей не имѣется, но вопросъ можно рѣшить, судя по положенію вещей въ исторически хорошо извѣстное время. Не можетъ быть, напр., никакого сомнѣнія, что *народное ополченіе не должно было составлять единаго воинства, а собиралось и выступало отдѣльно по племенамъ*: подобный порядокъ строго соблюдался еще въ эпоху Давида Строителя и Тамары: историкъ великой царицы, напр., разсказываетъ:

«განაწყვეს რაზმი წესის-ებრ, ვითარცა განჩენილ არს თემთა და თემთა» (ქრ. ცხ. 445).	«построили отрядъ согласно правилу, какъ это установлено, *по племенамъ*.

Не только боевой строй, но *даже осада и штурмъ крѣпости, по словамъ того же писателя, производились по племенамъ*; при осадѣ города Зенджана (= Зангана)

«ვითარცა განგრძელდა ომი, განიყვეს თემთა და თემთა ზღუდე ქალაქისა, რათა შესთხარონ» (ibid. 481).	«когда война затянулась, то *племена* (= войска) раздѣлили между собой стѣны города, дабы сдѣлать брешь въ ней.

Разъ такъ строго выполняется принципъ племеннаго раздѣленія въ военной организаціи въ эпоху, когда почти всѣ картвельскія племена были объединены подъ общей государственной властью, то тѣмъ болѣе основанія предполагать властное значеніе даннаго принципа въ военной организаціи Грузіи древнѣйшаго періода. Болѣе того, ополченія выступали на войну и дѣйствовали не только по племенамъ, но вѣроятно и по родамъ и ущельямъ: къ такому выводу приводитъ то всеобъемлющее значеніе, какое имѣлъ въ государственномъ и соціальномъ строѣ Грузіи родъ.

Классическіе писатели сохранили намъ также данныя о тактикѣ, извѣстной въ древности картвельскимъ племенамъ: выше было описано, каково было ихъ вооруженіе.

Всѣ несовершенства вооруженія, какъ это видно изъ описанія Ксенофонта, скрашивались и были мало ощутительны благодаря природной защитѣ и неприступности принадлежавшихъ имъ мѣстностей: съ ними и съ невооруженными трудно было бороться, особенно, когда приходилось вести осаду или аттаковать: такъ, напр., таоховъ, съ ко-

торыми эллинамъ пришлось вести борьбу было, по словамъ Ксенофонта, мало, да и то изъ нихъ только двое или трое были вооружены (Xenophon. Anab. Lib. IV, cap. 7) и тѣмъ не менѣе взять мѣсто, гдѣ они были собраны, стоило большихъ усилій, такъ какъ при первой же попыткѣ со стороны эллиновъ подняться на скалу, таохи тотчасъ начинали скатывать камни и заграждать путь (ib. Lib. IV, cap. 7,4). Эта— обычная тактика, единственный способъ веденія войны: какъ только начинались враждебныя дѣйствія, туземцы, подобно дриламъ, принимались «поджигать и покидать всѣ деревни, которыя по ихъ мнѣнію могли быть взяты непріятелями» (ib. Lib. V, cap. 2,3 также Lib. V, cap. 4,30) и собирались въ одномъ укрѣпленномъ и малодоступномъ мѣстѣ; такъ поступили, напр., кардухи; когда эллины спустились въ равнины, населенныя кардухами, то тѣ «покинули свои жилища и, взявъ съ собой женъ и дѣтей, бѣжали въ горы» (ib. Lib. IV, cap. 1, подобные же случаи Lib. IV, cap. 7,2) послѣ того, какъ они укрѣплялись такимъ образомъ, все ихъ вниманіе было обращено только на загражденіе пути непріятелю; для этого они, скатывали громадные обломки скалъ, камни (ib. Lib. IV, cap. 2; Lib. IV, cap. 7,4; Lib. IV, cap. 8,3) и бревна (ib. Lib. V, cap. 2,23). Это былъ ихъ единственный способъ защиты: ни осадныя орудія, ни метательныя машины баллисты и катапульты имъ не были тогда еще извѣстны; такимъ образомъ, оборонительныя средства ихъ и тактика были въ IVв. до Р.Х. еще примитивнаго свойства; поэтому, когда непріятель, несмотря на камни и бревна, все же взбирался на вершину, тогда туземцы становились совершенно безпомощными: они тотчасъ пускались бѣжать, такъ напр., Ксенофонтъ разсказываетъ, что при приближеніи грековъ враги ихъ (кардухи) къ всеобщему удивленію безъ битвы оставили высоты (ib. Lib. IV, cap. 2. § 15; также Lib. IV, cap. 8,19). При этомъ у племени таоховъ, когда греки взобрались на гору, перестали бросать камни, и вмѣсто того, чтобы обороняться, «женщины» — такъ какъ нельзя было уже бѣжать, — «стали бросать своихъ дѣтей съ утесовъ и затѣмъ бросались сами; тоже самое дѣлали и мужчины» (ib. Lib. IV, cap. 7,12), очевидно, чтобы только не попасться въ плѣнъ. Подобное неумѣніе выдерживать натискъ и вести битву на открытомъ полѣ объясняется примитивнымъ состояніемъ тактики. Хотя у одного изъ племенъ, у моссюнойковъ уже замѣтны первые признаки тактическихъ дѣйствій: такъ, напр., они уже не дѣйствуютъ въ разсыпную, передъ началомъ битвы они, разсказываетъ Ксенофонтъ, «построились въ ряды

слѣдующимъ способомъ: они стали по сотнямъ, не больше, одни противъ другихъ подобно хорамъ... Послѣ этого одинъ изъ нихъ запѣлъ, и всѣ остальные пошли въ тактъ съ пѣніемъ *) и, прошедши сквозь ряды эллинскаго войска и лагерь, сразу двинулись противъ непріятелей» (ib. Lib. V, cap. 4,14), тѣмъ не менѣе натиска правильно организованнаго, дѣйствовавшаго по всѣмъ требованіямъ тактическаго искусства греческаго войска они не были въ состояніи выдержать (Xenop. Anab. lib. V, cap. 4,26); на это не хватило имъ опытности; конечно, въ этомъ отношеніи въ Иберіи дѣло обстояло лучше: большая опытность и культурность сказывалась и на военномъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе и иберы не могли выдержать борьбы противъ римской стратегіи. Такъ напр. Діонъ Кассій разсказываетъ, что иберійское войско во главѣ съ царемъ Артокомъ на равнинѣ не могло выдерживать натиска хорошо организованнаго римскаго войска Помпея, но разсѣявшись по лѣсу оно въ состояніи было держаться нѣсколько дней, пуская стрѣлы съ деревьевъ: (Ῥωμαικὴ ἱστορ. XXXVII,2; Латышевъ, 613). Какъ позднѣе усовершенствовалось военное дѣло прослѣдить не удается.

Страбонъ сообщаетъ, что командованіе надъ всѣми войсками Иберійскаго царства было сосредоточено въ рукахъ ближайшаго послѣ суверена члена царскаго рода; кромѣ войска въ его компетенцію входила и гражданская сфера дѣятельности, а именно отправленіе правосудія. Хотя изъ словъ Страбона и можно было заключить, что царь не предводительствовалъ войсками, но изъ приведеннаго у Діона Кассія разсказа о борьбѣ Помпея съ иберійскимъ царемъ Артокомъ или Артагомъ видно, что и царь также принималъ на себя командованіе надъ войсками (см. ibid. XXXVII, 1 и 2; Латышевъ, Изв. 613). Сверхъ главнокомандующаго существовали еще военачальники, вѣроятно, особые для каждаго племени; три военачальника иберовъ («ἡγεμόνες τρεῖς Ἰβήριον») были взяты въ плѣнъ и шли за тріумфальной колесницей Помпея (Appian, Historia Romana de bell. Mithr. CXVII; Латышевъ, Извѣстія 537).

Древне-грузинскіе историческіе памятники, въ числѣ нихъ и начальная часть Картлисъ Цхов., собственно говоря, не знаютъ отдѣль-

*) Пѣніе видимо было распространено среди тамошнихъ картвельскихъ племенъ; такъ напр. и кардухи (ib. lib. IV, cap. 3) и халибы (ib. lib. IV, cap. 7,16) пѣли передъ и послѣ сраженій, причемъ ритмъ пѣсенъ былъ своеобразный.

ной должности военачальниковъ, они всегда являются и административными чинами; такъ напр. Леонтій Мровели разсказываетъ, что

«მეფე: იქმნა: ყოველსა: ქართლსა: და: ეგურს: ზედათ (sic.) განა მრავლნა: ყოველნი: მჴედარნი: ქართლოსანნი: განაწესნა: ევ̃ნი: რვანი: და: და: სპასპეტი: ერთი:... ესე: სპასპეტი: იყო: შემდგომადვე: წინაშე: მეფისა: მთავრობით: განაგებდის: ევთა: ზედა: ხოლო: ამათ: ევთა: ქუეშე: ადგილთა: და: ადგილთა: განაჩინნა: სპასალარნი: და ათასისის: თავნი: და: მათ: ყოველთაგან: მოვიდოდა: ხარკი: სამეფო: და: საერისთაო: ესრეთ: განაწესა: ესე: ყოველი: ფარნავაზ: მიმსგავსებულად: სამეუფოსა: სპარსთასა» (Карт. Цх. ред. ц. Маріи 20 и 21).

«сталъ царемъ во всей Картли и надъ Ингуромъ и умножилъ [число] всякихъ всадниковъ Картлосидовъ; учредилъ [должность] восьми эриставовъ и одного спаспета... этотъ спаспетъ былъ вторымъ послѣ царя по власти, управлялъ эриставами, а подъ властью этихъ эриставовъ въ различныхъ мѣстахъ онъ назначилъ спасаларовъ и тысяченачальниковъ, и черезъ нихъ всѣхъ поступали подати царскіе и эриставскіе; такъ учредилъ все это Фарнавазъ по подобію персидскаго государства».

Должности, учрежденіе которыхъ по персидскому образцу историкъ приписываетъ царю Фарнавазу, дѣйствительно извѣстны были въ древней Персіи; такъ напр. «спаспети» соотвѣтствуетъ Eran Spahpat, «спасалари» равняется Sipahsalar и «атасістави» соотвѣтствуетъ Hasarapat, передаваемое греческими историками черезъ ἀζαραπατεῖς (Spiegel, Eranische Alterthumskunde, III, 635) остается одно наименованіе ერისთავი «эристави»; оно чисто грузинскаго происхожденія и единственное туземное названіе, употребляемое въ древне-грузинской литературѣ переводчиками Библіи для передачи слова военачальникъ, такъ, напр., фраза грузинскаго текста Бытія (I Моис. XXI, 22 и 32) ერის მთავარი ძალისა მისისა равняется сирійскому ܪܒ ܚܝܠܗ, армянскому *սպարապետ*; точно также и въ грузинскомъ переводѣ *муч. Сукаветскихъ* эристави стоитъ въ значеніи военачальника, такъ напр. მიუგო ერისთავმან (л. 240,a) = *ասէ զաւրավարն* (ՍՀ. т. XIX, стр. 41) ვ̃ა იხილა ერისთავმან (241,b) = *իբրեւ ետես զաւրագլուխ* (ibid. стр. 42).

Поэтому, если только командующій войсками Иберіи носилъ туземное названіе, то онъ могъ именоваться «эристав»омъ.

Описаніе Страбона показываетъ, что правосудіе, не составляло прерогативы царя—мамасахлиса, а было отдѣлено и входило въ сферу

дѣятельности командующаго войсками. Это свѣдѣніе греческаго географа можетъ пожалуй найти косвенную поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что и мамасахлисъ деревни въ древнѣйшую эпоху, до царя Баграта, не имѣлъ судебныхъ функцій; очевидно отправленіе правосудія было сферой дѣятельности другого лица; такъ какъ выше (гл. первой) было выяснено, что вся административная іерархія вышла изъ одного и того же института, то весьма возможно, что это совпаденіе свѣдѣнія Страбона объ отправленіи правосудія не царемъ съ подобнымъ же фактомъ по отношенію къ мамасахлису деревни отражаетъ положеніе вещей въ Грузіи древнѣйшей эпохи.

Нужно однако указать, что картина, которую рисуетъ начальная часть «Картлисъ Цховреба», значительно разнится отъ изложенія греческаго географа: грузинскому историку неизвѣстно вовсе отдѣльная должность командующаго войсками: какъ «спаспети», считавшійся начальникомъ «эристав»овъ, былъ, собственно говоря, «эриставтъ эристав'омъ», и къ царскому роду не принадлежалъ, такъ и обыкновенные «эристав'ы» представляли изъ себя административныхъ чиновъ, причемъ имъ подчинялось и войско; между тѣмъ изъ описанія Страбона не видно, чтобы командующій войсками Иберіи кромѣ правосудія вѣдалъ какими либо административными дѣлами; сверхъ того онъ считался членомъ царскаго рода, притомъ самымъ близкимъ и старшимъ послѣ царя, слѣдовательно являлся первымъ кандидатомъ на престолъ. Въ виду столь существеннаго разногласія, сказать опредѣленно о происхожденіи эриставской власти, существовала-ли она въ эпоху родового строя, если да, то въ какомъ отношеніи находилась къ мамасахлис'у и какова была дальнѣйшая исторія этого института, невозможно.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи эриставской должности, можно на основаніи грузинскихъ историческихъ произведеній установить, что въ историческую эпоху они являются правителями областей, почти самыми важными членами администраціи; въ ихъ компетенцію входили какъ военныя, такъ и гражданскія дѣла. Въ ихъ пользу поступалъ опредѣленный налогъ, называвшійся საერისთავო «саэриставо». Въ то время, когда царская власть въ Грузіи была уничтожена, прежде сассанидскимъ, а позднѣе и арабскимъ правительствомъ, первенствующее положеніе занималъ, являясь какъ бы замѣстителемъ туземнаго суверена, «эриставъ» или эриставъ эриставовъ (см. напр. *Житія Евстаѳія Михетскаго и Або Тифлисскаго*, *Хронику Сумбата*

Давидовича); изъ эриставскаго достоинства, наконецъ, вышла реставрированная въ IX вѣкѣ царская власть въ Грузіи (см. *Хронику* Сумбата Давидовича, Три Хроники, изд. Е. Такайшвили по груз. стр. 9). Имѣются также данныя о томъ, что «эриставское» достоинство было выборно, но сужденія объ этомъ, какъ и по вопросу объ эриставской власти послѣ эпохи уничтоженія царскаго достоинства, выходитъ за предѣлы данной части нашего труда.

* * *

На самой низкой ступени соціальнаго строя древне-грузинскаго общества стояли, согласно описанію Страбона, *οἱ λαοί*. Кто такіе эти *οἱ λαοί*? По словамъ знаменитаго географа они были царскими рабами «*οἱ βασιλικοί δοῦλοί εἰσι*», то есть находились въ личной зависимости отъ царя Грузіи; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ описанія Страбона не указано, чтобы въ Грузіи *οἱ λαοί* являлись также рабами жрецовъ или свободнаго населенія, занимавшагося земледѣліемъ и военнымъ дѣломъ; такимъ образомъ, эта группа людей была въ правовой зависимости только отъ царя; въ отличіе отъ остальнаго населенія государства *οἱ λαοί* были обязаны царю, или вѣрнѣе царскому роду опредѣленной службой: на это указываетъ самъ Страбонъ, такъ какъ онъ сообщаетъ, что

«πάντα διακονοῦνται τὰ πρὸς τὸν βίον».	«они всѣмъ [необходимымъ] для жизни обслуживаютъ» царя.

Очевидно, это составляло ихъ повинность по отношенію къ царскому семейству. Таковы выводы, къ которымъ можно прійти на основаніи сообщаемыхъ Страбономъ свѣдѣній; для того, чтобы получить болѣе ясное представленіе объ интересующей насъ соціальной группѣ, необходимо обратиться къ сравнительному изученію ея положенія въ другихъ странахъ, такъ какъ этимъ путемъ можно установить, что могъ подразумѣвать Страбонъ подъ словомъ *οἱ λαοί*. Данный вопросъ возникъ недавно, но все же имѣются уже нѣсколько эпиграфическихъ памятниковъ, которые могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на институтъ *λαοί* въ Грузіи; такъ, напр., изъ изданной B. Haussouieller надписи въ Дидимейонѣ видно, что жившіе въ сел. Пана (Πάν[νω κώμη), *οἱ λαοί* также должны были давать владѣльцу селенія царю Антіоху II ежегодный доходъ, причемъ, уступая это селеніе Лаодикѣ, онъ передаетъ землю съ жившими на ней *λαοί* и «σὺν ταῖς [τοῦ ἐνάτου καὶ

πεντηκοστοῦ ἔτους προσόδοις» (см. Revue de Philologie... nouvelle série, anné et tome XXV, 1901, p. 9) «съ доходами 59 года», — разница заключается только въ томъ, что λαοί сел. Пана платили ежегодно деньгами, а именно 30 талантовъ серебромъ («ἀργυρίου ταλάντων τριάκοντα» ibid.), въ то время какъ въ Грузіи они отбывали свои повинности не деньгами, а *натурой*; къ такому выводу приводитъ фраза Страбона, что λαοί «обслуживаютъ [царя] всѣмъ [необходимымъ] для жизни», то есть, всѣмъ: пищевыми продуктами, напитками и т. д.; а это заставляетъ предполагать, что οἱ λαοί *въ Грузіи должны были сидѣть на землѣ, они должны были владѣть имѣніями.* Изъ изданной и изученной г. B. Haussoullier надписи также видно, что и малоазійскіе λαοί сидѣли на землѣ (ὑπαρχόντες τοῖς τόποις ibid. p. 34) и владѣли землей, домомъ и другимъ имуществомъ («λαοὺς πανοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν πᾶσιν» ibid. 9, стр. 45 и τοὺς λαοὺς πανοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν αὐτοῖς πᾶσιν» ibid. 9, строчка 22—23, см. также стр. 34).

Каково было правовое положеніе λαοί въ Грузіи, невозможно установить. Страбонъ называетъ ихъ царскими рабами βασιλικοί δοῦλοι и это показываетъ несостоятельность высказаннаго г. Хилинскимъ при оспариваніи мнѣнія Fränkl'я предположенія, будто «древніе... называютъ «рабами»—λαοί частныхъ лицъ» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г. Мартъ, стр. 108, 111, 112; λαοί въ Малой Азіи); но одно названіе, конечно, не даетъ твердыхъ основаній для выясненія правовыхъ отношеній между царскимъ родомъ и λαοί: можно ли было ихъ продавать отдѣльно отъ земли, имѣли-ли владѣтели право надъ ихъ жизнью и смертью? На основаніи всего вышесказаннаго явствуетъ, что οἱ λαοί *въ Грузіи представляли группу населенія, которая жила на землѣ царскаго рода и была обязана опредѣленными натуральными повинностями;* нѣкоторое, только приблизительное представленіе объ ея правовомъ положеніи, можетъ дать то обстоятельство, что географъ называетъ лицъ, принадлежащихъ къ этой соціальной единицѣ, «рабами» δοῦλοι: прилагаемое къ нимъ названіе показываетъ, что они во всякомъ случаѣ должны были быть ограничены въ своихъ правахъ, но это ограниченіе видимо было неполное, какъ это наблюдалось, напр., въ положеніи рабовъ, — такъ какъ въ такомъ случаѣ знаменитый географъ прямо назвалъ бы ихъ δοῦλοι, рабами, а не λαοί. Въ общемъ положеніе οἱ λαοί приближается къ колонату*), — въ

*) Beloch Griechische Geschichte, III. B, 1 Abt. S. 310.

нихъ нужно видѣть первоначальную стадію развитія соціальнаго неравенства въ Грузіи; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что къ началу I в. нашей эры οἱ λαοί не имѣлись еще ни у жреческихъ родовъ, ни у всей массы остального населенія, занимавшагося земледѣліемъ и военнымъ дѣломъ, а только у царскаго рода, — слѣдовательно *этотъ институтъ не представлялъ еще общаго явленія въ странѣ, передъ нами картина возникновенія даннаго института, его начальная стадія развитія.*

Откуда происходитъ интересующій насъ институтъ, возникъ-ли онъ самостоятельно, или заимствованъ? Нѣкоторыя указанія относительно этого могли-бы дать термины даннаго института; обычными грузинскими названіями господина-сеньера и крѣпостного-кліента являются პატრონი, или ბატონი «патрони», или «батони» и ყრმა, или ყმა, «крма», или кма»; первое изъ нихъ не грузинскаго происхожденія и представляетъ изъ себя заимствованное patronus; несмотря на обычность и исключительное господство, можно документально установить, что это слово входитъ въ употребленіе сравнительно поздно, какъ это будетъ указано во второмъ томѣ даннаго изслѣдованія, съ момента распространенія суверенной власти таокларджетскихъ и абхазскихъ Багратидовъ на восточную Грузію; въ древнѣйшій періодъ грузинской литературы, наприм., ни въ *Евангеліи*, ни въ *Библіи*, ни въ *Муч. Евстафія Михетскаго*, ни въ древнихъ *переводныхъ агіографическихъ памятникахъ оно ни разу не встрѣчается; древне-грузинской литературѣ извѣстно* совершенно другое названіе «господина», при этомъ, — что особенно важно, — *чисто туземное слово* უფალი *«уп̒али»*; въ Евангельскомъ текстѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ господинѣ и слугахъ или рабахъ, постоянно переводчики употребляли терминъ «уп̒али», тогда какъ позднѣе въ подобныхъ случаяхъ всюду было бы поставлено слово «патрони» или «батони»; такъ, напр., въ XXIV гл. Мат. стихъ 46 «блаженъ тотъ рабъ, котораго господинъ его ...найдетъ» переведено на грузинскій ნეტარ არს მონისა მის, რომლისა მოვიდეს უფალი მისი და ჰპოვოს... въ данномъ мѣстѣ «уп̒али» соотвѣтствуетъ греческому κύριος и арм. *տէր*.

Подобныхъ случаевъ въ Евангеліи, гдѣ слово «господинъ» передано на грузинскій терминомъ «уп̒али» и равняется армянскому *տէր* и греческому κύριος, много (Мат. X,24,25; XV,27; XVIII,26; XXIV,48,50; XXV,14,19,21,22,23; Марка II,27; Лука X,2, XII,42,43,46; XIV,21,23). Въ Библіи такъ же, какъ и древнѣйшихъ агіографическихъ памятникахъ,

слѣдовательно въ періодъ отъ IV-V в.—VII-VIII в., употребляется единственно только «упали» и терминъ «патрони» совершенно не извѣстенъ. Такимъ образомъ, независимо отъ внесеннаго съ запада термина patronus существовало уже задолго свое туземное наименованіе господина-сеньора и въ виду этого, понятно, ошибочно было бы на основаніи термина «патрони» и «батони» заключать о чужестранномъ происхожденіи даннаго института.

Названіе «крма», или «кма» грузинскаго происхожденія, но и оно въ древнѣйшій періодъ въ значеніи крѣпостного-кліента почти не употребляется, хотя и встрѣчается часто въ Евангеліи и Библіи, но въ первомъ исключительно для перевода дитяти, либо отрока и соотвѣтствуетъ армянскому *մանուկ* и греческому παῖς (см. Мат. XIV,21; XV,38; XVIII,2; XIX,13; XXI,15; Марка V,40,41; IX,37; X,13,14; Луки I,66,80; II,12,16,27,40,43; VII,32; IX,42), а во второмъ хотя и имѣется нѣсколько мѣстъ, гдѣ «крма» обозначаетъ раба, но часто употребленіе именно даннаго слова объясняется тѣмъ, что и въ другихъ текстахъ стоитъ слово обозначающее отрока (напр. Т Моис. XIX,12 = παιδίον, арм. *որդիք և կամ դստերք*; XXII,3,5 = греч. παῖς, арм. *որդի պատանեակ*, XXII,12=греч. παιδάριον, арм. *պատանեակ*, сир. ܛܠܝܐ; XXIV,2 = παῖς, арм. *զծառայն*, сир. ܥܠܡܐ; XXIV, 9 = παῖς, арм. *ծառայ*, сир. ܥܠܡܐ; XXVI,18=παῖς, арм. *ծառայք*).

Во всеобщее употребленіе терминъ «кма» въ значеніи крѣпостного входитъ значительно позднѣе, приблизительно съ VIII—IX вѣка. Въ древнѣйшую эпоху обычное грузинское названіе раба — это მონა «мона»; оно въ переводныхъ памятникахъ съ армянскаго соотвѣтствуетъ слову *ծառայ*, такъ, напр., въ *муч. Атома, его сына и друзей*: მონათა ჩემთა (аѳон. Сбор. 234,a)=*ա... ծառայս իմ...* (ՍՀ. XIX, стр. 72), აღუთქუა... მონათა თჳსთა მიერ (ibid. 234,b) = *խոստացաւ... իւրոց ծառայից* (idib. 73); въ *муч. Давида Двинскаго*: არა არს... მონებს და აზნაურებს (ibid. 176,a) = *Չիք խտիր... ոչ ծառայի և ոչ ազատի* (ibid. стр. 87). Въ грузинскомъ переводѣ Евангелія слово «мона» стоитъ въ большинствѣ случаевъ въ соотвѣтствіи арм. *ծառայ* и греч. δοῦλος (напр. Мат. X,24,25; XIII,27; XVIII,23,26,27,28; XXI,34,35; XXII, 6,8; XXIV,45,46,48,49; XXV,21,23,26; XXVI,51 и др.), попадается случай, гдѣ «мона» передаетъ арм. *մանուկ* и греч. παῖς (Мат. VIII,13), если только тутъ нѣтъ въ какомъ нибудь изъ переводовъ позднѣйшаго исправленія. Какого происхожденія терминъ «мона», туземнаго, или заимствованъ, сказать опредѣленно невозможно; быть можетъ это слово

имѣетъ что-либо общаго съ древне-персидскимъ mānijam *), которое г. Justi производитъ отъ māna=«домъ» и считаетъ образованнымъ въ качествѣ прилагательнаго на подобіе οἰκεῖος; это суть, говоритъ авторъ, такимъ образомъ manija, съ которымъ идентично вѣроятно критское μνῴα рабы, люди, власть надъ которыми принадлежала Дихканамъ и родовой земельной аристократіи вмѣстѣ съ которыми онъ присоединяется къ государственной арміи, на которыхъ и опирается его почетное положеніе въ государствѣ. (ZDMG. 53. B. H. 1).

Если только толкованіе г. Justi правильно, то тогда возможно признать сходство между персидскимъ manija, критскимъ μνῴα и грузинскимъ მონა «мона», причемъ нужно было предположить, что оно имѣло и въ древне-грузинскомъ значеніе кліента-крѣпостного, а не только раба; въ такомъ случаѣ пришлось бы признать данный терминъ заимствованнымъ въ грузинскомъ изъ древнеперсидскаго, что съ своей стороны можетъ указывать на чужестранное происхожденіе и источникъ заимствованія самого института.

Выше было указано, что οἱ λαοί были къ началу перваго вѣка нашей эры только у царскаго рода,—т. е. мы застаемъ этотъ институтъ въ начальной стадіи развитія, но агіографическіе памятники показываютъ, что онъ получилъ широкое распространеніе и что несвободные имѣлись уже и азнауровъ; къ сожалѣнію, въ виду отсутствія данныхъ, изслѣдователь лишенъ возможности прослѣдить этотъ процессъ; правовое состояніе же крѣпостныхъ въ болѣе позднюю эпоху составитъ предметъ изученія второго тома даннаго изслѣдованія.

---

*) Это сопоставленіе, какъ и сама статья г. Justi указаны мнѣ любезно проф. Н. Я. Марромъ.

АРМЕНІЯ.

Введеніе.

Занимаясь изученіемъ исторіи напряженной борьбы, которая шла въ V и VI вѣкахъ въ Арменіи между сассанидскимъ правительствомъ, его сторонниками изъ мѣстныхъ жителей съ одной стороны и армянскими нахарарскими родами, противниками политики персидскаго государства съ другой стороны, пришлось убѣдиться, что для уясненія дѣйствительной причины этой борьбы и того направленія, которую приняла она, непремѣнно необходимо прежде всего знать государственный строй древней Арменіи; иначе разобраться въ описаніяхъ историковъ не было никакой возможности. Какъ извѣстно, эта борьба нашла себѣ отраженіе въ произведеніяхъ двухъ историковъ Елисея и Лазаря Парпскаго. Хотя данный моментъ исторической жизни армянъ и привлекалъ постоянно къ себѣ вниманіе спеціалистовъ, бывали попытки выяснить причины столкновенія, установить ходъ событій и ихъ характеръ, но эти опыты дальше болѣе или менѣе подробной передачи двухъ вышеназванныхъ историковъ не шли. Конечно, это происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что разобраться въ изложеніи историковъ безъ опредѣленнаго исходнаго пункта невозможно: начать хоть бы съ того, что Елисей изображаетъ данный моментъ, какъ религіозную борьбу: дѣло шло т. с. между христіанствомъ и маздеизмомъ; армянскіе нахарары, находившіеся въ рядахъ повстанцевъ, только и думали, что о спасеніи души: съ псалтырями въ рукахъ и молитвами на устахъ они, подобно св. исповѣдникамъ, стремились къ будущей жизни. Религіозный мотивъ и окраска являются характерными чертами изложенія Елисея. Лазарь Парпскій представляетъ дѣло нѣсколько иначе; хотя и у него до извѣстной степени эта борьба поситъ религіозный оттѣнокъ, но въ его передачѣ событій имѣется столько подробностей и мотивовъ столкновеній между персидскими властями и армянскими

повстанцами, что при внимательномъ изученіи его произведенія религіозные мотивы борьбы оказываются не исключительной причиной этихъ историческихъ событій. Кто же правъ, который изъ историковъ вѣрнѣе передаетъ и освѣщаетъ факты? Ясно, что для рѣшенія интересующаго насъ вопроса нужно имѣть свѣдѣнія о соціальномъ строѣ страны: такъ какъ, когда мы уяснимъ себѣ складъ армянской общественной жизни, затѣмъ политику сассанидскаго правительства по отношенію къ подчиненнымъ народамъ, тогда основныя причины столкновенія и борьбы и направленіе, которое могла принять она благодаря соціальнымъ условіямъ, станутъ значительно яснѣе. Это первоначально заставило взяться за самостоятельное изученіе государственнаго строя древней Арменіи. Изучать вопросъ приходилось по первоисточникамъ, потому что существующіе опыты изученія государственнаго строя древней Арменіи совершенно неудовлетворительны. Первый опытъ въ изученіи даннаго вопроса принадлежитъ Инджиджьяну; во второй книгѣ своей «*Հնախօսութիւն աշխարհագրական հայաստանեայց աշխարհի*» онъ довольно пространно и детально излагаетъ общественную и государственную организацію Арменіи: управленіе патріархальное (*տանուտիրական*), монархическое, должностныя лица, нахарары, азаты, танутеры, ишханы, наhапсты, сепуhи и т. д.; у автора имѣется не мало правильныхъ наблюденій, приведены соотвѣтствующія выписки изъ историковъ, но наблюденія неглубокія, рѣдко доходящія до изученія природы институтовъ; затѣмъ авторъ изучаетъ вопросы объ должностныхъ лицахъ и придворныхъ чинахъ безъ достаточной исторической перспективы и ясной классификаціи. Какъ постановку вопроса, такъ его освѣщеніе нельзя признать удовлетворительными. Другая попытка изученія соціальнаго строя Арменіи, принадлежитъ перу французскаго ученаго В. Ланглуа въ его «Essai historique et critique sur la constitution sociale et politique de l'Arménie sous les rois de la dynastie roupénien (напеч. въ Mémoires de l'Academie impériale des sciences de St.-Pétersbourg, VII série, Tome III, № 3). Хотя въ задачу В. Ланглуа и не входила разработка вопроса о строѣ Арменіи въ докиликійскую эпоху, тѣмъ не менѣе онъ касается и этого періода въ первомъ параграфѣ своего труда подъ заглавіемъ «Condition sociale et politique de l'Arménie avant les Roupéniens»; на 4 большихъ страницахъ (38—42) авторъ старается нарисовать картину соціальной жизни Арменіи за періодъ времени минимумъ 12 вѣковъ. Единственный источникъ, на основаніи

котораго г. Ланглуа пытается выяснить соціальные институты древнѣйшей эпохи, это—Моисей Хоренскій; онъ повторяетъ извѣстіе Хоренскаго, будто Вагаршакъ установилъ однообразную систему общественныхъ институтовъ, создалъ должность нахараровъ и во главѣ родовъ поставилъ потомковъ ʿАайка. Вагаршакъ однихъ назначаетъ возлагателями вѣнца, другихъ аспетами; онъ создалъ цѣлый штатъ тѣлохранителей, раздѣлилъ государство на округи и поставилъ во главѣ управленія округами членовъ знатныхъ родовъ. Вагаршак установилъ сословныя различія въ Арменіи и создалъ іерархическую лѣстницу родовъ. Такъ было по словамъ Ланглуа до конца IV вѣка, послѣ чего борьба персіянъ съ Арменіей, окончившаяся для послѣдней неудачно, заставила ее подчиниться сассанидскому правительству; царская власть была уничтожена и Арменія стала провинціей, марзпанствомъ персидской имперіи. Другая часть страны, отошедшая къ Византіи, подпала подъ вліяніе государственнаго строя восточно-римской имперіи и усвоила нѣкоторые институты, въ родѣ куропалатовъ, патрикіевъ и т. п. Изъ вышесказаннаго нетрудно видѣть, что г. Ланглуа относился съ полнымъ довѣріемъ къ своему источнику и повторялъ даже такія мѣста и мнѣнія, неосновательность которыхъ вполнѣ очевидна; другой недостатокъ работы г. Ланглуа заключается въ томъ, что авторъ, собственно говоря, ограничивается только переченемъ однихъ названій должностей или сословій и не указываетъ, въ чемъ именно состояли ихъ права, ихъ отношеніе другъ къ другу и къ правительству: однимъ словомъ, вопросъ изученъ г. Ланглуа поверхностно.

Существуетъ также по интересующему насъ вопросу работа, принадлежащая о. Алишану; она помѣщена въ его большомъ произведеніи «Այրարատ'ѣ», въ главѣ, носящее заглавіе «Դուռն Հայոց արքունեաց» (стр. 414—434). Несомнѣнно, о. Алишанъ поработалъ надъ темой гораздо больше: у него собраны почти всѣ названія должностей и сословій, какія только встрѣчаются у армянскихъ историковъ,— онъ привлекаетъ, наконецъ, впервые къ дѣлу мѣстническій списокъ нахараровъ. Однако, въ качественномъ отношеніи работа о. Алишана выполнена нисколько не лучше, чѣмъ у г. Ланглуа: и онъ также повторяетъ слова М. Хоренскаго объ учрежденіяхъ Вагаршака, такъ что тридцать лѣтъ, прошедшихъ между этими двумя трудами (Ланглуа въ 1860 г., Алишанъ въ 1890 г.), не оказали видимо никакого вліянія на постановку и изученіе соціальнаго строя древней Арменіи. Наоборотъ, въ работѣ о. Алишана замѣчается даже нѣкоторый регрессъ:

въ то время, какъ г. Ланглуа ясно различаетъ послѣдовательно періоды соціальной жизни Арменіи (до 4 вѣка, сассанид., визант., араб. и киликійскій), о. Алишанъ настолько подавленъ обиліемъ названій различныхъ должностей, что у него многое перемѣшалось и вынести отчетливое представленіе объ соціальномъ строѣ Арменіи въ извѣстный историческій моментъ совершенно невозможно. Къ тому же и у о. Алишана дѣло сводится чуть не къ простому перечню названій должностей и сословій и вопроса о сферѣ ихъ дѣятельности для него почти не существуетъ. Весь правовый и государственный строй Арменіи представляется ему установленнымъ изъ начала еще царемъ Вагаршакомъ.

Основная и общая у обоихъ ученыхъ Ланглуа и Алишана ошибка заключается въ томъ, что они на наивномъ разсказѣ М. Хоренскаго относительно установленія сословнаго и административнаго порядковъ царемъ Вагаршакомъ хотѣли построить изслѣдованіе и не считали нужнымъ провѣрять сообщенія своего единственнаго источника по даннымъ другихъ историковъ; тотъ строй государственной жизни Арменіи, введеніе котораго приписывается Хоренскимъ царю Вагаршаку, можетъ являться, само собой ясно, результатомъ долгой исторической жизни народа, продолжительной эволюціи его общественнагѳ строя, и безусловно не могъ существовать въ то время, когда долженъ быть жить по традиціонному представленію Вагаршакъ.

Нельзя найти удовлетворительнаго освѣщенія государственнаго строя древней Арменіи и въ «*Критической исторіи Арменіи*» (*Քննական պատմութիւն Հայոց*, Тифлисъ 1895 г.) г. Гарагашьяна; болѣе того авторъ хотя и имѣетъ намѣреніе критически относиться къ источникамъ, но, благодаря шаблонному представленію объ восточномъ деспотизмѣ и т. п., еще больше осложняетъ и затемняетъ пониманіе государственнаго строя Арменіи (см. напр., объ царской власти *Մաս Բ*, стр. 2 и слѣд.).

Безплодность вышеуказанныхъ опытовъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что изслѣдователи не давали себѣ яснаго отчета во первыхъ, на основаніи какихъ матеріаловъ должно и можно изучить соціальный строй древней Арменіи, и во-вторыхъ, какъ нужно подступить къ выясненію вопроса, т. е. ошибками методологическими. До тѣхъ поръ, пока будутъ, наприм., брать одинъ какой-либо источникъ и по нему одному излагать, по интересующему вопросу ожидать

какихъ-либо существенныхъ результатовъ нельзя; кромѣ того, и одно механическое собираніе названій или свѣдѣній о должностныхъ лицахъ или сословіяхъ изъ произведеній даже всѣхъ армянскихъ историковъ не можетъ двинуть дѣла впередъ. Нужно прежде всего понять текстъ историковъ такъ, какъ они понимали, когда сами писали, т. е. нужно выяснить, что подразумѣвали писатели подъ различными названіями должностей и сословій, какъ они представляли себѣ, напр., нахарара, танутера, какой величиной былъ для нихъ сепуһъ и т. д. Когда историкъ писалъ свое произведеніе, то, очевидно, онъ, въ какое бы время ни жилъ, долженъ былъ такъ или иначе представлять себѣ упоминаемыхъ имъ должностныхъ лицъ и членовъ различныхъ сословій; необходимо установить прежде всего это пониманіе, или представленіе историка, содержаніе понятій танутеръ, наһапетъ, тунъ и т. п. Если бы вышеупомянутые изслѣдователи попытались продѣлать подобную работу, хоть бы даже на основаніи одного историческаго текста, то они сразу почувствовали бы подъ ногами почву, и ихъ изложеніе изъ сухого и пустого перечня названій и терминовъ обратилось бы въ болѣе или менѣе жизненную картину соціальнаго строя. Но работа, какъ это было уже указано, не должна для большей продуктивности и правильности выводовъ ограничиваться изученіемъ одного историка, необходимо проштудировать одновременно нѣсколько историческихъ памятниковъ и при этомъ сравнительно. Кромѣ того свѣдѣнія древнегреческихъ писателей, особенно Геродота, Ксенофонта и Страбона должны быть по мѣрѣ надобности утилизированы. Къ сожалѣнію, эти авторы не даютъ объ Арменіи такихъ цѣнныхъ, рѣшающихъ вопросы фактовъ, какъ объ Грузіи; тѣмъ не менѣе свѣдѣнія ихъ, какъ очевидцевъ и побывавшихъ въ Арменіи, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дать руководящую нить для сужденій. Только при подобной постановкѣ изученія вопроса о государственномъ строѣ Арменіи возможно разобраться въ той массѣ административныхъ и сословныхъ терминовъ, которые встрѣчаются у туземныхъ историковъ. Предварительныя штудіи и знакомство съ соціальнымъ строемъ Грузіи и сравнительное изученіе добытыхъ результатовъ по общественному строю Арменіи съ таковыми же выводами о Грузіи дали возможность многое уяснить и оцѣнить съ соотвѣтствующей точки зрѣнія.

При изученіи государственнаго строя древней Арменіи авторомъ даннаго изслѣдованія были привлечены произведенія троихъ историковъ: Фауста Византійскаго, Елисея и Лазаря Парпскаго. Критиче-

скихъ научныхъ изданій ихъ сочиненій не существуетъ; только недавно появилась статья, которая содержитъ въ себѣ данныя о рукописяхъ, легшихъ въ основаніе различныхъ изданій исторіи Лазаря Парпскаго; она принадлежитъ отцу Галусту Теръ-Мкртычьяну и появилась въ журналѣ «Араратъ» за 1901 г. подъ заглавіемъ «Ղազար փարպեցու ձեռնագրերը». Въ этой интересной статьѣ авторъ приводитъ нѣсколько весьма важныхъ данныхъ относительно рукописей, на основаніи которыхъ издавался текстъ произведенія Лазаря. Онъ устанавливаетъ, во-первыхъ, что всѣ 8 рукописей, въ которыхъ имѣется сочиненіе Парпскаго, восходятъ къ одной, теперь неизвѣстно гдѣ находящейся рукописи. Далѣе онъ же выясняетъ, что древнѣйшая изъ этихъ рукописей не идетъ дальше XVII вѣка, а именно 1642 года. Дѣло рисуется еще въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, когда прочтете запись, находившуюся въ нынѣ уже утерянной рукописи 1642 года:

Ով սուրբ ընթերցաւղք եւ եղբարք գիրքս հին էր եւ աւրինակս... եւ նորոգեալ եւ զպակասութիւն թղթոցն որ պակասէ ոչ էր գտեալ և ես ոչ կարացի գտանել» (*Արարատ*, 1901г. стр. 542).

«Святые читатели и братья, книга и оригиналъ былъ ветхій... и возстановленъ (Унаномъ) и недостачи въ книгахъ, которыя не достаютъ, онъ не нашелъ и я также не смогъ отыскать».

Итакъ, оригиналъ, съ котораго были списаны всѣ дошедшія до насъ рукописи, былъ старый, попорченный, нуждавшійся въ возстановленіи, а въ текстѣ имѣлись даже дефекты. А сколько разъ въ продолженіи вѣковъ могъ подвергнуться текстъ исторіи Лазаря Парпскаго порчѣ, сколько разъ при списываніи одни административные и сословные термины могли быть замѣнены переписчиками другими, имъ болѣе понятными и привычными? напр., вмѣсто танутеръ-теръ, или ишханъ и т. п. Вполнѣ понятно, что при такомъ состояніи текстовъ армянскихъ историковъ детальное изученіе соціальнаго строя древней Арменіи дѣло нелегкое. Любопытно то, что всѣ трое вышеупомянутые историки характерно отличаются другъ отъ друга употребленіемъ излюбленнаго каждымъ изъ нихъ термина: Лазарь, напр., чаще всѣхъ называетъ главъ армянскихъ родовъ «танутер»ами, рѣже «ишхан»ами и почти никогда «наhапет»ами, Фаустъ же наоборотъ ихъ величаетъ «наhапет»ами; только онъ одинъ употребляетъ такъ часто данный терминъ. Елисей съ своей стороны пользуется предпочтительно названіями «нахарары» и «ишханы», почти никогда «танутер»ами. Очевидно,

такая рѣзкая разница въ употребленіи названій для одной и той же должности должна имѣть глубокое и реальное основаніе. Необходимо указать также, что эти историки въ употребленіи терминологіи невыдержаны: одного и того-же дѣятеля одинъ и тотъ же авторъ въ различныхъ мѣстахъ величаетъ различно; является естественно вопросъ, есть-ли эта невыдержанность исконная, вышло-ли сочиненіе въ такомъ видѣ изъ подъ пера автора, или это явленіе нужно отнести къ искаженіямъ и порчѣ текста? То, что читается въ вышеприведенной записи въ рукописи Лазаря Парпскаго склоняетъ насъ больше ко второму предположенію.

Источники, на основаніи которыхъ приходится изучать государственный строй древней Арменіи, даютъ очень мало свѣдѣній непосредственно относящихся къ интересующимъ насъ вопросамъ: историки никогда почти не выходятъ изъ сферы описаній военныхъ дѣйствій и церковно-религіозныхъ интересовъ. При такомъ положеніи дѣла естественно, конечно, что далеко не всѣ соціальные институты могутъ быть въ достаточной степени изучены, что по нѣкоторымъ вопросамъ прійдется довольствоваться только болѣе или менѣе близкими къ дѣйствительности предположеніями, такъ какъ по большей части изслѣдователь принужденъ судить о предметѣ на основаніи обрывочныхъ, случайно и мимоходомъ упоминаемыхъ историкомъ свѣдѣній.

Данное изслѣдованіе содержитъ въ себѣ изученіе армянскаго государственнаго строя только древнѣйшаго періода, исключительно туземныхъ соціальныхъ институтовъ; учрежденія, заимствованныя у персовъ, или у грековъ, вопросы о политикѣ тѣхъ и другихъ по отношенію къ Арменію и вліяніе этой политики на строй народа почти совершенно не затронуты; это можетъ стать темой отдѣльнаго самостоятельнаго изслѣдованія. Авторъ, насколько ему силы и матеріалы давали возможность, старался съ должной полнотой изслѣдовать армянскій государственный строй, но онъ заранѣе указываетъ, что при изученіи государственныхъ институтовъ Арменіи возможно было установить лишь ихъ эволюцію, стадіи развитія, но пріурочить къ какому-либо опредѣленному времени даже по основнымъ вопросамъ, какъ это сдѣлано, напр., по отношенію къ Грузіи, совершенно не удавалось; классическіе писатели, неоцѣнимые свидѣтели въ этихъ случаяхъ, не даютъ для данной стороны дѣла необходимыхъ свѣдѣній.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Территорія.

Не смотря на многочисленныя иноземныя вліянія на государственную жизнь Арменіи, слѣды древнѣйшаго, исконнаго строя, на которомъ покоилась соціальная жизнь этого народа, сохранились съ достаточной ясностью; эта соціальная «ячейка», или «эмбріонъ», если такъ можно выразиться, которая жила въ продолженіи вѣковъ доисторической, изученіе которой дается намъ при помощи лингвистическаго анализа, и исторической жизнью, разросталась, и отъ примитивно-общественныхъ формъ перешла къ формамъ государственнаго организма, есть «тунъ» *տուն* «домъ».

«Тунъ» *տուն* есть эмбріонъ одновременно, какъ соціальныхъ, такъ и территоріальныхъ единицъ и группъ.

Тунъ *տուն* обозначаетъ во-первыхъ *кругъ лицъ, связанныхъ кровными родственными узами*, напр.: *)

«Նոքա փեսայք էին տանն Մամիկոնեան տոհմին» (*Фաւս.* III, *ժա.* стр. 28).

«Они *были зятьями дома* рода Мамиконьяновъ».

Или еще:

«զօրն եւ տունն տոհմին Աղձնեաց կողմանն ապստամբեցին յարքայէն հայոց»... (ibid. IV, *ծ*, стр. 163).

«*Войско и домъ рода* Агдзнійской области *возстали противъ царя армянъ*».

*) Страницы историковъ указываются: Фаустъ по венеціанскому изданію 1889 года, Лазарь Парп. по Тифлис. изд. 1904 г. а Елисей по Московскому изд. 1892 г.

«Գումարէր զօրսն ամենայն տանցն աւագանւոյն ընդ զօրսն արքունի (Փաւս. III, ը, стр. 20).

«Онъ собралъ войско изъ всѣхъ *домовъ* вельможъ (знати) вмѣстѣ съ царскими войсками».

Очевидно такой же смыслъ имѣетъ «тунъ» и въ слѣдующей фразѣ:

«եւ նորա խօսեցեալ զամենայն այսպէս ընդ ընտանիս տանն իւրոյ» (Ղազ. Փարպ. գլ. ը, стр. 57).

«и онъ говорилъ все это такъ съ домашними своего *дома*».

Слово это обозначаетъ также домъ, *жилое помѣщеніе*, постройку, какъ это видно изъ того мѣста, гдѣ Меружанъ Арцруни обѣщается сассанидскому царю Шапуhу:

«Թէ... ինձ դարձ լիցի յիմ աշխարհն եւ յիմ տունն, նախ ես, ասէ, շինեցից ատրուշան յիմում տանն սեպհականին». (Փաւս. IV, իգ, стр. 144).

«если... мнѣ будетъ [дано разрѣшеніе] вернуться въ свой домъ, то прежде всего, молъ, я построю жертвенникъ въ моемъ собственномъ *домѣ* (тунъ)».

Но это же слово «тунъ» означаетъ и *территорію*, на которой жила, которую занимала семья; оно обозначаетъ *имѣніе семьи или рода*, напримѣръ:

«այսպէս բարձաւ ազգատոհմն նախարարութեանն այնորիկ եւ զտուն նոցա յարքունիս կալան» (Փաւստ. III, ը. стр. 20).

«Такъ исчезъ этотъ нахарарскій родъ (Рштуни)... и *домъ* (тунъ = *имѣніе*, *территорія*) *ихъ взяли въ казну*».

...«Իբրեւ այլ ոք ոչ էր մնացեալ յազգէն, եւ արքայ զաղջիկ կնութիւն սիրելւոյն արքայի Վաղինեկայ սիւնւոյ եւ զտունն Աղձնեաց» (ibid. III, թ. стр. 21).

Такъ какъ (когда) никто изъ того (агдзнійскаго) рода не остался [въ живыхъ], то *царь отдалъ въ жены дѣвицу* и *домъ* (тунъ) *Агдзнійцевъ* [въ приданное] любимцу царскому Вагинеку сюнійцу».

...«Բայց յորդւոցն Բակուր բդեշխի պատանեակ մի փախեաւ... որ առ յապայն ժա-

«Но изъ сыновей Бакура бдешха убѣжалъ одинъ юноша... который потомъ сдѣлался наслѣд-

ռանգ տան նորա լինէր։ որ յայլում ժամանակի դարձաւ կալաւ զտունն իւր, որոյ անուն Խեշա կոչէր» (ibid. III, *Թ*. стр. 21).

никомъ *этого дома* (тунъ); имя того, который впослѣдствіи вернулся и *взялъ домъ* (тунъ = имѣніе) *свой*, было Хеша».

...*«զբազմաց տունս հատանէր յարքունիս»* (ibid. IV, *ԺԹ*, стр. 133).

«*Дома* (*тунъ*) *многихъ* (нахарарскихъ родовъ) *отобралъ онъ въ казну*».

Терминъ тунъ *տուն* можетъ быть употребленъ и употреблялся также въ томъ случаѣ, когда рѣчь шла о какомъ нибудь *ущельи* или *округѣ*, напримѣръ:

...*«պահ արկանէին շուրջ զԱնգեղ զամուր բերդան, որ է յԱնգեղտանն գաւառին»* (*Փաւս*. IV, *ԻԴ*, стр. 146).

«Осадили кругомъ крѣпость Ангеґъ, которая находится въ области Ангеґъ-*тунъ* (домъ)».

Или же:

...*«ի կողմանսն ստորին գաւառաց յԱնգեղ տանն էր»..*, (ibid. IV, *ԻԴ*, стр. 144).

«въ высочайшихъ мѣстахъ областей Ангеґъ-*тун*'а было».

Въ этихъ двухъ предложеніяхъ область Ангеґъ *Անգեղ գաւառ* употребляется съ приложеніемъ «тунъ» который равняется по значенію области; такое же значеніе имѣетъ слово «тунъ» во многихъ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, область Двинская именуется «*Ոստան տուն*» (*Ղազար. Փ. գլ. լբ*, стр. 61 и др.), мѣстность Ванандъ зовется *տուն Վանանդեայ* (ib. *խբ*, 75), въ анонимной армянской географіи упоминается одна область четвертой Арменіи, именовавшаяся Паґнатунъ *Պաղնատուն*; и въ данномъ названіи вторая часть несомнѣнно составляетъ слово «тунъ»; это видно изъ того, что Корюнъ, говоря объ Іосифѣ, указываетъ мѣстомъ его происхожденія эту же область, но въ формѣ *ի Պաղանական տանէն* (стр. 19) изъ дома Паґанакскаго.

Тунъ տուն обозначаетъ также область или районъ, находящійся подъ чьей либо админастративной властью; такъ, напр., въ уста грузинскаго католикоса Киріона Ухтанесъ влагаетъ слѣдующую рѣчь:

...«Ես աւագ եմ քան զնա եւ մեծ ի տան իմում եւ այս տանս գահերէցութիւնս նախ իմ էր եւ ապա զորա (Ուխտանէս, Вагарш. изд. Պ. Բաժ. 116).

«Я старше него (т. е. албанскаго католикоса) и великъ въ *домъ* моемъ и въ виду старшинства престола моего *дома* мѣсто это принадлежало прежде мнѣ, а потомъ ему».

Поэтому въ большей части случаевъ, гдѣ мы встрѣчаемъ сочетаніе вродѣ ишханъ (властитель) «дома» *իշխան տան*, слово «тунъ» имѣетъ преимущественно территоріальное значеніе; оно представляетъ изъ себя тогда или имѣніе, или область, подчиненную и находящуюся подъ властью какого либо лица, либо рода, такъ, напр.,

«Գումարեաց ընդ նմա Թագաւորն Տիրան զմեծամեծ նախարարսն ըստ սովորութեան օրինակին... զիշխանն Մաղխազունեան տաննն։» (Փաւս. III, ժբ, стр. 29).

«собралъ царь Тиранъ вокругъ себя великихъ нахараровъ согласно обычному установленію... *властителя дома* Маѓхазунійцевъ».

Вѣроятно въ смыслѣ области нужно понимать слово тунъ и въ этомъ отрывкѣ.

...«տայր խաղացուցանել ՚ի դուռն Արեացն ...զիշխանն տանն Արշարունեաց զԱրշաւիր եւ զիշխանն տանն Անձեւացեաց զՇմաւոն եւ զիշխանն տանն Ամատունեաց զՎահանն... (Ղազ. Փար. գլ. խբ, стр. 75).

«далъ повести во дворецъ [царя] арійцевъ... *властителя дома* аршарунійцевъ Аршавира и *властителя дома* андзеваційцевъ Симеона и *властителя дома* аматунійцевъ Ваһана».

...«պատրաստեալ ճանապարհին Յունաց կարգին զիշխանն տանն Ամատունեաց Վահան» (Պ. Փար. գլ. լգ, стр. 63).

«приготовивъ, снарядили въ дорогу къ грекамъ *властителя дома* Аматунійцевъ Ваһана».

Въ значеніи области употребляется тунъ и въ слѣдующемъ случаѣ:

...«ամենայն նախարարք զօրօքն իւրեանց յիւրաքանչիւր տանէ ի մի վայր գային հասա-

«всѣ нахарары со своими войсками изъ каждаго *дома* поспѣшно сошлись въ одно мѣсто,

նէին վաղվաղակի. բազումն եւ այլ այրուձի, որ յարքունի տանէ անտի էր» (Եղիշէ. 68)

много и прочей конницы, которая была изъ *царскаго дома*, находилась тамъ.

Про Васака историкъ говоритъ:

«Եւ զայլ բազումս զօրս յարքունի տանէն արկ յինքն եւ սեպուհս ոմանս յայլմէ տոհմէ» (Եղիշէ 69).

«и много другого войска изъ *царскаго дома* переманилъ онъ къ себѣ и нѣкоторыхъ сепуһовъ изъ другихъ родовъ».

Въ смыслѣ области, мнѣ кажется, нужно понимать это же слово и въ одномъ отрывкѣ, гдѣ перечисляются павшіе на полѣ брани:

«Այս երկերիւր ութսուն եւ եւթն նախարարք ընդ ինն մեծամեծ նախարարսն անդէն ի տեղւոջն կատարեցան։ եւ յարքունի տանէն եւ 'ի տանէն Արծրունեաց. եւ յիւրաքանչիւր նախարարաց տանէն. Թող զայս երկերիւր ութսուն եւ եւթն եւ այլ եւս եւթն հարիւր եւ քառասուն այր, որք զանուանս իւրաքանչիւր 'ի դպրութիւն կենաց գրեցին 'ի նմին աւուր 'ի մեծ պատերազմին»։ (Եղիշէ 110).

«эти 287 подвижниковъ вмѣстѣ съ 9 великими нахарарами умерли тамъ же на мѣстѣ: и изъ *царскаго дома* и изъ *дома* Арцруни и изъ каждаго *дома* нахараровъ кромѣ тѣхъ 287 было еще другихъ 740 человѣкъ, которые вписали въ этотъ день во время великаго сраженія каждый свое имя въ книгу жизни».

Во всѣхъ вышеприведенныхъ отрывкахъ «аркуни тунъ» царскій домъ, конечно, не можетъ обозначать царскаго рода, такъ какъ въ это время армянскаго царскаго рода уже не было, а имѣетъ смыслъ области, бывшей нѣкогда удѣльнымъ владѣніемъ армянскихъ царей.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи «*тунъ*» получаетъ значеніе *цѣлой страны*, даже *цѣлаго государства*:

...«առանց աստուծոյ շրջէին յաշխարհի կամակոր ազգ տանն Հայոց երկրին» (Փաւս. III, ժգ, стр. 33).

«безбожно совершалъ кругомъ въ странѣ наѣзды своевольный родъ *дома земли армянской*».

...«խաղացոյց տանել գնալ ՚ի սահմանս հայոց ՚ի Գանձակէ կուսէ յատրպայական տանէ» (ibid. V, ե, стр. 205)

«онъ заставилъ пойти и повести (войска) изъ края Гандзака, изъ *дома Атрпатаканъ* въ предѣлы Арменіи».

...«Մամիկոնեան Վահան մօտ է ՚ի նա Վարայրվարոյն ՚ի Հոռոմ-տան (Ղ. Փար. գլ. ՀԹ, 145).

«Ваһанъ Мамиконьянъ находился вблизи Варайрвара въ *домѣ ромейевъ* (=Греціи)».

...«կալաւ Կիւրոն զաԹոռ կաԹուղիկոսուԹեանն տանն վրաց» (Ախտանէս. Պ. Բաժանման 6).

«католикосскій престолъ *дома грузинъ* (=Грузіи) занялъ Киріонъ».

Итакъ, мы видѣли, что языкъ сохраняетъ одно и тоже слово для обозначенія понятій хотя и одного порядка, но все же рѣзко другъ отъ друга отличающихся, *«тунъ» — значило домъ, имѣніе, владѣніе, область и наконецъ страну. Всѣ территоріальныя единицы, дѣленія отъ самой маленькаго вплоть до большого организма, какъ страна, носили одно имя.* Уже это единство и строгая выдержанность системы названія для всѣхъ территоріальныхъ единицъ *указываетъ на исконный характеръ подобнаго дѣленія;* она, видимо, является выраженіемъ того состоянія соціальной жизни, когда первоначальный строй былъ еще въ полной силѣ и не подвергался чужеземному воздѣйствію, когда языкъ еще былъ недостаточно богатъ и пользовался однимъ словомъ для обозначенія нѣсколькихъ однородныхъ понятій. Очевидно въ это время *исходнымъ пунктомъ соціальнаго строя и соціальнаго мышленія являлся «тунъ», изъ него развился весь позднѣйшій общественный строй.* Достойно вниманія, что изъ самаго термина «тунъ» не видно, жилъ ли въ немъ родъ или одна семья, такъ что полное содержаніе понятія «тунъ» нуждается еще въ выясненіи.

* * *

Но рядомъ съ этимъ стройнымъ дѣленіемъ, носившимъ имя «тун'а», у историковъ попадаются еще много другихъ названій территоріальныхъ дѣленій. Всю эту остальную группу можно было раздѣлить на двѣ части: одна представляетъ изъ себя дѣленіе страны сообразно съ природными особенностями, топографическими условіями,— другая же является продуктомъ административной, государственной жизни Арменіи. Послѣдняя должна быть, естественно, по времени болѣе поздняго происхожденія и можетъ отражать въ себѣ сильнѣе слѣды иноземнаго вліянія.

Мѣстности дѣлились сообразно съ топографическими условіями на ущелья «дзор» *ձոր*.

Названій съ приставными «дзор» *ձոր* извѣстно въ армянской исторической литературѣ довольно много: въ географіи, приписываемой М. Хоренскому, упомянуты Азновадзоръ, Санодзоръ, Арувеницдзоръ, Джермадзоръ, Андзахадзоръ, Вайоцдзоръ, Бердадзоръ, *Ազնուաձոր, Սանոձոր, Առուենիցձոր, Ջերմաձոր,* (изд. Патканова, стр. 18). *Անձախաձոր, Վայոցձոր, Բերդաձոր* (ibid. 19).

У Фауста упомянутъ въ двухъ мѣстахъ Гардманацдзоръ *Գարդմանացձոր* (45, 163) и разъ ʻРсидзоръ *Հրսիձոր* (ibid. 106).

Въ административномъ отношеніи страна дѣлилась на области— *գաւառ*, но эти области носили часто названія также отъ преобладающаго рода этой мѣстности, или отъ нахарарскаго рода, въ управленіи котораго былъ этотъ районъ.

...«*յանկարծակի գուշակ հասանէր առ Խոսրով ՚ի Հէր և Զարաւանդ գաւառ* (*Փաւս.* III, *ը*, стр. 18).	«внезапно пришелъ вѣстникъ къ Хосрою въ области ʻЭръ и Заравандъ».
...«*ապա եկն էջ հայր Մարդպետ ի գաւառ Տարօնոյ* (ibid. IV, *ժդ*, стр. 117).	«затѣмъ пришелъ и спустился отецъ Мардпетъ въ область Таронъ».
...«*գտանէին զնա յիւրամ գաւառին ՚ի Տայս*»... (ibid. IV, *ծը*, стр. 132).	«нашли его въ своей области Тао».
....«*Թագաւորն Արշակ հրաման տայր յԱրշարունեաց գաւառին շինել* (ibid. IV, *ժթ*, 133).	«царь Аршакъ далъ приказаніе построить въ области Аршарунійцевъ».
...«*եւ եղեւ իբրեւ ՚ի վերայ հասանէր իւրացն Անդովկ նահապետն Սիւնեաց գաւառին*» (*Փաւս.* IV, *ի*, стр. 137).	«и случилось, когда Андокъ, наһапетъ области Сюніййцевъ понялъ дѣло»...
...«*եւ գային պահ արկանէին շուրջ զԱնգեղ ամուր բերդաւն, որ է յԱնգեղտանն գաւառին*». (ibid. IV, *իդ*, стр. 146).	«и прибыли и осадили кругомъ крѣпость Ангеғъ, которая находится въ области Ангеғъ-домъ».

Болѣе высшей единицей территоріальнаго дѣленія является *աշխարհ*, и *երկիր*, послѣднее обозначаетъ «землю» и употребляется какъ общее названіе для всей страны; нельзя того же сказать объ словѣ *աշխարհ*, при разрозненности и обособленности отдѣльныхъ мѣстностей древнимъ жителямъ Арменіи ихъ родина представлялась совокупностью странъ; Егише на 83 страницѣ своего труда, напримѣръ, восклицаетъ:

...«այսպէս տեղւոջ ոչ միայն ի վերայ միոյ ազգի է ողբումն մեր, այլ ՚ի վերայ ազգաց եւ աշխարհաց»

«Въ этомъ мѣстѣ *плачъ нашъ не объ одномъ только родѣ, но объ родахъ и странахъ* (Арменіи)».

И такое выраженіе не есть исключительная особенность Егише, такъ выражается и Фаустъ *«իշխանութիւն աշխարհացն հայոց մեծաց»* (III, *ծը*, стр. 29) «власть надъ *«странами»* великой Арменіи» или еще *«լացին ամենայն սահմանք աշխանհաց գաւառաց հայոց մեծաց»* (28) «рыдали всѣ предѣлы *странъ*, областей великой Арменіи».

А въ томъ случаѣ, когда писатель хотѣлъ употребить это слово въ значеніи всей страны Арменіи, то онъ прибавлялъ къ слову *աշխարհ ամենայն*, «весь», такъ, напримѣръ,:

...«Թագաւորն Տիրան եւ այլ մեծամեծ աւագանին նախարարացն, կամ աշխարհն ամենայն, ոչ ինչ ...իշաստուն ինչ գնացեալ լինէին» (*փաւս.* III, *ծը*, стр. 31).

«царь Тиранъ и другіе вельможи-пахарары, или *вся страна*, ничуть себя не вели разумно».

Городъ по-армянски называется *քաղաք* «*kaïak*»; это слово не туземнаго происхожденія, а заимствовано изъ сирійскаго. Достойно вниманія то, что «kaǵak» въ армянскомъ удержало свое первоначальное значеніе ограды, такъ, напр., у Фауста Византійскаго имѣется такая фраза о звѣринцѣ-паркѣ царя Хосроя:

«զամենայն երէս եւ զգազանս հրամայեաց ժողովել Թագաւորն եւ լնուլ քաղաքորմն, զի լիցին նոցա տեղիք որսոց»... (*փաւստ.* III, *ը*).

«царь приказалъ собрать звѣрей всякой породы и сдѣлать стѣну-ограду (*քաղաք*), чтобы эти мѣста были бы мѣстами для охотъ».

Несомнѣнно, въ данной фразѣ «ка́га́к» не можетъ обозначать «города», такъ какъ рѣчь идетъ о звѣринцѣ-паркѣ и единственное, что подходитъ по смыслу, это ограда *).

Что представляли изъ себя города въ древней Арменіи, чѣмъ они отличались отъ деревень, какое устройство имѣли они, сказать трудно, за скудостью данныхъ. Есть только одно интересное мѣсто у Елисея, на основаніи котораго можно заключить, что каждый городъ былъ, какъ бы центральнымъ пунктомъ, къ которому тяготѣли окружныя деревни, онѣ даже и разсматривались, какъ села, принадлежащія городу. На чѣмъ основывалось, изъ чего вытекало это тяготѣніе деревень къ городу, было ли это вслѣдствіе экономическихъ причинъ, тяготѣнія къ рыночному мѣсту, или административныхъ, сказать съ увѣренностью пока что-либо опредѣленное рисковано: можно склоняться только скорѣе ко второй причинѣ; это было вѣроятно тяготѣніе окружныхъ деревень къ крѣпости, которая находилась всегда въ городахъ и въ которой спасались во время войны и жители опредѣленныхъ ближайшихъ деревень: въ этомъ отношеніи вся страна дѣлилась на маленькія оборонительныя единицы съ крѣпостями.

«Յայն ժամանակի դարձեալ յարձակեցան 'ի բերդիցն եւ աւանացն, զոր ունէին Պարսիկք 'ի տեղիս տեղիս յամրոցս աշխարհին... Առաջին զմեծ Արտաշատ հանդերձ աւանօք իւրովք եւ առնուին զանմատոյց ամուրսն։ զԳառնի քաղաք, զԱնի, զԱրտագերս եւ զաւանս իւրեանց զԵրկայնորդսն եւ զԱրհնին եւ զաւանս իւրեանց, զԲարձրաքուղն, զԽորանիստ, զԾխանիստ, զԱնկասկածելի, զՈղականն եւ ընդ նոսա եւ զաւանս իւրեանց, զԱրփանեալն, զՎաննաան ընդ նմին եւ զաւանն իւր, զԳռեալն, եւ զԿապոյտն, զՈրոտն եւ զՎասակաշատն զամենեսին զայս իւրաքանչիւր գեղիւք եւ ագարակօք»... (стр. 64).

«Въ это время, говорится у Елисея, вновь направились *на крѣпости и деревни*, которыми владѣли Персы *въ различныхъ мѣстахъ, на укрѣпленіе* страны этой... Прежде всего Великій Арташатъ *съ деревнями своими* и *взяли* неприступныя *крѣпости*: *Гарни городъ*, Ани, Артагеръ и *села ихъ*, Бардзрабухъ, Хораристъ, Цханистъ, Анкаскацели Вогаканъ *и съ ними села ихъ*, Арпаніалъ, село Ваннъ и *съ ними села его*, Гріалъ и Капуйтъ, Воротнъ и Васакашатъ *всѣ эти со своими деревнями и* агараками».

*) Это значеніе слова установлено впервые проф. Н. Марромъ.

Тутъ достойно вниманія то, что всѣ эти мѣста названы *крѣпостями*, между тѣмъ при перечисленіи видно, что эти пункты были въ тоже время и городами, какъ, напримѣръ, *Гарникаіакъ*, Ани, и другіе, къ нимъ то, какъ «укрѣпленіямъ страны» относятся и тяготѣютъ эти села.

Еще во времена Ксенофонта была замѣтна подобная концентрація, тяготѣніе деревень къ одному главному пункту. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, что кругомъ того мѣста, гдѣ находилась резиденція сатрапа персидскаго правительства, было много богатыхъ деревень (Xenophon. Anab. 4,7); трудно рѣшить, вызывалось ли въ данномъ случаѣ тяготѣніе экономическими причинами или тѣми же, какими въ вышеприведенномъ случаѣ: описаніе и свѣдѣніе чрезмѣрно краткое, чтобы можно было судить съ увѣренностью. Во всякомъ случаѣ это тяготѣніе должно быть не безъ вліянія экономическихъ причинъ.

Судить о городахъ, ихъ отличіи отъ деревень, какъ было указано выше, весьма трудно потому, что историческія произведенія не даютъ опредѣленныхъ свѣдѣній о нихъ. Очень часто даже не извѣстно, городъ ли тотъ или другой пунктъ или селеніе: одинъ историкъ называетъ городомъ, даже большимъ или великимъ городомъ, другой тоже самое именуетъ деревней, а то и просто крѣпостью. Есть случаи, когда одинъ и тотъ же авторъ въ двухъ мѣстахъ даетъ различныя опредѣленія; напр., Фаустъ Византійскій на 113 стр. (IV, մգ) своего сочиненія Аршакаванъ Արշակաւան называетъ городомъ, на 110 стр. (IV, մբ) прилагаетъ къ нему эпитетъ աւան, а 115 стр. (IV, մգ) уже գեւղաքաղաք. Что же представлялъ изъ себя на самомъ дѣлѣ Аршакаванъ? Тоже самое нужно сказать относительно Զարեհաւան Зареһана, который у Фауста на 179, 181 и 239 стр. (IV, ծե) названъ городомъ քաղաք, а у Лазаря П. селомъ գեւղ (գլ. լբ. стр. 63). Въ то время, какъ Нахичевань Նախճաւան по Лазарю П. (գլ. կե, стр. 121) представлялъ изъ себя деревню գեւղ, по Фаусту онъ былъ городомъ (стр. 178, IV, ծե) и т. д.

Достойно вниманія, что большая часть названій армянскихъ городовъ представляютъ изъ себя composita, по образцу персидскихъ названій и съ суфиксами, употребляющимися въ древнеперсидскомъ для названій городовъ: второй частью собственныхъ именъ городовъ бываютъ или «*керт*» կերտ или «*шат*» շատ, или «*аван*» աւան или же еще «*апат*» ապատ, напр.: Тигранакертъ, Адамакертъ, Ерованийдакертъ, Наракертъ, Տիգրանակերտ (Փաւստ. IV, իդ стр. 146, V, իէ,

стр. 227), Հաղամակերտ (Պ. Փար. գլ. դ, стр. 5) Երանդակերտ, Հնաբակերտ и т. д.; керт, կերտ, какъ извѣстно, пехлевійское слово kert, обозначающее сдѣланный (Hübschman, Arm. Gram. I, 168), поэтому composita съ этимъ суффиксомъ могутъ по смыслу обозначать не только городъ; такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: извѣстно, напр., селеніе գեւղ Մանաւազակերտ (Փաւ. V, բ, стр. 271), селеніе Манавазакертъ, գեւղ Վարազկերտ (Պ. Փար. գլ. կը. стр. 122) сел. Варазкертъ и т. д. Названіе городовъ съ «шат»: великій городъ Арташатъ, великій городъ Еровандашатъ, մեծ քաղաք Արտաշատ (Փաւ. III, ը, ժը, IV, ծե, стр. 18, 30, 176, 177), մեծ քաղաք Երուանդաշատ (Փաւ. IV, ծե, стр. 177) и др. շատ = phl. šat радость, увеселеніе (Hübschman Arm. Gram. I, 211).

Города съ «аван»: Аршак*аванъ*, Зареh*аванъ*, Нахч*аванъ* и др. Արշակաւան (Փաւ. IV, ժզ, стр. 113); Զարեհաւան (Փաւ. IV, ծե, стр. 177) Նախճաւան (Փաւ. IV, ծե, стр. 178); «аван» աւան=дрв. перс. avahana, Slecken oder Dorf (Hübschman, Arm. Gram. I, 112); быть можетъ, поэтому всѣ три пункта, упомянутые Фаустомъ въ качествѣ городовъ, имъ же самимъ и другимъ историкомъ и называются селами.

Города съ «апат»: Вагаршапатъ Վաղարշապատ (Փաւս. III, է, стр. 17; IV, ծե, стр. 177).

Итакъ, обозначенія городовъ, какъ по своему общему имени քաղաք, такъ и по названіямъ отражаютъ въ себѣ чужеземное вліяніе, именно сирійско-древнеперсидское.

Деревня по армянски называлась «геґ» и «аван» գեւղ и աւան. Послѣднее слово, какъ извѣстно, персидскаго происхожденія и обозначаетъ селеніе, деревню, первое настоящее армянское. Есть ли между нимъ какая либо разница? Имѣется много случаевъ, когда названія села «гёґ» գեւղ представляютъ изъ себя composita, вторая часть которыхъ աւան какъ, напр., գեւղ деревня Багаванъ, Нахичеванъ Բագաւան, (Պ. Փար. գլ. հզ, стр. 139), Նախճաւան (ib. գլ. կէ, стр. 121) такъ что тутъ какъ будто գեւղ и աւան равнозначущія величины, хотя могло случиться, что мѣстечко, бывшее прежде աւան'омъ, стало позднѣе գեւղ; произошло своего рода возвышеніе его, или паденіе; но для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо знать реальный смыслъ обоихъ названій.

Что такое գեւղաքաղաք? смыслъ такого compositum, гдѣ село стоитъ въ соединеніи съ городомъ, можетъ быть понятъ такъ: если предположить, что вторая часть слова «ќаґаќ» քաղաք имѣетъ еще

свое первоначальное значенiе ограды, то тогда «гёґакаґак»'ами могли называться въ отличiе отъ обыкновенныхъ селъ такiя, которыя были снабжены оградами, укрѣпленiями; это были въ позднѣйшее время укрѣпленные поселки, недостигшiе и неимѣвшiе еще всѣхъ характерныхъ особенностей города; быть можетъ «гёґакаґак»и «гёґ» գեւղաքաղաք и գեւղ вѣрнѣе всего рисуютъ намъ первоначальное состоянiе разницы между городами и селенiями: первые отличались отъ вторыхъ только тѣмъ, что имѣли «каґак» քաղաք ограду, укрѣпленiе; постепенно съ возвышенiемъ «гёґакаґак»овъ գեւղաքաղաք и прiобрѣтенiемъ самостоятельнаго значенiя, отпадаетъ первая часть compositum գեւղ и остается одно названiе քաղաք городъ.

Что подъ «агарак»омъ ագարակ подразумѣвалось, какая именно реальная величина, намъ не удалось выяснить.

Բերդ и ամուր «берд» и «амур» употребляются для обозначенiя крѣпости, но памятники не даютъ никакихъ свѣдѣнiй объ ихъ организацiи и положенiй; извѣстно только что крѣпости имѣлись у каждаго изъ правителей танутеровъ, но объ этомъ говорится въ главѣ объ населенiи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Населеніе.

Въ первой главѣ было указано, что основной единицей, какъ территоріальнаго дѣленія, такъ и соціальнаго былъ домъ «тун». Само названіе не даетъ никакихъ данныхъ для выясненія внутренняго содержанія этой единицы: представлялъ-ли «тун» моногамную семью или родъ. Въ этомъ отношеніи дѣлу не помогаютъ и классическіе писатели, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній по этому вопросу. Вслѣдствіе такого положенія приходится довольствоваться косвенными доводами и соображеніями. Несомнѣнно, въ ту эпоху, когда благодаря памятникамъ письменности становится возможнымъ изучать соціальную жизни Арменіи, такъ называемая малая семья уже существовала, но даже въ это время рѣшающей силой, основнымъ факторомъ является только родъ: вся — армянская исторія этого періода проходитъ передъ глазами изслѣдователя *въ борьбѣ между родами*, затѣмъ родовая, а не личная отвѣтственность, родовая кровная месть, все это указываетъ на родъ, какъ на основу соціальнаго строя древней Арменіи.

Болѣе опредѣленное значеніе, чѣмъ «тунъ» имѣютъ термины «tohм» и «азг» *տոհմ* и *ազգ*. Что значитъ какъ одно, такъ и другое? «Tohм» *տոհմ* является въ армянскомъ заимствованнымъ словомъ изъ древнеперсидскаго phl. tuhm, tohm, означающемъ семью, родъ; слово же «азг» *ազգ* настоящее армянское и имѣетъ также смыслъ рода. Поэтому случается очень часто, что эти два слова замѣняютъ другъ друга и употребляются одинъ вмѣсто другого: такъ, напр., Лазарь П. на 45 стр. своей исторіи Арцруни называетъ «*азг* Артцруняц» *ազգ Արծրունեաց*: а нѣсколько ниже (*գլ. իե*, стр. 47), уже «*тohм* Арт-

црунянц» *տոհմ Արծրունեաց*: на 47 стр. у того же автора Хорхоруни называется «toһм» *տոհմ*, а на 72 «азг» *ազգ*; очевидно оба слова имѣли одно и тоже значенie и могли безразлично употребляться; у Фауста сказано:

Հարկանէր վանէր ազգսն երկոսեան եւ ոչ Թողոյր զերկոցունց տոհմացն զործկորիւն եւ ոչ մի» (III, *դ*, стр. 9).

«совершенно истребилъ *оба рода* (азг) и не оставилъ изъ *обоихъ родовъ* (toһм) ни одного младенца мужескаго пола».

Родъ есть высшее дѣленie, которое извѣстно древней Арменiи; это, такъ сказать, базисъ и исходный пунктъ также и для зародившейся государственной жизни. Древне-армянской литературѣ, ея историческимъ памятникамъ неизвѣстно общее названie, подъ которое подходили всѣ жители, все населенie страны, нѣтъ слова равнаго по значенiю слову «народъ»; если историкъ хотѣлъ сказать обо всѣхъ своихъ соотечественникахъ, обо всемъ народѣ, то онъ бывалъ принужденъ употреблять или описательныя выраженiя вродѣ вышеупомянутаго «плачъ нашъ... объ *родахъ* и странахъ (Арменiи)», или же онъ пересчитывалъ всѣ сословiя и чины и тѣмъ давалъ понять, что рѣчь идетъ обо всемъ населенiи, напримѣръ,

«ժողով լինէր նախարարացն եւ իշխանացն գործակալաց եւ զօրագլուխք, պետք եւ ամենայն աշխարհաժողովք» (*Փաւ.* III, *ի*, стр. 54).

«было собранie нахараровъ, властителей, служилыхъ, военачальниковъ, главъ и всего вѣча страны».

«եկին առ մեծ եպիսկոպոսապետն Հայոց Ներսէսի մեծամեծք նախարարք, կաւսակալք, կողմնակալք, գաւառատեարք, գործակալք եւ դաստապետք շինականաց» (*Փաւ.* IV, *ծա*, стр. 165).

«прибыли къ великому архiепископу армянъ Нерсесу: великie нахарары, краеначальники, начальники провинцiй, правители областей, служилые и главы поселянъ».

Это обстоятельство чрезвычайно характерное и знаменательное явленie, оно какъ нельзя лучше характеризуетъ состоянie общества; первое выраженie показываетъ насколько сильно весь соцiальный строй въ древней Арменiи былъ проникнутъ родовымъ началомъ, въ чемъ мы убѣдимся немного ниже, послѣднiя два случая иллюстриру-

ютъ намъ рельефно сословную основу позднѣйшей государственной жизни: въ Арменіи были только отдѣльныя соціальныя группы, связь между которыми была еще очень слаба, она иногда даже мало чувствовалась.

* * *

Мы очень мало знаемъ, какова была жизнь при родовомъ строѣ, источники по обыкновенію проходятъ молчаніемъ такіе вопросы, но и то немногое, что случайно сохранилось у историковъ, рисуетъ намъ характерныя картины. Нескончаемая борьба родовъ другъ съ другомъ съ ожесточеніемъ и неудержимой страстью къ мести, непрекращавшаяся часто и при вмѣшательствѣ духовныхъ властей и царя, была обычнымъ явленіемъ. Добавьте къ этому то, что во время такой борьбы не было пощады никому изъ членовъ, что каждый былъ отвѣтственъ за проступки и грѣхи своего сородича; нѣсколько мѣстъ изъ Фауста, которыя мы приведемъ ниже, лучше всего иллюстрируютъ эти темныя стороны родовой жизни древнѣйшей эпохи:

«պղտորէին զմեծ աշխարհն հայոց իշխանն Մանաւազեան տոհմին եւ միւս նահապետ Որդունւոց տոհմին: Կռուեցան ընդ միմեանս մեծաւ պատերազմաւ եւ բազում մարդկան լինէր ծախումն կոտորածոյ».,. (*Փաւստ.*, III, *դ*, стр. 9).

«ишханъ рода Манавазяновъ и еще также наһапетъ рода Вордунійцевъ мутили великую землю армянъ, боролись, сражаясь другъ съ другомъ, и много людей погибло убитыми».

Послѣ неоднократныхъ, но совершенно безрезультатныхъ попытокъ своимъ вмѣшательствомъ и посредничествомъ положить конецъ распрѣ и примирить враждующихъ,

«Մեծ ցասմամբք եւ բազում սրտմտութեամբ արձակեաց թագաւորն ի վերայ նոցա զՎաչէ որդի Արտաւազդայ, զնահապետ Մամիկոնեան տոհմին յազգէ սպարապետութեան հայոց... սատակել կորուսանել զազգն երկոսեան: Ապա երթեալ հասանէր ՚ի վերայ նոցա զօրավարն Վաչէ, հարկանէր, վանէր զազգսն երկոսեան եւ

«въ великомъ гнѣвѣ и большомъ негодованіи послалъ царь на нихъ Вачэ сына Артавазда, наһапета рода Мамиконьяновъ изъ рода главнокомандующихъ армянъ... [съ повелѣніемъ] *погубить, истребить оба [враждующихъ] рода*; отправившись, полководецъ Вачэ захватилъ ихъ и *совершенно истребилъ [членовъ]*

ոչ թողոյր զերկոցունց տոհմացն զորձ կորիւն եւ ոչ զմի...» (ibid. III, *դ*, стр. 9).

обоихъ родовъ и не оставилъ изъ обоихъ родовъ ни одного младенца мужескаго пола».

Царскій гнѣвъ и пылъ былъ не умѣреннѣе, чѣмъ этихъ двухъ заклятыхъ враждующихъ родовъ; и у царя и у подданныхъ чувства проявлялись въ очень бурной формѣ; изъ этого эпизода особенно *знаменательно* и *достойно вниманія* то, *что за двухъ своихъ сочленовъ должны были поплатиться жизнью всѣ ихъ сородичи* съ обѣихъ сторонъ; очевидно, по тогдашнимъ понятіямъ они были отвѣтственны за проступки своихъ необузданныхъ родственниковъ. Такой же способъ суда былъ примѣненъ къ Датабену; онъ измѣнилъ армянскому царю и перешелъ на сторону персовъ

...«Ձերբակալ արարեալ զԴատաբէնն Վաչէ սպարապետն եւ քաջ Վահան ամատունի, ածէին զնա առաջի մեծի թագաւորին Խոսրովու եւ քարկոծ առնէին զնա քարամբք իբրեւ զայր, որ աշխարհի եւ գնդի եւ զօրաց տեառն իւրոյ դաւաճան լեալ իցէ, եւ զազգ նորա եւ զկին եւ զորդիս գտանէր յամրոցի անդ աշխարհին Ռշտունեաց յանուանեալն յԱղթամբ կղզւոջ... անցեալ'ի կղզին առ հասարակ ոչ զէգ թողոյր եւ ոչ զարու; եւ այսպէս բարձաւ ազգատոհմ նախարարաթեան այնորիկ» (Փաւ. III, *ը*, стр. 20).

«связавъ Датабена, военачальникъ Вачэ и храбрый Ваһанъ Аматуни привели его къ великому царю Хосрою и побили его камнями, какъ человѣка, который строилъ козни противъ страны, отряда и войскъ своего господина; онъ [т. е. Вачэ] весь родъ его и жену и сыновей нашелъ въ укрѣпленіи страны Руштунійцевъ, въ называемомъ островѣ Агтамбъ... переправившись на островъ, онъ *не оставилъ вообще ни мужскаго потомства ни женскаго; такимъ образомъ исчезъ этотъ нахарарскій родъ».*

Такъ дорого обошлась измѣна Датабена всему *несчастному его роду; невинные съ виновными понесли одну и ту же кару* за то только, что имѣли несчастіе быть сородичами измѣнника.

Также сурово и безжалостно былъ истребленъ родъ Агдзнійцевъ потому, что Бакуръ бдешхъ ихъ въ борьбѣ съ царемъ призвалъ къ себѣ на помощь персіянъ, явленіе нерѣдко встрѣчавшееся въ древней Арменіи.

«առաքէր Թագաւորն Հայոց զբարեկիր զծառայս իւր... եւ սպանին զբդեաշխն, եղբարբք եւ որդւովք իւրովք հանդերձ. բայց զաղջիկ մի դուստր նորածին եւ զգլուխն Բակուր բդեշխին բերին առ արքայ։ եւ... այլ որ ոք ոչ էր մնացեալ յազգէն» (Փաւ. III, Թ, стр. 21).

«армянскій царь послалъ хорошихъ рабовъ своихъ... и *они убили бдэшха съ братьями и сыновьями своими*. Но одну дѣвочку, новорожденную дочь и голову бдэшха Бакура принесли къ царю и... *никого больше не осталось въ живыхъ изъ этого рода*».

Такая отвѣтственность всѣхъ членовъ рода за дѣйствія одного изъ нихъ можетъ быть понятна только тогда, если мы представимъ себѣ родовой строй, когда единицей являлись цѣлые роды, а не отдѣльныя личности, когда слѣдовательно и дѣйствія, направленныя противъ одного изъ членовъ любого рода являлись враждебнымъ шагомъ по отношенію ко всему роду въ цѣлости. Однимъ словомъ *родовые принципы и кровная родовая месть лежали въ основаніи всѣхъ дѣйствій, описанныхъ выше Фаустомъ.* Сами происшествія могутъ быть и недостовѣрны, но тутъ *важно уже и то, что историкъ при измышленіи не могъ себѣ представить отвѣтственности за дѣйствія одного члена рода иначе, какъ онъ нарисовалъ читателямъ:* это показываетъ его правовыя понятія и міросозерцаніе.

* * *

Переходя къ изученію внутренней жизни родовъ, необходимо выяснить взаимоотношеніе всѣхъ членовъ одного рода другъ къ другу и тѣ условія и способы, которыми достигалась возможность единой родовой жизни и хозяйства. Первый вопросъ, который приходится ставить, касается управленія родомъ и родовымъ имуществомъ. Кто завѣдывалъ всѣми дѣлами и въ какомъ отношеніи находилось такое лицо къ остальнымъ членамъ своего рода? второй вопросъ касается той стороны дѣла, на чемъ основывалась власть лица, заправлявшаго дѣлами рода?

Органомъ управленія при родовомъ строѣ былъ *танутеръ* տանուտէր, лицо, въ вѣдѣніи котораго было все, что касалось общихъ всѣмъ членамъ рода дѣлъ; объ роли, какую играли всѣ остальные члены рода при разрѣшеніи дѣлъ, намъ почти ничего не извѣстно; мы не знаемъ, было ли для танутеровъ обязательно при

какомъ либо предпріятіи мнѣніе остальныхъ сородичей; есть нѣсколько случаевъ, когда танутеръ совѣтуется съ членами своего рода, но рѣшить на основаніи этихъ данныхъ вопросъ было-ли это для него необходимо и существовало ли въ обращеніи общее родовое собраніе, контролирующее и направляющее дѣйствіе танутеровъ, невозможно.

Танутеромъ бывалъ старшій членъ въ родѣ и сообразно съ этимъ должна была переходить эта должность по смерти одного къ другому. Этимъ принципомъ старшинства дѣйствовавшимъ при замѣщеніи вакантной должности танутера, исключалась, конечно, возможность существованія выборнаго начала и вліяніе остальныхъ членовъ очевидно должно было быть въ этомъ вопросѣ при нормальномъ теченіи дѣлъ ничтожно; тутъ властвовали слѣдовательно обычай и старина; кто именно былъ самымъ старшимъ въ родѣ всѣмъ бывало, конечно, хорошо извѣстно и едва ли этотъ вопросъ могъ вызывать существенные споры, кто по смерти одного танутера, слѣдовательно, долженъ былъ вступить въ исполненіе его обязанностей, было какъ бы заранѣе опредѣлено.

Но есть вдно мѣсто у Фауста, которое легко можетъ быть понято неправильно; оно нуждается въ разсмотрѣніи и комментированіи: при первомъ взглядѣ это мѣсто, какъ бы указываетъ на то, будто танутерство было введено впервые армянскими царями съ цѣлью подчиненія себѣ нахарарскихъ родовъ, но это первое впечатлѣніе не основательно и остальныя мѣста у того же историка уясняютъ, что именно хотѣлъ сказать авторъ въ данномъ мѣстѣ. Возмемъ вышеупомянутый отрывокъ и разсмотримъ его:

..«կացոյց արքայն զՎարդան զերէց եղբայրն ի նահապետութեանն ազգին իւրեանց եւ զՎասակ զմիջին եղբայրն զիւր դայեակն ի սպարապետութիւնն զօրավարութեան յիրս պատերազմացն. սոյնպէս եւ զկրտսերն ի պէտս զօրացն կացուցանէր։ Սոյնպէս եւ զամենայն ազգսն զօրացն մեծամեծացն նահապետացն, որպէս առաջին թագաւորքն նուաճեալք

«*Царь назначилъ Вардана*, старшаго брата *наhапетомъ рода ихъ*, а Васака, средняго брата, своего воспитателя, спарапетомъ *для предводительствованія въ военныхъ дѣлахъ*, такимъ же образомъ назначилъ младшаго для военныхъ нуждъ (или начальникомъ войскъ). Такъ же [организовалъ] всѣ роды *вельможныхъ* войскъ *наhапетовъ*, по-

յիւրաքանչիւր չափու» (*Փաւ.* IV, *բ*, стр. 67).

добно первымъ царямъ, [имѣвшихъ] подчиненными себѣ каждый [въ своей] мѣрѣ».

Изъ этого мѣста можно заключить, будто армянскіе цари для подчиненія себѣ родовъ назначили танутеровъ и наһапетовъ, какъ это случилось и при Вардан; танутерство однако создано не армянскими царями, оно было раньше чѣмъ сами цари появились; имъ принадлежитъ только одна мѣра, а именно вмѣшательство въ родовые порядки и узурпація права назначать или утверждать танутеровъ; послѣднее, конечно, предшествовало первому, оно представляло переходную степень къ полному присвоенію царемъ права назначать по своему усмотрѣнію любого члена рода; въ этомъ заключалась политика царей, они достигали этой мѣрой подчиненія часто непокорныхъ и самостоятельныхъ родовъ. Обратимъ вниманіе на то, что собственно сдѣлалъ царь при Вардан: онъ *старшаго брата* назначаетъ танутеромъ (=наһапетомъ), *второго брата спарапетомъ, такому же принципу и порядку* въ замѣщеніи родовыхъ должностей *слѣдуетъ* царь и *при назначеніи во всѣхъ другихъ родахъ;* очевидно, онъ слѣдовалъ при этомъ чему то вполнѣ опредѣленному и установленному изстари: трудно допустить, чтобы вѣрными ему оказывались во всѣхъ родахъ *именно* старшіе члены; старшинство тутъ правовый порядокъ, освященный и установленный обычаемъ; царь только утверждаетъ ихъ, онъ долженъ былъ довольствоваться и этимъ; собственно, уже это было много и важно, остальные шаги на пути подчиненія, сдѣлать было гораздо легче, такъ какъ въ самомъ фактѣ утвержденія танутеровъ царемъ давалась возможность постепенно вмѣшиваться въ установленный порядокъ и нарушать его въ удобные моменты. Нѣсколько другихъ случаевъ еще больше убѣждаютъ насъ въ исконности принципа старшинства при занятіи должности танутера.

Армянскій царь Вараздатъ назначилъ танутеромъ рода Мамиконьяновъ Вачэ, изъ того же рода (*Փաւստոս*, V, *լէ*, стр. 245), но вотъ

...*«Իբրեւ եկն եհաս յերկիրն Հայոց Մանուէլ եղբարբն իւրով Կոմսիւ հանդերձ, իբրեւ ետես զնա Վաչէն, որ յառաջ էր լեալ նահապետ, մինչեւ եկեալ էր՚ի նա եւ ցնա զպատիւ իշխանութեանն,*

«когда Мануэль вмѣстѣ съ братомъ своимъ Комисомъ прибыли въ землю Армянскую, и Вачэ увидѣлъ его (Мануэля), то хотя Вачэ и былъ назначенъ наһапетомъ раньше, чѣмъ Мануэль прибылъ

զոր առեալ էր 'ի Թագաւորէն... քանզի նա էր երէց յազգին եւ Մանուէլն ունէր զնահապետու-թեան ազգին տանուտէրութեան պատուին եւ Վաչէ լինէր երկրորդ (ibid. V, *լէ*, стр. 246).

къ нему, *передалъ ему должность и власть*, которую онъ имѣлъ отъ царя, *такъ какъ онъ былъ старшимъ въ родѣ*,—и *Мануэль принялъ* (соб. имѣлъ) наhапетство рода, *должность танутера*, *а Ваче сталъ вторымъ [лицомъ въ родѣ]*».

Итакъ, достаточно было только появиться старшему брату, какъ его второй братъ, назначенный царемъ танутеромъ, долженъ былъ уступить ему занимаемую должность; *старшинство имѣло болѣе рѣшающее значенiе, чѣмъ утвержденiе царя*. Очевидно, поступая такъ, самъ Ваче былъ убѣжденъ, что тоже сдѣлалъ бы царь, если бы старшiй его братъ не былъ бы въ плѣну у персiянъ, т. е. что царь назначилъ бы танутеромъ его брата Мануэла *по его праву старшинства*, таковъ былъ обычный порядокъ «*карг*» «*կարգ*», передъ которымъ должны были преклоняться не только отдѣльные члены рода, но и самъ царь. *Старшинство видимо считалось по всѣмъ членамъ рода*, а не по одному семейству; *былъ живъ дядя, онъ долженъ былъ по праву старшинства занять должность танутера*, и если кто либо такимъ или инымъ путемъ обходилъ это и нарушалъ про того говорили, что онъ занимаетъ танутерство *не по порядку* «*ոչ ըստ կարգի*», как это было сказано про Васака

...«ոչ ըստ կարգի ունէր նա զտէրութիւնն Սիւնեաց աշխար-հին, այլ նենգութեամբ եւ քսու-թեամբ ետ սպանանել զհօրեղ-բայր իւր զՎաղինակ եւ յինքն տա-րաւ զտէրութիւնն իբրեւ քրտի-կեար յարքունիս» (*եղիշէ*. 125).

«*не согласно порядку* имѣлъ онъ должность *танутера* страны Сюнiи, но злокозненно и *доносами заставилъ убить дядю своего* Вагинака и *взялъ себѣ*, какъ всемогущiй, *власть [тану]терскую* изъ царскаго дворца».

* * *

Принципъ старшинства при замѣщенiи вакантнаго мѣста былъ видимо и въ Арменiи всеобщимъ; въ этомъ легко убѣдиться, если проанализировать одно весьма интересное преданiе, такъ счастливо попавшее въ произведенiе Моисея Хоренскаго; у историка говорится, что

...«յետ հօրն վախճանելոյ, կամ եղեւ Արտաշիսի ազգաւ 'ի վերայ եղբարցն թագաւորել. զոր յանձն առեալ եղբարցն, ոչ առաւել ողոքական բանիւք եւս պատրողօք, քան թէ սաստիւ նուաճեալ նորա։ Եւ Աբգարու պայման ուխտի եւ դաշինս 'ի միջի հաստատեալ։ թագաւորել Արտաշիսի ծննդովք իւրովք։ իսկ եթէ հատցին զաւակք նորա, եղբարցն մատչել 'ի թագաւորութիւն ըստ կարգի աւագութեան». (II, ԿԲ).

«послѣ смерти своего отца, *Арташесъ захотѣлъ самъ потомственно царствовать* надъ братьями, на что *братья согласились, вынужденные на это болѣе угрозой*, чѣмъ убѣдительными и обманчивыми рѣчами; и Абгаръ заключилъ съ нимъ *условія согласія и договора* о томъ, что *Арашесу* [должно] царствовать со *своими потомками*, но если его потомство пресѣчется, то *царская власть должна переходить* къ братьямъ *по порядку старшинства*».

Обратимъ вниманіе, что даетъ намъ данный отрывокъ для выясненія порядка царскаго престолонаслѣдованія до и послѣ договора между Арташесомъ и его братьями. Условія договора вполнѣ опредѣленно устанавливаютъ прямое престолонаслѣдованіе въ потомствѣ Арташеса; *разъ для этого нужно было заключать спеціальныя условія съ братьями, то, очевидно, до этого времени долженъ былъ существовать совершенно противоположный порядокъ*, а именно тотъ, конечно, который вступалъ въ свои права съ момента прекращенія потомства царя Арташеса, то есть, *наслѣдованіе царскаго достоинства по порядку старшинства въ родѣ*, а не въ одномъ семействѣ; характерно при этомъ сообщеніе о томъ, что *братья отказались* отъ прежняго порядка престолонаслѣдованія *только будучи вынужденными угрозами и насиліемъ.* Выше было установлено, что по старшинству замѣщались вакантныя мѣста танутеровъ: теперь выяснилось, что *тотъ же самый порядокъ былъ принятъ и въ царскомъ родѣ,* слѣдовательно *принципы*, *какъ въ обыкновенныхъ*, *такъ царскомъ родахъ властвовали одинаковые.* Таковы выводы, которые можно извлечь изъ приведеннаго у Моисея Хоренскаго сообщенія; конечно, оно есть ничто иное какъ преданіе, въ которомъ кристализировался продолжительный, вѣковой процессъ перехода порядка престолонаслѣдованія отъ древнихъ формъ родового быта съ принципомъ замѣщенія по старшинству къ принципу наслѣдованія по прямой линіи.

Достойно вниманія, что тотъ же самый Хоренскій, который приводитъ вышеуказанное свѣдѣніе, излагая родословную армянскихъ царей, подобно всѣмъ остальнымъ историкамъ, утверждаетъ, будто всегда на царскомъ престолѣ сынъ наслѣдуетъ отцу, т. е. по принципу прямого престолонаслѣдованія: такъ, напр., по Фаусту Византійскому Традатъ былъ *сыномъ* Хосроя (III, բ), Традату наслѣдовалъ *его сынъ* Хосрой Котакъ (младшій) (III, գ), а ему *сынъ* его Тиранъ (III, ժբ), затѣмъ Аршакъ *сынъ* Тирана (IV, ա); по Хоренскому, напр., Арташесъ наслѣдуетъ своему *отцу* Аршаку (II, ժա), — Арташесу наслѣдовалъ *сынъ* его Тигранъ (II, ժգ), послѣ него на армянскомъ престолѣ сидѣлъ *сынъ* его Атаваздъ (II, իբ), который былъ взятъ въ плѣнъ (II, իգ) и т. д. Однимъ словомъ армянскіе историки, въ числѣ нихъ и Моисей Хоренскій, ведутъ царскую генеологическую таблицу по прямой линіи, хотя Хоренскій самъ приводитъ у себя такое преданіе, которое ясно противорѣчитъ этому; очевидно армянскіе авторы впадаютъ въ заблужденія, перенося позднѣйшіе порядки и шаблонную схему въ начальный періодъ государственной жизни своей страны.

Мы видѣли, что принципы старшинства въ родѣ при замѣщеніи вакантной должности танутера устанавливается вполнѣ опредѣленно; въ первой части даннаго изслѣдованія было выяснено, что тоже самое было, какъ это видно изъ описанія Страбона, и при назначеніи мамасахлисовъ въ Грузіи. Съ другой стороны и вышеприведенное извѣстіе Фауста Византійскаго, по которому вторые по старшинству послѣ танутеровъ были назначаемы для предводительствованія на войнѣ, находитъ въ себѣ прекрасную аналогію въ томъ принципѣ раздѣленія обязанностей въ Грузіи, по которому второе лицо послѣ царя — мамасахлиса отправляло функціи главнокомандующаго всего грузинскаго войска. Это сходство и единство принципа соціальнаго строя и изучаемаго института указываетъ на исконное существованіе даннаго обычая назначать второго по старшинству члена рода начальникомъ войска и убѣждаетъ насъ, что вышеупомянутый армянскій царь, какъ это мы и предполагали, ничего новаго въ государственный строй своей страны не вносилъ, а поступалъ по старинѣ.

Невольно напрашивается сравненіе положенія царской власти въ Грузіи и Арменіи: въ Арменіи, какъ это было установлено на основаніи анализа одного преданія, въ вопросѣ объ царскомъ престолонаслѣдованіи въ древности дѣйствовалъ принципъ старшинства; въ первой части этой книги было выяснено, что, еще въ I вѣкѣ нашей эры,

согласно описанію современника географа Страбона, въ царскомъ родѣ для замѣщенія вакантнаго престола была принята именно система старшинства; аналогія такимъ образомъ получается ясная; разница заключается только въ томъ, что армянскіе памятники не указываютъ на то, чтобы ихъ цари когда либо носили тоже названіе «танутеровъ», которое употреблялось для главъ родовъ, подобно тому какъ это было въ Грузіи. Трудно сказать, объясняется ли это отсутствіе тѣмъ фактомъ, что армянскіе историки объ древнемъ строѣ своей родины не имѣютъ вообще реальнаго представленія, или это указываетъ, что подобной общности наименованій армянская старина не знала. Можно склонятся скорѣе къ положительному отвѣту, чѣмъ къ отрицательному, такъ какъ и въ Арменіи, подобно тому, какъ это было въ Грузіи, старшины деревень назывались тѣмъ же терминомъ, какимъ и правители области и главы родовъ, а именно танутерами (см. Ստեփան. Օրբ. գլ. խբ., грамоту объ границахъ сюнейск.); это единство терминологіи, происходящей изъ эпохи родового строя, даетъ основаніе предполагать, что и въ Арменіи цари могли называться танутерами.

Необходимо однако указать, что въ то время какъ по отношенію къ Грузіи совершенно точно устанавливается эпоха, когда принципъ старшинства какъ въ царскомъ, такъ и въ обыкновенныхъ родахъ былъ еще въ полной силѣ, по отношенію къ Арменіи установить это точно и вполнѣ достовѣрно нѣтъ возможности.

Армянскій царь, какъ передаетъ Діонъ Кассій, носилъ бѣлый хитонъ, пурпуровую мантію, тіару и повязку. По мѣстному обычаю онъ верхомъ въѣзжалъ въ укрѣпленія (Ρωμαική ίστορία, XXXVI, 52).

* * *

Послѣ установленія принципа старшинства для полученія танутерскаго достоинства и принципа порученія военнаго дѣла, командованія войскомъ другому лицу, а не танутеру, необходимо выяснить вопросъ объ основѣ власти танутера. Нужно установить, какъ въ этомъ отношеніи обстояло дѣло въ эпоху, описываемую армянскими историками; иными словами, должно быть такъ или иначе опредѣлено, какъ понимали нѣкоторыя касающіяся тенутеровъ или теровъ выраженія, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ Фауста Византійскаго, Лазаря Парпскаго и Елисея.

На 45 страницѣ исторіи Лазаря, напр., приводится слѣдующій списокъ танутеровъ:

...«որք ի նախարարացն էին ժողովեալք.
տէրն Սիւնեաց Վասակ եւ
» Արծրունեաց Ներշապուհ, Վրիւ Մաղխազ,
» Մամիկոնէից եւ սպարապետն հայոց Վարդանն,
» Վահեւունեաց Գիւտ,
» Մոկաց Արտակ,
» Անձեւացեաց Շմաւոն,
» Ապահունեաց Մանէճ,
» Վանանդեայ Առաւան,
» Արշարունեաց Արշաւիր,
» Ամատունեաց Վահան,
» Գնունեաց Ատոմ,
» Պալունեաց Վարազշապուհ,
» Աշոցայ Հրահատ,
» Դիմաքսենից Հմայեակ,
» Աբեղենից Գազրիկ,
» Արաւեղենից Փափագ...

Այսոքիկ ամենեքեան աւագ տանուտեարք, հանդերձ աւագ սեպուհօք եւ բարեպաշտ եպիսկոպոսօք եւ աւագ քահանայիւք եւ վանականօք պատասխանի հրաւարտակին գրէին»... (Ղազար Փար. գլ. իգ, стр. 45).

«изъ нахараровъ, которые собрались, были слѣдующіе:
теръ Сюнійцевъ Васакъ
» Арцрунійцевъ Нершапуһъ, Врввъ Магхазъ
» Мамиконьяновъ и армянскій главнокомандующій Варданъ
» Ваһевунійцевъ Гютъ
» Мокцевъ Артакъ
» Андзеваційцевъ Семонъ
» Апаһунійцевъ Манечъ
» Ванандійцевъ Араванъ
» Аршарунійцевъ Аршавиръ
» Аматунійцевъ Ваһанъ
» Гнунійцевъ Атомъ
» Палунійцевъ Варазшапуһъ
» Ашоца ʿРаһатъ
» Димаксенійцевъ ʿМайякъ
» Абегенійцевъ Газрикъ
» Аравaганійцевъ Папагъ...

Всѣ эти—*старшіе танутеры* вмѣстѣ со старшими сепуһами и благочестивыми епископами и протоіереями и настоятелями монастырей написали отвѣтъ на рескриптъ».

Является естественно вопросъ, какъ слѣдуетъ понимать въ этомъ спискѣ слово теръ или танутеръ տէր или տանուտէր и такія выраженія, какъ теръ сюнійцевъ տէր Սիւնեաց: являлись ли эти лица танутерами господами рода, фамиліи или чего либо другого, однимъ словомъ, на чемъ зиждилась ихъ власть? Если взять второе лицо изъ

даннаго списка танутеровъ, теръ Мамиконьяновъ Варданъ *տէր Մամիկոնէից եւ սպարապետն Հայոց Վարդան* и поискать свѣдѣнія о немъ у того же автора, то на 52 стр. можно найти слѣдующее:

...«փութացուցանէին... խօսել ընդ սպարապետին իւրեանց տեառն Մամիկոնէից տոհմին»	«спѣшили ...переговорить со своимъ военачальникомъ, *теромъ рода* Мамиконьяновъ» (*գլ. իէ*).

Изъ этого мѣста видно, что Варданъ былъ танутеромъ рода Мамиконяновъ, а не имѣнія или области. Но нижеслѣдующіе примѣры убѣждаютъ, что въ данномъ отрывкѣ, *мы имѣемъ* неточное, *неполное выраженіе* и что это мѣсто должно быть понято сообразно съ тѣмъ какъ понимаются и всѣ остальныя подобныя выраженія.

Вернемся опять къ танутеру Сюнійцевъ Васаку; о которомъ у того же автора сказано въ другомъ мѣстѣ

...«ի տոհմէն Սիւնեաց Վասակ Սիւնեաց տէրն» (*գլ, իե,* стр. 47).	«изъ рода Сюнійцевъ Васакъ, *теръ* Сюнійцевъ».

На основаніи этого предложенія можно было вывести такое же заключеніе, какое было сдѣлано о Мамиконьянѣ Варданѣ, но и это было бы ошибочно. Возьмемъ, что говоритъ Елисей; армянскіе нахарары докладываютъ по его словамъ персидскому царю:

...«ետուք դմա (Վասակայ) զտէրութիւնն Սիւնեաց» (стр. 123).	«вы дали ему (т. е. Васаку) власть *[тану]тера* Сюнійцевъ».

Двумя страницами ниже мы встрѣчаемся съ одной фразой, которая вполнѣ опредѣляетъ, что понималъ самъ авторъ и что понимали нахарары подъ терствомъ или танутерствомъ

«ոչ ըստ կարգի ունէր նա (Վասակ) զտէրութիւնն Սիւնեաց աշխարհին, այլ նենգութեամբ եւ քսութեամբ ետ սպանանել զհօրեղբայր իւր զՎաղինակ» (стр. 125).	«не согласно порядку имѣлъ онъ должность *[тану]тера Сюнійской страны*, но злокозненно и доносами, поясняетъ Елисей, заставилъ убить дядю своего Вагинака».

Этотъ отрывокъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что *танутерство, господство простиралось на область Сюнійцевъ*, поэтому,

значитъ слова нахараровъ «вы дали ему, т. е. Васаку власть [тану]тера Сюнійцевъ» *слѣдуетъ понимать* въ смыслѣ *տէրութիւն Սիւնեաց աշխարհի власть танутера надъ областью* Сюнійцевъ. Сообразно съ этимъ и выраженіе Лазаря П. теръ сюнійцевъ Васакъ *տէր Սիւնեաց Վասակ*, какъ scriptio plaena будетъ звучать *теръ страны* или *области* или *дома рода Сюнійцевъ Васакъ տէր Սիւնեաց աշխարհի* или *գաւառին* или *տանտոհմին Վասակ*, что это дѣйствительно такъ и самъ Лазарь иначе и не понималъ, можетъ намъ уяснить та фраза, которую употребляетъ онъ относительно назначенія на танутерское достоинство Сюніи вмѣсто отставленнаго Васака ренегата Варазвагана:

...«Ի նմին աւուր զԹշնամին նորա (Վասակայ) զսեպուհն սիւնի զուրացողն զՎարազվաղան տէր ի վերայ աշխարհին Սիւնեաց վացուցանէին» (զլ. խզ, стр. 85).

«въ тотъ же день врага его (т. е. Васака) сепуһа сюнійскаго ренегата Варазвагана назначили *теромъ надъ* сюнійской *страной*».

Разъ Варазаганъ, бывшій сіюнійскій сепуһъ, ставъ замѣстителемъ танутера Васака, получилъ *танутерство*, *власть надъ сюнійской областью*, *очевидно такового характера должна была быть власть и самого Васака*, слѣдовательно *տէր Սիւնեաց Վասակ* = по scriptio plaena *տէր Սիւնեաց աշխարհին Վասակ*.

Поэтому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сказано танутеръ или теръ такихъ-то родовъ или даже безъ этого опредѣленія, какъ теръ Ваһевунійцевъ, теръ Мокцевъ, теръ Андзеванійцевъ, теръ Аматунійцевъ и т. д. *տէր Վահեւունեաց*, *տէր Մոկաց*, *տէր Անձեւացեաց*, *տէր Ամատունեաց*, *տէր Գնունեաց*, *տէր Պալունեաց*, *տէր Դիմաքսենից*, *տէր Արեղենից*, *տէր Արաւեղենից* и многіе другіе, нужно всегда предполагать, что это не полное и точное выраженіе и что всегда подразумѣвается теръ или танутеръ области, страны или дома рода *տէր* или *տանուտէր գաւառին*, *աշխարհին* или *տանտոհմին*. И дѣйствительно, у историковъ встрѣчаются полныя выраженія вмѣсто теръ Андзеваційцевъ *տէր Անձեւացեաց*,—теръ *области* Андзеваційцевъ *տէր գաւառին Անձեւացեաց* (*Փաւ.* V, *գ.* стр. 208), вмѣсто теръ Рштунійцевъ *տէր Ռշտունեաց* (*Փաւ.* V, *լէ.* стр. 250), теръ *области* Рштунійцевъ *տէր գաւառին Ռշտունեաց* (ibid. V, *լէ*, стр. 249) и т. д.

У историковъ приходится часто встрѣчать названіе танутера и нахарара съ опредѣленіемъ «аваг» աւագ старшій. Является естественно вопросъ, какое значеніе имѣло такое словоупотребленіе и являлось-ли оно обозначеніемъ особаго понятія, особой должности?

Насколько матеріалы позволяютъ заключать «аваг танутеръ» աւագ տանուտէր не должно было быть названіемъ чего либо особеннаго, отличнаго отъ обыкновеннаго танутерскаго достоинства; хотя между старшими и простыми или младшими танутерами существовала, конечно, разница; эта разница была не іерархическая, а скорѣе по значенію и вліянію, нерѣдко и по возрасту и богатству. У Лазаря П. на 58 стр. (գլ. Լ) сказано:

...«արս աւագս ՚ի տանուտերացն հայոց զիշխանն Արշարունեաց Արշաւիր եւ զիշխանն Դիմաքսենից զՀմայեակ եւ զիշխանն Աբեղենից զԳազրիկ».

«*старшихъ мужей изъ* армянскихъ *танутеровъ* ишхана Аршарунійцевъ Аршавира и ишхана Димаксенійцевъ ʿМайяка и ишхана Абегенійцевъ Газрика».

Въ данномъ отрывкѣ выраженіе «старшихъ мужей изъ танутеровъ армянскихъ» употреблено вмѣсто աւագ տանուտերք старшіе танутеры; слѣдовательно, эти послѣдніе, согласно вышеприведенному отрывку, были *старшими изъ танутеровъ*; остается выяснить, на чемъ основывается это старшинство, давалось-ли оно царской властью или тутъ играли другія обстоятельства? Одна часть рѣчи Вардана Мамиконьяна, которую онъ держалъ передъ сассанидскимъ царемъ, можетъ дать отвѣтъ и на эту сторону вопроса:

...«Բազումք են յայս երից աշխարհաց յազատորերոյ, որք են աւագ քան զիս եւ գահու եւ աւուրբք»... (ib. գլ. իզ. стр. 49).

«Много есть изъ *знати* этихъ трехъ странъ, говорилъ онъ, которые *старше* меня и «гаһ»омъ *(мѣстомъ)* и *годами*».

Слѣдовательно *старшими могли быть, или годами, или же гаʿhʾомъ.* Гаһомъ называлась, какъ мы потомъ увидимъ, та территорія, которой танутеръ или ишханъ управлялъ. Значитъ *танутеръ могъ быть*, или считаться *старшимъ сообразно съ важностью той провинціи* или области, *которая была ему подчинена*, *при этомъ іерархически его это нисколько не возвышало;* мы видимъ, что хотя у персидскаго

царя были собраны старшіе танутеры, тѣмъ не менѣе дѣйствовалъ и говорилъ Варданъ.

Что касается старшихъ нахараровъ, то подъ ними, сообразно широкому, общему значенію этого термина могутъ подразумѣваться и *старшіе изъ танутеровъ* и старшіе *изъ сепуһовъ* и *изъ ишхановъ*.

Танутеръ въ доступную намъ для изученія эпоху, какъ это установлено выше, былъ не только главой опредѣленнаго рода, но вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ и управляющимъ извѣстнымъ округомъ, райономъ; районъ этотъ—всегда совпадалъ съ мѣстностью, гдѣ жилъ его родъ и носилъ въ большинствѣ случаевъ имя этого рода; собственно представлялось такъ, какъ бы весь опредѣленный родъ являлся правителемъ области; про родъ Камсараканов у Фауста, напр., сказано:

«*զտոհմն կամսարականացն, որ էին գաւառաց տէարք Շիրակայ եւ Արշարունեաց*... (IV, *ժԹ*, стр. 133).	«роды Камсаракановъ, которые были господами областей Ширака и Аршаруні йской».

Это и понятно, хотя фактически власть сосредоточивалась въ рукахъ танутера, но она принадлежала ему временно, она могла перейти не къ его сыновьямъ, а къ какому-либо другому члену этого рода; должность правителя области была, такъ сказать, наслѣдственна въ родѣ, она не могла перейти (хотя нарушенія и бывали) только къ члену другого рода.

Итакъ, танутеры постепенно превращаются въ правителей; господъ областей, впослѣдствіи это становится даже ихъ преимущественной обязанностью; это проглядываетъ и въ языкѣ: они часто называются уже не полно *танутерами*, или тер'ами *дома такого-то*, а просто господами (терами), притомъ господами *области*, *ущелья*, и только названіе ущелья по роду, которому принадлежитъ этотъ танутеръ, указываетъ еще на происхожденіе изъ родового строя власти этихъ правителей; на примѣрахъ, которые приводятся ниже, видна именно территоріальная основа власти танутеровъ и наһапетовъ;

«*Անդովկ նահապետն Սիւնեաց գաւառին* (*Փաւստոս*, IV, *ի*, стр. 137).	«Андокъ—*наһапетъ области Сюнійцевъ*».

У того же историка пересчитываются:

«Գուգարաց բդեաշխն, եւ յետ նորա Ձորայ գաւառին տէրն, եւ Կողբայ գաւառին տէրն եւ ընդ նոսա Գարդմանաձորոյ տէրն» (стр. IV, *ծ*, стр. 163).	«Бдеашхъ Гугарка, за нимъ (теръ) *господинъ области* Дзоръ и *господинъ области* Коѓбъ и съ ними *господинъ* Гардманскаго *ущелья»*.
«Գնել, տէր գաւառին Անձեւացեաց» (ibid. V, *գ*, стр. 208).	«Гнелъ, *господинъ областей Андзевійцевъ»*.
«Ներսեհ, տէր Շիրակայ» (*Պ. Փար. գլ. կը*, стр. 122).	«Нерсесъ, *господинъ Ширака»*.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ правители не названы танутерами, потому, что это уже не подходило и не соотвѣтствовало дѣйствительности, такъ какъ подъ властью ихъ были и другіе роды, и административные термины «область», «ущелье» точнѣе обозначали районы, находящіеся подъ ихъ управленіемъ.

Сообразно съ этимъ существовалъ даже спеціальный терминъ, областной начальникъ, который и выражалъ это понятіе: *գաւառատէարք*, такъ напр. у Фауста сказано: католикосъ Нерсесъ говоритъ армянскимъ нахарарамъ:

«ամենեքեան դուք կեցեալ էք յազգէդ արշակունոյ, ոմանք ի ձէնջ գաւառատեարք լեալք ի նոցանէն, ոմանք մեծամեծք աշխարհաց»... (IV, *ծա*, стр. 166).	«всѣ вы жили благодаря аршакидскому [царскому] роду, нѣкоторые изъ васъ были назначены ими *терами областей* (начальниками областей), нѣкоторые же вельможами странъ».

* * *

Какъ правители эти господа (теры) имѣли *власть* (*իշխանութիւն*) надъ областью и поэтому называются еще *властителями ишханами»* (*իշխան*).

Слово «ишханъ» «ишханутюнъ» не прибавляетъ ничего новаго къ понятію тера; вначалѣ оно обозначало вообще всякую власть, полномочіе безразлично, шла ли рѣчь объ царѣ, или нахарарѣ, или епископѣ; напримѣръ, Егише персидскаго царя въ двухъ мѣстахъ называетъ ишханомъ:

«իբրև ետես անօրէն իշխանն եթէ յաջողեցաւ չարութիւնն նորա» (стр. 13)...

«когда безбожникъ *ишханъ* увидѣлъ, что злодѣяніе удалось ему»...

«իսկ անօրէն իշխանն իբրև գիտաց եթէ յայտնեցաւ խորամանկութիւն խորհրդոյն» (ib. 21)...

«когда же безбожникъ *ишханъ* узналъ, что его вѣроломный замыселъ обнаружился»...

Власть епископовъ именовалась также ишханутюнъ, напр.:

«Եպիսկոպոսաց հրաման տայր ունել զիւրաքանչիւր իշխանութիւնս» (ibid. 119).

«далъ приказъ епископамъ пользоваться каждому своей властью.

Ишханутюнъ обозначаетъ, наконецъ, право, полномочіе, напримѣръ:

«եթէ ոք ՚ի հեռի աշխարհ ուրուք գնացեալ իցեն, ունիմ իշխանութիւն յարքունուստ եթէ յազատաց իցեն, եթէ ՚ի շինականաց իցեն, եթէ յեկեղեցւոյ, զինչ կեանս և թողեալ իցէ, եկեսցեն և կայցեն զիւրաքանչիւր զարարս» (ibid. 120).

«если кто либо отправился въ какую-нибудь отдаленную страну, то я имѣю *полномочіе (ишханутюнъ)* изъ царскаго дворца [объявить] что пусть они, будутъ ли изъ свободнаго [сословія] или поселянъ, либо лицъ изъ церкви (клериковъ), пріидутъ и ведутъ такой образъ жизни, какой они оставили [передъ выселеніемъ] и пусть владѣютъ своимъ достояніемъ».

Поэтому естественно, что ишханъ и теръ, ишханутюнъ и терутюнъ употребляются безразлично часто одинъ вмѣсто другого; одно и то же лицо въ одномъ мѣстѣ и одинъ разъ можетъ быть названъ теромъ, въ другомъ ишханомъ, наприм.: у Лазаря Парпскаго про Артака на одной и той же (52) страницѣ разсказано *«իշխան Մոկաց Արտակ* *ишханъ Моковъ* Артакъ, другой разъ уже *տէր Մոկաց Արտակ»* *теръ Моковъ* Артакъ; у того же автора Камсараканъ Аршавиръ на 64 страницѣ (*գլ. լդ*) названъ *танутеромъ*, а на 65 и 66 (*գլ. լե*) *ишханомъ;* Гютъ Ваһевунійскій у того же Лазаря Парпскаго на 64 страницѣ упоминается *танутеромъ*, но на 67 (*գլ. լգ*) *ишханомъ* и

такихъ случаевъ не мало. Приведемъ одинъ примѣръ еще безразличнаго употребленія словъ терутюнъ и ишханутюнъ:

«խոստացաւ (Միհրներսեհ) նմա (Վասակայ) իշխանութիւն աւելի քան զոր ունէր, եւ հայեցոյց զնա ՚ի կարծիս սնոտիս, որ ՚ի վեր էր քան զիւր տէրութիւն» (Եղիշէ 83*).*

«обѣщалъ (Миһрнерсеһъ) ему (Васаку) *власть (ишханутюнъ)* большую, чѣмъ онъ имѣлъ, и направилъ его взоры на обманчивые иллюзіи, которыя были выше его *власти (терутюнъ)*».

Такое безразличное употребленіе этихъ двухъ терминовъ было вначалѣ; позднѣе ишханъ начинаетъ постепенно вытѣснять изъ употребленія слово теръ, какъ нѣкогда оно вытѣснило съ своей стороны слово танутеръ; теръ, какъ происшедшее изъ института родового строя, долженъ былъ естественно уступить мѣсто слову ишханъ, понятіе власти котораго вполнѣ выражало отличительное качество господина-правителя позднѣйшей формаціи.

Нужно установить, надъ кѣмъ или чѣмъ являлись властителями ишханы. Два, три случая даютъ основаніе думать, что ишханы были надъ родами, такъ, напр., у Фауста сказано:

...*«իշխանն Մանաւազեան տոհմին եւ միւս ես նահապետն Որդունւոց տոհմին»* (III, *դ*, стр. 9).

«ишханъ *рода* Манавазьяновъ и наһапетъ *рода* Вордунiйцевъ»:

Тоже самое можно заключить и изъ другого мѣста того же труда, гдѣ сказано,

...*«զոմն իշխանն Սահառունեաց տոհմին եւ զԿարէն իշխանն Ամատունեաց տոհմին եւ զՎարազ իշխանն Դիմաքսենից տոհմին»* (ibid. III, *ժդ*, стр. 38).

«одного *ишхана рода* Саһарунiйцевъ и Карена *ишхана рода* Аматунiйцевъ и Вараза *ишхана рода* Димаксенiйцевъ»...

Но было бы ошибочно, если мы остановились на этомъ заключеніи; всѣ подобныя выраженія, какъ тѣ, съ которыми мы познакомились при изложеніи объ характерѣ власти танутеровъ, не полны и не точны. Тоже самое нужно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда сказано только ишханъ Сюнiйцевъ *իշխան Սիւնեաց* или что либо подобное; это ясно видно изъ одного мѣста Фауста, гдѣ перечислены властители:

«զԱնդուկ իշխանն Սիւնեաց եւ զԱրշաւիր իշխանն Շիրակայ եւ Արշարունեաց եւ զՆոյն իշխանն միւսոյ Ծոփաց եւ զՊարգեւ իշխանն տանն Ամատունեաց» (IV, *դ*, стр. 73).

«Андука ***ишхана Сюнійцевъ*** **и Аршавира** ***ишхана Ширака*** **и Аршарунійцевъ и Нуйна** ***ишханъ вторыхъ Туоп'къ*** **и Паргева** ***ишхана дома Аматунійцевъ»*****.**

Послѣднее выраженіе *իշխանն տանն Ամատունեաց* властитель области (дома) Аматунійцевъ есть полное и точное, тутъ ясно видно, что *власть ишхана простирается на территорію*. По аналогіи нужно и во всѣхъ другихъ случаяхъ подразумѣвать тунъ *տուն* домъ, такъ, напр., ишханъ Сюнійцевъ *իշխան Սիւնեաց* по смыслу = ишханъ дома или области Сюнійцевъ *իշխանն տանն* или *գաւառին Սիւնեաց* и т. д. Это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

«իշխանն Ծոփաց աշխարհին եւ զԳնիթ իշխան Հաշտենից գաւառին ի կամինական տոհմէն զՎորոթ իշխանն Վանանդայ գաւառին ...զԳորութ իշխանն Ձորոց աշխարհին եւ զՄանասպ զԽորխոռունեաց զիշխանն Մաղխազունեան տանն» (ibid. III, *ժբ*, стр. 29).

«властитель ***(ишханъ) страны*** **Тцопкъ и Гнитъ властитель** ***(ишханъ)*** **'Аштенійской** ***области*** **изъ рода Каминаканскаго, Воротъ властитель** ***(ишханъ)*** **Ванандской** ***области...*** **Горутъ властитель** ***(ишханъ) области*** **Дзоръ и Манаспъ Хорхорунійскій, властитель** ***(ишханъ) дома Маґхазунійцевъ»*****.**

Выше было указано, что замѣщеніе должности танутера происходило согласно принципу старшинства въ родѣ; до тѣхъ поръ пока соціальная организація древней Арменіи зиждилась на родовомъ строѣ, въ вопросы объ назначеніяхъ танутеровъ не могъ никто вмѣшиваться кромѣ опредѣленнаго рода или группы родовъ, но по мѣрѣ того какъ власть танутеровъ становилась административной и они превращались въ правителей областей, естественно было ожидать все большее и большее вмѣшательство короны въ вопросы о кандидатурѣ на танутерскую должность; царю, конечно, было важно захватить въ свои руки право утвержденія или даже назначенія танутеровъ; то мѣсто Фауста объ назначеніи царемъ танутеровъ нахарарскихъ родовъ, которое выше было приведено, является однимъ изъ случаевъ такой тактики. Конечно, при существованіи принципа старшинства для замѣщенія

вакантныхъ должностей танутера, право царя могло только сводиться къ праву утвержденія; но цари могли этимъ недовольствоваться и нарушать обычный порядокъ, что и дѣлали въ угоду своей политики сассанидскіе государи.

Танутеры мѣстностей, или ишханы въ послѣдующую эпоху призываются къ танутерской должности царской властью, будетъ ли это національная или иноземная, господствовавшая тогда въ Арменіи; приведемъ примѣры:

«ազգին Մամիկոնեան տոհմին տանուտէր նահապետ կացոյց Թագաւորն Վաչէ անուն, ՚ի նմին տոհմէ» (*Փաւս.* V, *լէ*, стр. 245).

«царь назначилъ танутеромъ наһапетомъ рода **Мамиконьяновъ [члена] изъ того же рода по имени Ваче».**

Возставшіе армянскіе нахарары обращались къ персидскому правительству съ такими словями:

«Ետուք դմա զտէրութիւն Սիւնեաց, լուարուք յազգականաց այտի դորա, զինչ պատմեն զդմանէն»... (Եղիշէ 123).

«вы дали ему (Васаку) господство Сюнійское, выслушайте теперь отъ его сородичей, что они о немъ разсказываютъ».

Лазарь Парпскій передаетъ, что

խորհեալ աւագանւոյ դրանն Թագաւորին Վաղարշու... տալ Մամիկոնենին Վահանայ զտէրութիւն Մամիկոնենից» (*գլ. ղզ.* стр. 174).

«подумавъ [рѣшили] дать вельможи двора царя Валарша Ваһану Мамиконьяну *терство Мамиконьяновъ».*

Тотъ же историкъ разсказываетъ, что персидское правительство

...«՚ի նմին աւուր զթշնամին նորա, զսեպուհն սիւնի, զուրացողն զՎարազվաղան տէր ՚ի վերայ աշխարհին Սիւնեաց կացուցանէին, որոյ որքան ժամանակս կալեալ զիշխանութիւնն Սիւնեաց, բազում արարեալ անիրաւութիւնս... (*գլ, խզ,* стр. 85).

«въ тотъ же день врага его (Васака) сепуһа Сюнійскаго, ренегата (христіанства) *Варазваіана назначили теромъ надъ страной Сюнійцевъ;* онъ во время своего управленія *(ишханства)* сотворилъ много несправедливости».

На оффиціальномъ языкѣ того времени назначеніе танутеровъ выражалось словомъ, *անուանեալ*, они «назывались» терами, такъ Лазарь П. сообщаетъ, что

«որք առ վտանգի ժամանակի տանուտեարք Հայոց անուանեալ էին» (*գլ. կզ*, стр. 112)...

«тѣ, которые въ страдное время (персидскими властями) были *названы* танутерами армянскими», боялись вызвышенія Ваhана Мамиконьяна.

Такъ какъ армянскими нахарарами не оспаривается право государя (въ данномъ случаѣ персидскаго) назначать танутеровъ, то изъ этого ясно, что они считали это уже обычнымъ порядкомъ, существовавшимъ, видимо, еще при армянскихъ царяхъ; нахарары были только противъ того, что танутерство давалось не по обычному порядку *(ոչ ըստ կարգի)*, самое же право царя назначенія, судя по историкамъ, тогда уже не оспаривалось.

* * *

Правители областей, или ишханы, выражаясь обычнымъ языкомъ древней Арменіи, имѣли *«патив»* *պատիւ* и *«гаh»* *գահ*, и то и другое слово умышленно оставлено безъ перевода, такъ какъ до сихъ поръ еще дѣйствительное значеніе ихъ не выяснено. Что такое «пативъ»? «Пативъ» по терминологіи того времени означаетъ прежде всего *должность*, напримѣръ, Лазарь Парпскій разсказываетъ, что священникъ Гевондъ

«կոչէր զնա պատուոյն անուամբ մեծաձայն. «Սիւնեաց տէր, Սիւնեաց տէր» (*գլ. խզ*, стр. 77).

«позвалъ его (Васака) громко *по имени должности (пативъ) теръ* Сюнійцевъ, *теръ* Сюнійцевъ»!

Въ этомъ случаѣ имя или *названіе патива соотвѣтствуетъ танутерской должности*, слѣдовательно, *подъ пативомъ понимали должность*; это ясно и изъ нижеслѣдующаго примѣра:

«իբրեւ ետես զնա Վաչէ, որ յառաջն էր լեալ նահապետ, մինչեւ եկեալ էր ի նա, ետ ցնա զպատիւ իշխանութեանն, որ

«Когда Ваче, который еще до прихода къ нему Мануэля былъ назначенъ наhапетомъ, увидѣлъ его, то онъ передалъ ему

առեալ էր ՚ի Թագաւորէն Վարազդատայ... եւ Մանուէլ ունէր զնահապետութեան ազգին տանուտէրութեան պատիւ» (*Փաւս.* V, *լէ*, стр. 246).

должность (потивъ) ишханства (= танутерства), полученную имъ отъ царя Вараздата... и Мануэль [послѣ этого] имѣлъ *должность* («патив») танутера наһапета этого рода».

Католикосъ Нерсеһъ говорилъ армянскимъ нахарарамъ, строившимъ козни противъ своего суверена, царь

...«*զձեզ կեցուցեալ զամենեսեան... զոմն գործով, զոմն պատուով, զոմն իշխանութեամբ, զոմն գործակալութեամբ*» (*Փաւս.* IV, *ծա.* стр. 166).

«всѣмъ вамъ давалъ [средства] жить... кому дѣломъ, кому *должностью* (пативъ), кому властью, кому службой».

Въ данномъ предложеніи имѣется паралеллизмъ: «гортц» «*գործ*» дѣло соотвѣтствуетъ «гортцакал» *գործակալ* завѣдующіе дѣлами, служилый, — «пативу» *պատիւ* соотвѣтствуетъ «ишханутюнъ» *իշխանութիւն* власть, поэтому «патив» должно обозначать административную должность.

Но *пативъ обозначалъ также тѣ отличія, украшенія и соотвѣтствующіе наряды*, которые жаловались царемъ тому или иному лицу при назначеніи на должность танутера или ишхана и *которые были преимущественными атрибутами ихъ власти*, напр.:

Про персидскаго царя и его политику по отношенію къ армянскимъ нахарарамъ у Елисея говорится:

...«*պատրէր... զոմանո ագարակօք եւ մեծամեծ գեղօք, զոմանս պատուովք եւ իշխանութեամբ մեծամեծօք*» (стр. 21).

«онъ соблазнялъ... однихъ пашнями и большими селами, другихъ *знаками отличія* (пативъ) и большой властью».

Относительно Васака у того-же автора разсказывается, что

...«*կոչեցին եւ զուրացեալն եւ նա ըստ առաջին կարգի որինաց արքունի արկանէր զպատուական հանդերձ զոր ունէր ՚ի*

«позвали и ренегата (Васака). Онъ *накинулъ на себя согласно древнему установленію царскаго этикета почетную (патовакань)*

Թագաւորէն. կապէր եւ զպատիւ վարսին (*Եղիշէ* 124).

одежду и почетную *головную повязку* (соб. почетъ волосъ)».

Лазарь П. передаетъ, что для выясненія дѣла объ возстаніи

...«Թագաւորն հրամայեաց 'ի վաղիւն ատեան մեծ լինել առաջի իւր, եւ ամենայն այր, Արի եւ Անարի եւ զոր ինչ եւ ունէր ոք զպատիւ Թագաւորին կազմ առաջի իւր եկեսցեն... եւ լուեալ զայս ամենայն զինաւորքն, որ ոք ունէր զպատիւ Թագաւորին, վաղանդր հասանէին յատեանն» (գլ. խե, стр. 82).

«государь приказалъ собраться по утру передъ нимъ великому совѣту и Арійцу и Неарійцу и всякому, кто только имѣлъ *[знаки] отличія* (пативъ) *отъ царя*, и предстать [имъ] передъ нимъ *украшеннымъ*...и всѣ, которые только имѣли *отъ царя [знаки] отличія*, рано утромъ прибыли на собраніе».

Парпскій разсказываетъ далѣе, что, когда Васакъ былъ призванъ ко двору,

...ուխտանենգ իշխանն Սիւնեաց Վասակ արկեալ զիւրեաւ զամենայն պատիւս, զոր ունէր 'ի Թագաւորէն, գայր մտանէր» (ib. *գլ. խե*, стр. 82).

«вѣроотступникъ ишханъ Сюнійцевъ Васакъ, *накинувъ на себя всѣ отличія, какія онъ имѣлъ отъ царя*, вошелъ во дворецъ».

Но счастье не улыбнулось на этотъ разъ Васаку, онъ попалъ въ опалу и царь, какъ передаетъ историкъ, закричалъ ему:

«զայս գիտեա, զի յայսմհետէ Սիւնեաց տէր չես... հրաման տայր Թագաւորն Յազկերտ անդէն զառաջեաւ կողոպտել 'ի նմանէ... պատիւն զոր ունէր եւ ձաղկեալ զնա պսակացն, մերկացուցին զնա, մերկացուցեալ 'ի նմանէ զարդարանս պատույ տէրութեանն» (ib. стр. 85, *գլ. խզ.*).

«знай это, что ты отнынѣ не теръ Сюнійцевъ... царь Ездигердъ приказалъ тамъ же передъ собой *сорвать съ него отличіе*, которое онъ имѣлъ; *и стражи лишили его, отнявъ (отличія) украшенія должности [тану]терства»*.

Описывая придворный церемоніалъ армянскихъ царей Фаустъ передаетъ, что

«այլ յայսմ ազգաց եւ ՚ի խո-նարհ որ գործակալս անուն բար-ձիւք առաջի արքային պատիւ ՚ի գլուխ բազմէին» (Փաւ. IV, բ, стр. 68).

«также и изъ этихъ родовъ, и изъ низшихъ, которые называются служилыми, возсѣдали на *подушкахъ* съ *почетными [повязками] на головѣ* передъ царемъ».

* * *

«*Гаh*» *գահ* персидское слово; въ армянскомъ оно обозначало вообще *мѣсто*, потомъ *территорію*, *находящуюся подъ властью* и управленіемъ какого-либо *должностнаго лица;* «*гаh*» въ болѣе тѣсномъ смыслѣ означало административный центръ, резиденцію, гдѣ пребывалъ каждый правитель области; у Фауста, напримѣръ, разсказывается про жену Вардана, что

«Մինչդեռ ՚ի վեր ՚ի բերդին նստէր ՚ի գահոյս իւրում, եղեւ գոյժ սաստիկ... վազէր ՚ի գահոյից անտի» (IV, *ժը*, стр. 132).

«въ то время какъ она сидѣла на *своемъ мѣстѣ* (гаh) и получилось ужасное извѣстіе... [то] она вспрыгнула на *мѣстѣ* (отъ ужаса)».

Тотъ же историкъ пишетъ, что по истребленіи всего рода

«ետ զաւանն եւ զբուն գահո-յից գեւղն նահապետին Մանաւա-զենից եպիսկոպոսին... յեկեղեցի» (III, *դ*, стр. 10).

«далъ епископу... въ церковь село и главную (исконную? родовую) *деревню мѣсто* [пребыванія] (= резиденцію) *наhапета Манавазьяновъ*».

Въ Арменіи, по словамъ историковъ Фауста (IV, *բ*, стр. 68) и Хоренскаго (III, *ծա*) существовало во время придворныхъ выходовъ, мѣстничество: каждое должностное лицо могло занимать только опредѣленное мѣсто «гаh» сообразно со своей родовой честью. Въ прошломъ столѣтіи былъ найденъ одинъ документъ, заключающій въ себѣ мѣстническій списокъ; онъ былъ изданъ Эминомъ въ его переводѣ М. Хоренскаго (изд. 1858 г., стр. 358—360) и съ фототипическимъ снимкомъ о. Алишаномъ въ своемъ *Այրարատ*'ѣ; г. Халатьянцъ пробовалъ интерпретировать тотъ памятникъ (Армянскіе Аршакиды, стр. 294—297), но не съ большимъ успѣхомъ. Мѣстническій списокъ, вѣроятно, существовалъ въ древней Арменіи, но дошедшій документъ

несомнѣнно подложенъ; во-первыхъ это *не мѣстническій* списокъ, какъ онъ себя выдаетъ, а простой перечень должностей, при этомъ названія должностей не носятъ въ себѣ *ни одной архаической черты.* Кромѣ того само введеніе къ памятнику такое путанное и содержитъ такія невѣроятныя подробности о томъ, какъ и кѣмъ добытъ онъ, что еще больше усиливаетъ убѣжденіе въ его подложности.

* * *

Чѣмъ же владѣли танутеры или ишханы, какъ лица облеченныя административной властью: Это можно выяснить на основаніи словъ, которыми характеризуютъ свое положеніе нѣкоторые изъ армянскихъ нахараровъ, лишенные танутерства, благодаря правительственной политикѣ сассанидскаго государства. Въ своихъ рѣчахъ они рисуютъ правовое положеніе армянскихъ нахараровъ, добивавшихся, благодаря измѣнѣ религіи, должностей танутеровъ. То, что говорится объ ихъ правахъ и владѣніяхъ, можетъ быть распространено на всѣхъ вообще нахараровъ, такъ какъ компетенція ихъ была одинакова, разница заключалась только въ томъ, что одни добивались должности цѣной отщепенства. Лазарь влагаетъ въ уста оратора слѣдующую рѣчь:

...«փորձեցէք, զի զորեարն զայն, որ զամ մի Պերոզի յիւրում թագաւորութեան մոգութեամբ տէր էր արարեալ, եւ այժմ զահ ունին եւ պատիւ եւ յիւրաքանչիւր գաւառի իշխան են, եւ ձիոյ տէր են եւ զինու եւ գնդի»..., (*Ղ. Փար. Գլ. ղբ*, стр. 168).

«разсудите, эти люди, которые однажды Перозомъ въ свое царствованіе были изъ-за [принятія] магства сдѣланы [тану]терами и теперь имѣютъ область (gah) и должность и являются *каждый въ своей области властителями* (ишхан) *и господами конницы, оружія и отряда*».

Итакъ, они имѣютъ *«патив» должность* (но, можетъ быть и знаки своего достоинства), имѣютъ *мѣсто «gah»*, *резиденцію* или территорію и являются *властителями каждый въ своей области*, *господами* надъ *конницей и пѣхотой*, надъ войскомъ.

И дѣйствительно въ *Арменіи войска различныхъ танутерствъ, или областей не соединялись вмѣстѣ подъ начальствомъ одного главнокомандующаго, но выходили всегда со своими танутерами или иш-*

ханами и сообразно съ областнымъ дѣленіемъ и по танутерствамъ выстраивались они также въ боевой порядокъ. Нѣтъ почти случая, чтобы войско одного танутерства было раздѣлено на двѣ части и одна находилась на лѣвомъ крылѣ, напр., а другая на правомъ. Та область, которая была раньше подчинена армянскому царю, выходила съ военачальникомъ назначеннымъ государемъ; когда же царство было уничтожено, и эта область была подчинена персидскому правительству, то этими войсками командовали персидскія должностныя лица. Во время сассанидскаго владычества въ Арменіи находились кромѣ того и войска царя персидскаго, которые занимали большей частью главнѣйшія укрѣпленія страны. Итакъ, войска выходили по нахарарствамъ или танутерствамъ, это видно изъ многихъ мѣстъ армянскихъ историковъ; напр. Елисей говоритъ, что выступили на войну:

...*«ամենայն գործակալք արքունի իւրաքանչիւր զօրօքն հանդերձ»* (стр. 92)

«всѣ царскіе служилые *каждый со своими войсками*».

...*«ամենայն նախարարքն զօրօք իւրեանց յիւրաքանչիւր տանէ 'ի մի վայր գային հասանէին վաղվաղակի. բազում եւ այլ այրուձի որ յարքունի տանէ անտի էր»* (ib. 68).

«всѣ нахарары *со своими войсками каждаго дома* рано утромъ прибыли къ одному мѣсту, много также и другой конницы, которая *была изъ царскаго дома*, находилась на той сторонѣ.

Про Васака, властителя области Сюнійцевъ, тотъ же авторъ передаетъ, что

...*«ընտրեաց եւ առ նա ընդ իւր զորոց գիտէր զթուլութիւն հաւատոց նոցա. Զիշխանն Բագրատունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Խորխորունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Ապահունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Վահեւունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Պալունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Գաբեղենից զօրօք իւրովք, զիշխանն Ուրծայ զօրօք իւրովք եւ*

«онъ выбралъ и взялъ съ собой тѣхъ, о колебаніи которыхъ въ вѣрѣ ему было извѣстно: властителя Багратидовъ *со своими войсками*, властителя Хорхорунійцевъ *со своими войсками*, властителя Апаһунійцевъ *со своими войсками*, властителя Ваһевунійцевъ *со своими войсками*, властителя Палунійцевъ *со своими войсками*, властителя Габегенійцевъ *со своими войсками*,

զայլ բազում զօրս յարքունի տանէն արկ յինքն» (*Եղիշէ*, 69).

властителя Уртца *со своими войсками* и много другихъ войскъ изъ *царскаго дома* перевелъ на свою сторону».

У Фауста про главнокомандующаго армянской арміей говорится:

...«*զումարեր զօրսն ամենայն տանցն աւագանոյն ընդ զօրսն արքունի*» (*Փաւս.* III, *ը*, стр. 20).

«онъ собралъ *войска* всѣхъ *домовъ* вельможъ вмѣстѣ съ царскими войсками».

Тотъ же авторъ сообщаетъ:

...«*Յայնմ ժամանակի ազատազօրք նախարարացն Հայոց առեալ զիւրաքանչիւր ընդանիս, լինէին տախստականք*» (ib. III, *խա*, стр. 55).

«въ это время азатныя *войска* армянскихъ *нахараровъ*, взявъ каждый своихъ домашнихъ, обратились въ бѣгство».

Фаустъ передаетъ, наконецъ, что

...«*ժողովեաց զամենայն զօրս նախարարացն Վասակ սպարապետն Հայոց*» (ibid. IV, *լզ*, стр. 155).

«Васакъ, армянскій главнокомандующій, собралъ всѣ *войска нахараровъ*».

...«*Թողոյր աստէն զՇապուհն պարսիկ այրուձիով, այրընտիր գնդաւ, զտէրն Սիւնեաց զԳդիհոն առ նմա ամենայն գաւառին Սիւնեաց գնդաւ*»... (*Ղ. Փար. գլ. ձ*, стр. 146).

«оставилъ здѣсь Шапуhа съ персидской конницей, избраннымъ отрядомъ, вмѣстѣ съ нимъ [тану]тера Сюнійцевъ Гедеона со всѣмъ *отрядомъ Сюнійской области*».

* * *

Танутеры — ишханы имѣли собственныя крѣпости, въ которыхъ и жили обыкновенно. Фаустъ разсказываетъ, что во время поисковъ Вардана, танутеры области Мамиконьяновъ,

...«*երթեալ գտանէին զնա յիւրում՝ բաւառին ի Տայս, յիւր ամուր բերդին որում անուն Էրախանի կոչին*». (*Փաւս.* IV, *ժը*, стр. 132).

«отправившись, нашли его въ своей области Тао, *въ своемъ укрѣпленіи*, которое называется Эраханъ».

Лазарь Парпскій упоминаетъ также

…«Սագրայ բերդ, որ էր բերդ ամուր իշխանութեանն իւրեանց» (Ղ. Փար. գլ. կէ, стр. 121).

«Сагра крѣпость, которая была *крѣпостью [области, подчиненной] ихъ власти*»…

Тотъ же историкъ разсказываетъ, что дѣтей нахараровъ отправили

«յամուրս բերդից իշխանութեանն Սիւնեաց» (ibid. գլ. ՟Լզ, стр. 67).

«въ крѣпости [области, подчиненной] власти Сюнійцевъ».

* * *

Всѣ танутеры и сепуhи имѣли печати, которыя и прикладывали они къ документамъ и письмамъ въ знакъ своего согласія и утвержденія.

Лазарь П. разсказываетъ, напр., что

«եւ արարեալ նամակ իշխանին Սիւնեաց Վասակայ իւրով մատանեաւ, հրամայէր նամականի առնել եւ այլ ամենայն աւագ տանուտերացն Հայոց եւ կնքեալ զնամականին իւրաքանչիւր ուրուք մատանեաւ» (գլ. լ, стр. 58).

«властитель Сюнійскій Васакъ составилъ письмо, [снабженное] *его печатью*, и приказалъ онъ составить письма и всѣмъ другимъ старшимъ танутерамъ армянскимъ и приложить къ письмамъ *каждому свою печать.*

Тотъ же историкъ продолжаетъ:

…«եւ գրեալ զայս ամենայն բանս հաւատոյ ուխտին եւ կնքեալ նախ մատանեաւ իշխանին Սիւնեաց Վասակայ եւ ապա մատանեօք ամենայն տանուտերացն Հայոց եւ աւագ սեպհացն… ետուն ցպատուական եպիսկոպոսն» (գլ լբ, стр. 62).

«написавъ такія слова о довѣріи къ союзу и приложивъ прежде *печать сюнійскаго властителя* Васака, а потомъ *печати* и *всѣхъ* [другихъ] *танутеровъ* армянскихъ и *старшихъ сепуhовъ*… дали почтеннымъ епископамъ».

«եւ զայս ամենայն թղթեան կնքէր նախ ինքն իշխանն Սիւնեաց Վասակ իւրով մատանեաւ

«ко всѣмъ этимъ письмамъ приложилъ печать прежде самъ *сюнійскій властитель* Васакъ *сво-*

եւ ապա ամենայն տանուտեարքն Հայոց (*գլ. լգ*, стр. 63).

ей печатью, а потомъ и *весь армянскіе танутеры*».

* * *

На ряду съ названіями танутеръ и ишханъ у армянскихъ историковъ постоянно можно встрѣтить терминъ *сепуһъ*. Кто же такіе были «сепуһ»и и какое они имѣли отношеніе къ главѣ рода, танутеру? Лингвистическій анализъ слова былъ произведенъ, какъ указано въ первой части этого труда, проф. Н. Я. Марромъ.

По толкованію проф. Н. Марра реальное значеніе этого термина должно было быть «главный наслѣдникъ княжескаго рода». Для выясненія занимающаго насъ вопроса необходимо установить, имѣло-ли оно смыслъ наслѣдника дома, притомъ съ опредѣленіемъ старшинства. Для этого слѣдуетъ выяснить, бывалъ ли въ родѣ одинъ сепуһъ, или ихъ имѣлось нѣсколько. Если мы обратимъ вниманіе на этимологическій смыслъ слова сепуһъ visaputhra, то замѣтимъ, что въ моментъ возникновенія этого термина главное значеніе имѣло принадлежность къ опредѣленному дому; тотъ, кто былъ членомъ, сыномъ дома, могъ, вѣроятно, называться visaputhra, сепуһъ; старшинство, насколько можно судить по составу слова, не играло роли; всякій членъ являлся visaputhra. Подразумѣвалось ли при этомъ право наслѣдованія княжескаго дома на основаніи состава этого термина рѣшить невозможно; есть основаніе предполагать, что не подразумѣвалось. Такое значеніе однако слово могло имѣть у себя на родинѣ, но нѣсколько иное въ армянской жизни; поэтому нужно на основаніи данныхъ армянскихъ историковъ выяснить, одинъ ли сепуһъ бывалъ въ родѣ, либо домѣ, или ихъ бывало нѣсколько?

Въ сочиненіи Лазаря Парпскаго изъ каждаго рода упомянуты по нѣсколько сепуһ'овъ; напр., изъ рода Мамиконьяновъ одновременно названы два сепуһа; изъ нихъ одинъ Васакъ, про котораго на 122 стр. (*գլ. կբ*) сказано «*քաջ սեպուհն Մամիկոնէից Վասակ, եղբայր սպարապետին Վահանայ*» (см. также стр. 125, 132, 134, 135, 141, 171), а другой Мушегъ, который на 143 стр. названъ сепуһ'омъ, но очевидно и раньше носилъ данное имя, какъ это видно изъ страницы 86, гдѣ онъ называется нахараромъ; а ниже будетъ показано, что подъ нахарарами подразумѣвались или танутеры, или ишханы, или сепуһи. Разъ онъ потомъ называется сепуһомъ, то, очевидно,

это же подразумѣвалось и въ томъ случаѣ, когда историкъ называлъ его нахараромъ.

И изъ рода Ванандъ упомянуты также одновременно два сепуһа, одинъ изъ нихъ Атгенъ названъ на 153 стр., другой Вренъ на 172 стр.

Итакъ, сепуһомъ назывался не исключительно старшій наслѣдникъ дома. *Сепуһомъ повидимому и въ Арменіи назывался каждый членъ нахарарскаго рода, знатной фамиліи*, онъ равняется по значенію грузинскимъ гварисъ-швили, сахлисъ-каци и сирійскому ܒܪ ܚܐܪ̈ܐ, ܒܪ ܛܘܗܡ̈ܐ. Слѣдовательно сепуһ'овъ могло быть столько, сколько членовъ имѣлось въ данномъ родѣ. *Названіе «сепуһ»ъ не было терминомъ, обозначающимъ особую должность, особенное достоинство;* поэтому историки часто одно и тоже лицо въ одномъ мѣстѣ называютъ сепуһомъ, въ другомъ мѣстѣ только по имени, какъ случится, то такъ, то иначе:

Напр., объ Варазваганѣ сюнійскомъ Лазарь говоритъ

«այր մի ՚ի տոհմէն Սիւնեաց... Վարազվաղան (*գլ. ե*, стр. 39).

«нѣкій мужъ, *сепуһъ* рода Сюнійцевъ, ...Варазваганъ».

Этотъ нѣкій мужъ изъ рода Сюнійцевъ на 40 стр. уже называется *զպիղծ սեպուհ Սիւնեաց զՎարազվաղան*, на 42 стр. тотъ же Варазваганъ упомянутъ только *по имени*, а на 85 страницѣ авторъ вновь придаетъ ему эпитетъ сепуһ'а.

Тоже самое можно сказать объ ʿМайакѣ Мамиконьянѣ: на 37 стр. написано только, что онъ братъ Вардана, на 63 стр. говорится *սեպուհն... ՚ի Մամիկոնէից տոհմէն* сепуһъ изъ рода Мамиконьяновъ, а на 73 и 74 указано только его имя безъ эпитета, между тѣмъ на 74 онъ вновь названъ сепуһомъ.

И про Врена Ванандскаго на 171 стр. сказано только *«կարգեալ զգունդ ՚ի ձեռն Վրենայ Վանանդացւոյ* образовавъ отрядъ при помощи Врена Ванадскаго», а на 172 *«սեպուհ Վանանդացի Վրէն»* сепуһъ Ванандскій Вренъ; или еще о Григоріѣ Мамиконьянѣ говорится: «отправилъ и своего племянника одного... Григорія» *արձակէր եւ զիւր եղբօրորդի մի... զԳրիգոր* (стр. 171) нѣсколькими строками ниже на 172 страницѣ сказано *«սեպուհ Մամիկոնէից Գրիգոր»*, «*сепуһъ* Мамиконьяновъ Григорій и т. д.

У Лазаря Парпскаго приводится одно интересное предложеніе, въ которомъ встрѣчается выраженіе, могущее быть истолкованнымъ не въ обычномъ смыслѣ.

«Զորդիս տոհմին Մամիկոնէից եւ Կամսարականաց եւ զայլոց տանուտերացն ժողովեալ յիւրաքանչիւր դայեկաց յամուրս բերդից իշխանութեանն Սիւնեաց ետ անցուցանել» (գլ. լզ, стр. 67).

«собравъ сыновей родовъ Мамиконьяновъ и Камсаракановъ и другихъ танутеровъ отъ каждаго изъ воспитателей, приказалъ повести ихъ въ крѣпости [области, находящейся надъ] властью Сюнійцевъ».

Хотя тутъ выраженіе сыны рода *որդիք տոհմին* и употреблено о дѣтяхъ, тѣмъ не менѣе по значенію можетъ соотвѣтствовать грузинскому выраженію «гварисъ-швили» а сирійскому ܒܪ̈ܝ ܫܘܗܘܠܐ и есть, быть можетъ настоящее армянское слово, равное по значенію заимствованному сепуһу.

Теперь нужно выяснить, была ли какая-либо разница между старшими сепуһами и младшими? Выраженія «аваг сепуһ» *աւագ սեպուհ* встрѣчается довольно часто въ историческихъ произведеніяхъ, напр., у Лазаря П. на 47 стр. *ամենայն տանուտեարք եւ աւագ սեպուհք*, тоже на 58 стр., 62, 65, 81 и т. д. Непосредственныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы разрѣшить этотъ вопросъ нѣтъ: ни у одного историка нельзя встрѣтить такого мѣста, на основаніи котораго можно было бы установить хоть приблизительно, на чемъ именно основывалась разница. По аналогіи съ тѣмъ, что удалось установить о существенныхъ чертахъ различій между старшими и обыкновенными танутерами, различіе старшинства и между сепуһами могло основываться на возрастѣ и важности рода, членами которыхъ сепуһи считались; но въ тоже время это не исключаетъ существованія и разницы компетенцій ихъ и обязанностей; съ этой точки зрѣнія можно было бы предположить, что старшіе сепуһи могли быть первыми лицами въ родѣ послѣ танутера, что вполнѣ согласовалось бы и съ ихъ старшинствомъ по возрасту; при этомъ эти первыя лица — *աւագ սեպուհք* могли быть командующими тѣми войсками, которыя выходили съ нахарарскимъ родомъ; въ такомъ случаѣ, старшіе сепуһи — были бы родовыми военачальниками; хотя нужно опять повторить, что непосредственныхъ указаній въ пользу такого толкованія даннаго термина нѣтъ; нигдѣ не сказано, напр., что во время войны войсками командуютъ только старшіе сепуһи, наоборотъ изъ описаній видно, что очень часто начальниками нахарарскихъ войскъ являются сами танутеры.

Это объ родѣ, его организаціи и связанныхъ съ ними институтовъ, которые имѣли основное значеніе для государственнаго строя древней Арменіи.

* * *

Не всѣ однако роды были одинаковы по своему значенію даже въ самую первобытную эпоху; изъ среды общей всегда выдавались нѣкоторыя родовыя группы своими исключительными качествами и заслугами передъ родными племенами; въ большинствѣ случаевъ заслуги и качества эти были основаны на военныхъ дѣйствіяхъ; въ древности за такія свойства роды пользовались большимъ, чѣмъ остальныя, почетомъ, большимъ вѣсомъ и вліяніемъ въ общественныхъ дѣлахъ; имъ принадлежало обыкновенно и общее предводительство на войнѣ; въ древней Арменіи такая привилегія предводительствованія соединенными войсками принадлежало, какъ извѣстно, роду Мамиконьяновъ. При государственной же организаціи отдѣльные роды, отличенные своими воинскими доблестями еще больше выдѣлялись изъ общей группы, такъ какъ заслуги ихъ оцѣнивались государями, въ глазахъ которыхъ эти роды становились *заслуженными* *«վաստակաւորք»*; цари старались сообразно съ заслугами одарять ихъ и оказывать во всемъ передъ другими предпочтеніе,— эти роды были *«заслуженные роды» վաստակաւոր ազգք, տոհմիկք,* такъ, напримѣръ, Фаустъ разсказываетъ, что

«առաջի թագաւորին զհօրն պատիւն ի գլուխն դնէին ...զի կարի որդի վաստակաւորի էր եւ ի վաստակաւոր ազգէ» (III, *ժա*, стр. 28).

«Предъ царемъ возложили повязку (патив) отца на голову (сына)... *ибо онъ былъ* сынъ заслуженнаго (отца) да и *изъ заслуженнаго рода»*...

Въ противоположность этимъ заслуженнымъ стояли незаслуженные, низшіе роды, это такъ называемые *խոնարհք, անտոհմիկք* или *վատտոհմիկք.* Такимъ образомъ мы переходимъ къ изученію сословій въ древней Арменіи.

Сообразно съ сословными различіями,— въ каковомъ только состояніи и можемъ мы изучать по памятникамъ письменности соціальный строй армянскаго народа,—*роды* были *нахарарскіе и ненахарарскіе «ազգք նախարարաց»*; на нихъ то и яснѣе сказывались заслуженность или незаслуженность, среди нихъ различались роды великихъ нахараровъ *ազգք մեծ նախարարաց* (*Եղիշէ* 115), старшіе роды *աւագ տոհմք* или именитые роды *ականաւոր ազգք* (*Ղազ. Փարպ. գլ. հ,*

стр. 126) родовитые *տոհմիկք* и неродовитые *վատ* или *անտոհմիկք* (ibid.V, *գլ, հե*, стр. 138).

Итакъ, въ Арменіи существовали роды нахарарскіе, напр.:

«բայց քան զամենեսին աւելի այր մի անօրէն եւ այսմուտ, որ աւելի ընդ ազգս նախարարցն գրգռէր զթագաւորն Տիրան» (*Փաւս.* III, *ժը*, стр. 46).

«но болѣе всѣхъ другихъ одинъ человѣкъ безбожникъ и бѣсноватый, который подстрекалъ царя Тирана противъ *нахарарскихъ родовъ*».

«սա կորուսեաց զամենայն ազգս նախարարացն 'ի ժամանակս թագաւորութեանն Տիրանայ արքային» (ibid. IV, *ժդ*, стр. 116).

«онъ погубилъ всѣ *роды нахараровъ* во время царствованія царя Тирана».

...*«հանէր ընդ սուր զամենայն ազատս եւ ազգս նախարարացն զոր եգիտ»*... (V, *ժե*, стр. 216).

«предалъ мечу всѣхъ свободныхъ и *рода нахараровъ*, какихъ только онъ зналъ».

Итакъ роды бывали нахарарскіе; что-же значитъ нахараръ? Единственное пріемлемое объясненіе этого слова принадлежитъ проф. Н. Марру. Слово это является заимствованнымъ изъ древне-персидскаго и представляетъ изъ себя сложное образованіе: первая часть *«nah» նախ, նահ* имѣетъ вѣроятно значеніе области и произошло изъ персидскаго *шah = ահն*, а вторая половина слова *rar* навѣрное иранское слово *radh* (сир. ܪܕ) и имѣетъ смыслъ начальника, главы. Такимъ образомъ нахараръ *նախարար* должно было обозначать главу, начальника области (см. Н. Марръ, Этимологія двухъ терминовъ армян. феодальн. строя, Зап. Вост. Отд. Р. Арх. О. томъ XI, стр. 170—3). Это такъ сказать лингвистическій анализъ слова, его первоначальный смыслъ. Намъ нужно установить, какое значеніе имѣло интересующее насъ слово въ армянской рѣчи, въ общественной жизни; нужно выяснить, кого называли нахарарами и что они изъ себя представляли. Единственный способъ достичь этого—обратиться къ самимъ историческимъ памятникамъ и прослѣдить оттѣнки въ его употребленіи. Первымъ возникаетъ вопросъ являлось ли это слово названіемъ общаго характера или оно имѣло болѣе узкій, конкретный смыслъ. Матеріалы не оставляютъ никакого сомнѣнія, что нахараръ употреблялся съ широкимъ, общимъ значеніемъ: у Лазаря Парпскаго, напр., сказано:

…«ոմն յԱնձեւացի նախարարացն սեպուհ մի, որում անուն էր Յոհան» (գլ. հ, стр. 127).

«*нѣкто* изъ *нахараровъ* Андзеваци, одинъ *сепуhъ*, имя котораго было Іоаннъ».

Тутъ *сепуhъ названъ нахараромъ*, очевидно послѣднее является болѣе общимъ обозначеніемъ, подъ которое подходитъ и сепуhъ; тоже самое видимъ мы у цитированнаго нами автора, у него упомянутъ

«սեպուհ մի յազգէ Ամատունեաց, որում անուն էր Առանձար» (գլ. լը, стр. 69).

«одинъ *сепуhъ* изъ рода Аматунійцевъ, имя котораго было Арандзаръ»,

На 286 стр. онъ оказывается нахараромъ, какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка:

«քրիստոսասէր կալեալ նախարարքն հայոց, որոց անուանք են այսոքիկ… ի տոհմէն Ամատունեաց… Առանձար» (գլ. խէ, стр. 86).

«пойманные христолюбивые *нахарары* армянскіе, имена которыхъ слѣдующія… *изъ рода Аматуни… Арандзаръ*».

Подобный примѣръ можно привести и касательно Мушега, который на 143 стр. произведенія Лазаря П. называется *сепуhомъ «սեպուհ մանիկոնէից մուշեղ»*, въ то время какъ на 86 стр. онъ именуется *нахараромъ*. Однако есть не мало и такихъ случаевъ, когда ишханы также называются этимъ словомъ, напримѣръ, *ишханъ* дома Аматунійцевъ Ꝟаhанъ *«իշխանն տանն Ամատունեաց զՎահանն»* (ib. *գլ. խբ*, стр. 75) былъ *нахараромъ*, какъ это видно изъ 86 страницы того же труда. Тоже самое можно констатировать и по отношенію Семеона Андзеваційца *Շմաւոն Անձեւացի*, котораго на 75 стр. Лазарь именуетъ *ишханомъ* дома Андзеваци *«իշխանն տանն Աձեացի»*, на 86 уже *нахараромъ*. Точно также какъ и по отношенію къ Аршавиру Камсаракану, который тамъ же на 71 стр. упомянутъ *ишханомъ իշխանուն Արշարունեաց Արշաւիր*, тогда какъ на 86 онъ названъ въ числѣ *нахараровъ;* что нахараръ въ сравненіи съ ишханомъ имѣетъ болѣе общее значеніе, это видно изъ заключительныхъ словъ списка ишхановъ, командовавшихъ различными отрядами; тамъ сказано:

…«եւ ահեկէ կողմանէ պատրաստէր զինքն իւրով գնդովն եւ իշխանաւն Առաւեղենից Փա-

«по лѣвой сторонѣ расположился самъ со своимъ отрядомъ и съ ишханомъ Аравеґенцевъ

փագաւ եւ այլ իշխան նախարարօքն Հայոց» (ibid. *գլ. լԹ*, стр. 72).

Папагомъ и съ другими армянскими *ишханами-нахарарами»*.

Въ этомъ случаѣ слово ишханъ употреблено какъ бы для того, чтобы болѣе точно опредѣлить широкій смыслъ и значеніе другого термина нахараръ.

Есть еще случаи, когда слово нахараръ употребляютъ историки относительно танутеровъ, какъ напр. *[тану]теръ* Гнуиійцевъ Атомъ *տէր Գնունեաց Ատոմ* (ibid. стр. 45) на 86 страницѣ Исторіи Лазаря Парпскаго названъ *нахараромъ;* притомъ и подобныя выраженія вродѣ *նախարարաց ամենեցուն եւ սեպհաց* (ibid. стр. 50) показываетъ, что иногда слово нахараръ употреблялось въ смыслѣ танутера. Это совершенно ясно видно особенно изъ приведеннаго у Лазаря Парпскаго на 45 стр. (*գլ, իդ*), списка нахараровъ, которые тутъ же внизу у него названы танутерами. Итакъ, *нахараръ можетъ обозначать и сепуһа, и ишхана и танутера;* это нечто иное, какъ названіе одного общаго понятія, подъ которое подходили всѣ три и которое противолагается только *ոստանիկ*'амъ, *ռամիկ*'амъ и *շինական*'амъ; объ этихъ группахъ никогда не говорится у историковъ, какъ объ нахарарахъ или нахарарскихъ родахъ; наоборотъ нахарары и шинаканы это два крайнихъ полюса; у историка, напр., говорится:

«եկին... մեծամեծք նախարարք, կուսակալք, կողմնակալք, գաւառատեարք, գործակալք եւ դասապետք շինականաց». (*Փաւ*. IV, *ծա*, стр. 165).

«пришли... великіе нахарары, окраиноначальники, краеначальники, областные начальники, служилые и *главы группъ* (дасъ) *поселянъ* (шинакановъ).

Итакъ слово *нахараръ должно быть общимъ названіемъ всѣхъ членовъ родовой аристократіи*, въ рукахъ которой была сосредоточена высшая власть по управленію страной; поэтому то и сепуһъ, одинъ изъ членовъ рода, и танутеръ, и ишханъ могутъ носить общее имя нахарара. Было однако различіе между нахарарами, одни назывались просто, другіе *աւագ նախարարք* старшіе нахарары, но его значеніе уже разъяснено въ связи съ танутеромъ.

Переходя къ изученію остальныхъ соціальныхъ группъ или сословій, существовавшихъ въ Арменіи, нужно оговориться, что — скудость матеріаловъ не даетъ возможности выяснять въ достаточной

степени ихъ правовое положеніе; удается только устанавливать, которое изъ нихъ считалось свободнымъ, которое зависимымъ, либо крѣпостнымъ. Изъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ историковъ можно выбрать всѣ названія сословій; у Елисея, напр., говорится:

«զունդ կազմէր ՚ի Հայոց մեծաց զազատ եւ զազատորդի եւ յարքունի տանէ զոստանիկ մարդիկ»... стр. 16).

«онъ формировалъ отряды изъ Великой Арменіи: изъ *свободныхъ* («азатъ») и *дѣтей-свободныхъ* («азатворди») и изъ *царскаго дома и людей востанскихъ»*.

Тутъ достойно вниманія терминъ *«азатворди»* *ազատորդի* *«сынъ свободнаго»*, употребленный отдѣльно отъ термина «азат» *ազատ* *«свободный»* и имѣющій аналогію въ грузинскомъ აზნაური и აზნაურისშვილი «азнаури» и «азнаурисшвили».

Къ сожалѣнію это слово очень рѣдко попадается у историковъ и опредѣлить, чѣмъ отличались «азатворди» *ազատորդիք* дѣти свободныхъ отъ «азатовъ» *ազատ* и въ какихъ они родственныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ находились другъ съ другомъ, невозможно.

Достойно вниманія, что *«азат»ы* *ազատք* «свободные» составляли особую отъ нахараровъ сословную группу; это видно изъ того, что при пересчитываніи сословій историки эти два термина называютъ отдѣльно одинъ отъ другого, напр., Лазарь Парпскій говоритъ:

«առեալ ընդ իւր զնախարարսն եւ զազատս եւ զամենայն ռամիկն որք կամաւորութեամբ երթային ի գործ պատերազմի (Ղ. Փար, գլ. Հա, стр. 128)...

«взявъ съ собой *нахараровъ* и *азатовъ* и всѣхъ рамиковъ, которые охотно шли въ военное дѣло»...

Тотъ же авторъ разсказываетъ:

«ժողովէր առ ինքն զամենայն հաւատարիմ ուխտապահաց գունդ: զնախարարս եւ զազատս եւ զամենայն այրուձիոյ»... (ibid. գլ. ձթ, стр. 160).

«собралъ около себя весь отрядъ довѣренныхъ охранителей союза: *нахараровъ* и *азатовъ* и всю конницу».

Правовое и соціальное положеніе ихъ невозможно установить; ясно только одно, что *«азат»ы* *) *«свободные» составляли среднюю группу между нахарарами и рамиками.*

Немного можно сказать и объ *«рамик»*ахъ *«ռամիկ»*. Единственно что удается выяснить это вопросъ, были ли они свободными, или зависимыми? Матеріалы, имѣющіеся у историковъ, убѣждаютъ, что *«рамик»и должны были считаться свободными;* это видно изъ того, что на совѣтъ по поводу положенія страны персидскій высшій сановникъ приглашаетъ и «рамик»овъ, такъ, напр. Лазарь передаетъ, что

«Հրաման տայր Նիխոր ամենայն եկելոց ընդ Մամիկոնենին Վահանայ՝ նախարարացն եւ ռամկաց մտանել յատեան առ նոսա» (*Ղ. Փար. գլ. ղգ*, стр. 169).

«Нихоръ далъ приказаніе всѣмъ, пришедшимъ вмѣстѣ Ваhаномъ Мамиконьяномъ, *нахарарамъ* и *рамикамъ войти къ нему на совѣтъ».*

И послѣ того, какъ всѣ приглашенные вошли, и началось обсужденіе, то Ваhанъ, по словамъ того же историка, сказалъ Нихору:

«այժմ աստ են առաջի քո նախարարք եւ ազատք եւ այլք յոստանիկք մարդկանէ եւ այրուձիոյ որերոյ» (ibid. *գլ. ղգ*, стр. 170).

«теперь передъ тобой находятся нахарары, и азаты, и другіе изъ людей востаниковъ и *изъ конницы».*

Подъ *конницей* Ваhанъ вѣроятно подразумѣваетъ «рамик»овъ. Что *«рамик»и считались свободными, это можно видѣть изъ того, что древній грузинскій переводчикъ армянскихъ агіографическихъ памятниковъ «рамик» передаетъ словомъ «чинебули» выдающійся*, напр., въ *муч. Атома и сына его и друзей» առ... ծառայս մեր, առ ազատս եւ ռամիկ հեծեալս հայոց* (*Սհ.* XIX, стр. 72) = მონათა ჩუენთა აზნაურთა და ჩინებულთა მჴედართა მიმართ ქ̃უნის სომხითისათა» (аоон. сборн. л. 234.а).

Востаник'ами *ոստանիկ* назывались тѣ жители, которые происходили изъ области *արքունի տուն*, принадлежавшей прежде лично армянскому царю. Каково было правовое положеніе «востаник»овъ *ոստա-*

*) Этотъ терминъ заимствованъ изъ древнеперсидскаго (Hübschman, Arm. Gram I, 91).

նիկ удѣльныхъ были-ли они свободными, или зависимыми. Одно мѣсто изъ сочиненія того же Елисея даетъ совершенно ясное разъясненіе вопроса. Онъ говоритъ:

...«*բազում եւ այլ ազատ մարդիկ, որ Ոստանիկս անուանեն յարքունիտանէ*» (стр. 85).

«много и другихъ *свободныхъ людей* изъ царской области, *которыхъ называютъ востаниками*».

Слѣдовательно *востаники свободны;* является однако вопросъ, всѣ-ли жители царской удѣльной области были свободными, или только свободные изъ нихъ назывались востаниками; были-ли они и при армянскихъ царяхъ свободными, или получили свободу только тогда, когда армянская царская власть была уничтожена персидскимъ правительствомъ? всѣ эти вопросы должны остаться до открытія новыхъ матеріаловъ нерѣшенными.

Въ исторіи Елисея имѣется еще одно мѣсто, которое содержитъ свѣдѣнія объ остальныхъ сословіяхъ. Онъ разсказываетъ, что представитель царя персидскаго отъ имени своего повелителя объявлялъ всѣмъ:

...«*եթէ ոք 'ի հեռի աշխարհ ուրուք գնացեալ իցեն... եթէ յազատաց իցեն, եթէ 'ի շինականաց իցեն, եթէ եկեղեցւոյ... եկեսցեն*»... (стр. 120).

«если кто либо отправился въ какую-нибудь отдаленную страну... будутъ ли они изъ *свободнаго [сословія]*, или «шинакан»овъ *поселянъ либо [лицъ] изъ церкви*... то пусть вернутся».

Лица изъ церкви были, конечно, клерики; тутъ нужно обратить вниманіе на терминъ *«шинакан» շինական* поселяне. Прежде всего объ ихъ правовомъ положеніи: были-ли они свободными, или нѣтъ? Можно съ увѣренностью сказать, что *«шинаканы» были несвободными*, зависимыми отъ знати; *они противополагаются у историковъ свободнымъ*, какъ это видимъ у Фауста; про Нерсеса католикоса сказано:

...«*զհոգեւոր սիրոյն եռանդն ածէր առ ամենեսին, առ մեծամեծս եւ առ մանկունս, առ պատուականս եւ առ անարգս, առ հարուստս եւ առ աղքատս, առ ազատս եւ առ շինականս*». (IV, *դ*, стр. 80).

«горячую духовную любовь проявилъ по отношенію всѣхъ, и къ большимъ и къ малымъ, и къ почетнымъ лицамъ и презрѣннымъ и къ богатымъ и къ бѣднымъ, и къ *свободнымъ* и къ *шинаканамъ* (поселянамъ)».

У того же автора про смерть военачальника Самуила говорится:

«Լային զնա առ հասարակ ազատք եւ շինականք» (ibid. V, *խդ*, стр. 266).

«его оплакивали всѣ одинаково и *свободные* и *шинаканы* (поселяне)».

Болѣе точное опредѣленіе положенія ишнакановъ невозможно за неимѣніемъ данныхъ. Они жили въ деревняхъ, занимались видимо обработкой земли, но *имѣли какъ кажется извѣстную организацію*; это можно заключить изъ того мѣста Фауста, гдѣ пересчитываются представители страны, которые собрались у архіепископа Арменіи Нерсеса:

«Եկին առ մեծ եպիսկոպոսապետն հայոց Ներսէս մեծամեծք նախարարք, կուսակալք, կողմնակալք, գաւառատեարք, գործակալք եւ դասապետք շինականաց». (IV, *ծա*, стр. 165).

«пришли къ великому армянскому архипастырю Нерсесу великіе нахарары, окраиноначальники, краеначальники, областные начальники, служилые и *главы группъ* (дасъ) *поселянъ* (шинакановъ).

Что изъ себя представляли эти группы или отряды (*դաս*), какова была ихъ организація, ея происхожденіе, власть главъ такихъ группъ, пока невозможно опредѣлить. Историки ни одного слова не проронили объ этомъ, чтобы можно было вывести хотя бы приблизительное заключеніе; *шинаканы составляли* во всякомъ случаѣ *самую низшую соціальную ступень тогдашняго армянскаго общества:* это видно изъ слѣдующаго соображенія: Лазарь П., чтобы показать, какъ плохо относились всѣ къ ренегатамъ, говоритъ

...«ընդ որս կրտսեր շինականք մարդիկք աշխարհին հայոց հաց զարշէին ուտել» (*գլ. ղե*, стр. 173).

«съ которыми даже *мелкіе люди поселяне* (шинаканы) земли армянской гнушались вмѣстѣ ѣсть».

Это была такъ сказать самая сильная обида.

Упоминаются кое-гдѣ и рабы *ծառայ*, но судить объ ихъ правовомъ положеніи и количествѣ нѣтъ пока никакой возможности.

Вотъ все, что удалось намъ выяснить относительно сословій въ древней Арменіи; приходится сожалѣть, что греческіе писатели, хоть бы, напр., Страбонъ не сохранилъ описанія соціальнаго строя Арменіи; при отсутствіи подобныхъ свѣдѣній мы лишены возможности выяснить, когда и при какихъ условіяхъ возникло въ Арменіи соціальное и правовое неравенство; изслѣдователь принужденъ довольствоваться однимъ установленіемъ факта существованія сословныхъ различій, ихъ количества и правового положенія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По мѣрѣ того, какъ изученіе государственнаго строя древней Грузіи и древней Арменіи приводило автора даннаго изслѣдованія къ опредѣленнымъ и въ основѣ тожественнымъ результатамъ, онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ потребность въ сравненіи добытыхъ данныхъ съ государственными институтами другихъ древнихъ народовъ Востока; иногда подобнаго рода сравненія какъ-то естественно шли на умъ, сами собой напрашивались. Хотя это и не входило въ непосредственную задачу, тѣмъ не менѣе авторъ попытался произвести необходимыя для сравнительнаго изученія вопроса разысканія въ доступныхъ ему областяхъ; это было важно отчасти и для основной темы изслѣдованія, такъ какъ въ перспективѣ представлялась возможность установить, было-ли въ достигнутыхъ результатахъ о государственномъ строѣ Грузіи и Арменіи что-либо исключительное, только этимъ двумъ народамъ присущее или передъ нами раскрывались явленія общаго характера. Автора интересовалъ именно вопросъ, насколько отражается въ терминологіи государственнаго строя другихъ народовъ Востока общиннородовая организація. Разысканія могъ онъ произвести только въ персидскомъ, сирійскомъ и лишь отчасти въ арабскомъ. Въ виду того, что еще изученіе государственнаго строя грузинъ и армянъ показало, какъ архаическія черты у одного народа лучше сохраняетъ административная терминологія, у другого — территоріальная, необходимо было собирать матеріалы въ этихъ двухъ направленіяхъ.

У *грузинъ* всѣ административные чины и даже самъ царь въ древнѣйшую эпоху носили одно и тоже названіе «мамасахлиси», что, какъ уже было выяснено, обозначаетъ «отецъ дома», у *армянъ* они

именовались «танутер»ами, слово имѣющее значеніе «господинъ дома»; неизвѣстно однако, носили ли у армянъ и цари это же названіе, — за то у нихъ прекрасно сохранилась территоріальная терминологія: всѣ территоріальныя единицы именовались у нихъ «тун»омъ домомъ, между тѣмъ какъ у грузинъ въ этой области сохранились только весьма слабые слѣды.

Тоже самое нужно сказать и о *персидскомъ* языкѣ; насколько возможно выяснить, слово «домъ» كَد или كَدَه «кэд» или «кэдэ» въ качествѣ термина для всѣхъ территоріальныхъ единицъ не употребляется, тогда какъ административная терминологія прекрасно сохранила архаическія черты; именно слово كَدْخُدا или كتخدا «кэдхуда», обозначающее «господина дома» («кэд»-домъ, «худа»-господинъ) употребляется прежде всего, конечно, въ смыслѣ родовладыки или отца семейства, но одновременно и какъ *старшина деревни* (см. I. Vullers, Lexicon приводится изъ Bahari دهخدا) и какъ *правитель области* (كشورخدا ibid.). Далѣе Вуллерсъ изъ Glossarium Schahnamianum приводитъ, что это слово употребляется для обозначенія лица, уважаемаго, человѣка занимающагося дѣлами и *управленіемъ*, а также *государя* (در اصطلاح وعرف شخصی را گویند که موقور و معتبر و کار ساز و مهم گذار مردم باشد و پادشاه را هم کدخدا میگویند)

И дѣйствительно, у Нершахи говорится, что

یکی وزید از ترکستان آمد بود نام او وردان خداة و ناحیت وردانه اورا بود (Public. de l'école des lang. III série, vol. XIII, стр. ٨)».

«прибылъ одинъ визирь изъ Туркестана, звали его *Варданъ-худатъ и область была у него Вардано*».

Въ данномъ наименованіи визиря Варданъ-худатъ Варданэ, названіе области, равняется «кэд», Варданъ-худатъ = «кэдхуда». У тогоже историка упоминается سامان خدات (ibid. стр. ٥٧) *Саманъ-худатъ* и правители Бухары называются بخار خدات (ibid. стр. ٣٧ ٥٧ и др.) *Бухаръ-худатъ.* Владѣтель Гузана тоже носилъ имя «*Гузанъ-худатъ*» (см. В. Бартольдъ, Историко-географ. обзоръ Ирана, 24). Наконецъ, извѣстно, что прототипъ Шахнамэ Фирдауси носилъ названіе خدای نامه Худайнамэ, т. е. «книга объ худа», очевидно «кэдхуда», или «Иранхуда». Однимъ словомъ, изъ всѣхъ этихъ случаевъ видно, что лица, облеченныя властью, вплоть до самаго государя въ древнѣйшую

эпоху именовались «кэдхуда»; правда, въ вышеуказанныхъ примѣрахъ они называются просто «худа» (Варданъ-худатъ, Саманъ-худатъ, Бухаръ-худатъ, Худа=шахъ), но это, можно думать, не полное названіе, а сокращенное, такъ какъ еще у Фирдауси Кейюмерсъ повелитель Ирана именуется «Кэдхудо»:

کیومرث شد بر جهان کدخدای (изд. Вуллерса, I, ср. 14,8)

بدو گفت جز تو کسی در سرای
چرا باید ای نامور کد خدای (ibid. I, 29,4)

بجستند خورشیدرویان زجای
ازان غلغل نامور کدخدای (ibid. I, 37,14)

Названіе «господинъ дома» «кэдхуда» вполнѣ подходитъ къ древнему повелителю Ирана, вѣдь цари ахеменидской династіи были нечѣмъ инымъ, какъ «родовладыками» (см. Spiegel, Eran. Alter. II, 238—9).

Болѣе того въ персидскомъ даже государство, царство называлось, какъ это устанавливаетъ, основываясь на старыхъ персидскихъ лексикографахъ, Вуллерсъ терминомъ کَدْخُدائی (Lexicon.), т. е. «кэдхудство». Однимъ словомъ, общинnородовая организація весьма ярко отражается въ государственномъ строѣ Персіи, именно въ административной терминологіи.

Историкъ Бируни основаніе института «кэдхуда» приписываетъ Феридуну, приэтомъ онъ указываетъ попутно и предѣлы власти «кэдхуд»овъ; Бируни говоритъ: Феридунъ «приказалъ «людямъ» (النّاس) стать властителями надъ «домами» своими (دورهم) и «семьями» своими (أَهالِيهم) и «сыновьями» своими (أَوْلادهم) и [далъ] имъ названіе «кэдхуда», что значитъ «господинъ этого дома», и назначилъ его (т. е. кэдхуда) правителемъ «семьи» его и «сына» его (وَلَدِه такъ у Sachau[1]) и «власти» (مُلْكه такъ чит. у Sachau, не лучше ли مِلْكه «владѣнія» его) его (см. изд. Sachau, Chronologie, ٢٢٤ его же англійскій переводъ

1) К. А. Иностранцевъ предлагаетъ болѣе правильное чтеніе وُلْده множ. число вмѣсто единственнаго.

стр. 210, по рус. часть этого мѣста приводится у В. В. Бартольда, Туркестанъ во время монг. нашествія, II, 221). Таковъ буквальный переводъ текста Бируни, но не трудно замѣтить, что подобный переводъ совершенно не можетъ уяснить намъ, что собственно сдѣлалъ Феридунъ; тутъ, что ни слово, то нуждается въ комментированіи; такъ, наприм., что значитъ: «Феридунъ приказалъ «людямъ» (الناس), какіе это были люди, которые должны были стать властителями? Очевидно тутъ имѣются въ виду не всѣ люди безразлично, и слово الناس является переводомъ какого-то персидскаго техническаго выраженія, опредѣленнаго термина; поэтому нужно думать, что это неполное выраженіе и подъ словомъ «люди» الناس подразумѣвается «люди домовъ», тѣ самые, что у Табари именуются أهل البيوتات (Nöldeke, Tabari Gesch. d. Perser 71, 437); это были, какъ извѣстно, члены знатнѣйшихъ родовъ въ сассанидскомъ государствѣ; они упоминаются повидимому въ надписи Шабура I (см. Darmesteter, Études iraniennes II, 139). Кромѣ того очевидно подъ «домами» (دورهم) и «семьями» (أهاليهم) и «сыновьями» (أولادهم) подразумѣваются тоже вполнѣ опредѣленныя персидскія техническія выраженія; особенно это бросается въ глаза, если сравнить два послѣднихъ слова «семьи» и «сыновья»; если бы въ текстѣ Бируни эти слова были употреблены въ тѣсномъ смыслѣ, тогда совершенно непонятно, почему «сыновья» названы отдѣльно отъ «семей», вѣдь они входятъ въ ея составъ. Тутъ терминъ «дома» обозначаютъ вѣроятно *области, которыя находились подъ властью «кэдхуда»*, а слово «семьи» обозначаетъ *населеніе или роды той же области*; оба слова и دورهم и أَهاليهم, какъ извѣстно, могутъ имѣть въ арабскомъ подобный широкій смыслъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ могутъ смущать лишь мѣстоименные суффиксы «ихъ» и «его», но данныя мѣстоименія употреблены по тому лишь, что передъ нами административная терминологія родовой организаціи; области назывались, какъ это было между прочимъ и въ Арменіи, «домами» рода, къ которому принадлежалъ «кэдхуда», «домами» танутерскаго рода. Однимъ словомъ, интересующій насъ отрывокъ изъ Бируни касается объясненія происхожденія административныхъ функцій дѣятельности «кэдхуда», какъ правителя области, а не происхожденія власти «кэдхуда», какъ обыкновеннаго родовладыки. Конечно, для окончательнаго уясненія текста Бируни необходимо такъ же изучить государственную терминологію этого историка, какъ это пытались мы сдѣлать по отношенію къ

грузинскимъ и армянскимъ историкамъ; а это не входило въ нашу задачу и слишкомъ трудно, чтобы при столь недостаточномъ знаніи арабскаго языка, какимъ обладаемъ мы, можно было на это отваживаться. Намъ хотѣлось лишь возбудить вопросъ, чтобы этотъ весьма важный для уясненія государственнаго строя Персіи отрывокъ заслужилъ бы должнаго вниманія спеціалистовъ.

Въ *сирійскомъ языкѣ* территоріальная терминологія сохранилась превосходно; ܒܝܬ то слово, которое обозначаетъ «домъ», употребляется въ качествѣ термина для всѣхъ территоріальныхъ единицъ; такъ, города и мѣстности называются ܒܝܬ «бэт», напр.: въ хроникѣ Іисуса Столпника *) говорится, что саранча

ܐܟܠ ... ܘܟܠܗ ܒܝܬ ܪܝܫܥܝܢܐ ܘ ܒܝܬܬܠܐ ܘ ܒܝܬ ܐܘܪܗܝ ... ܐܙܠ ܥܕܡܐ ܠܬܚܘܡܐ ܕܒܝܬ ܐܪܙܘܢܝܐ (XXXIX).

«пожрала ...весь *«домъ»* Риш-Айна и *«домъ»* Тэлла и *«домъ»*(=городу) Урhи (Эдессы)... проникла вплоть до границъ *«дома»* (=области, странѣ) Артейцевъ».

Въ мученичествѣ Маhдука и его братьевъ сказано:

ܡܕܝܢܬ ܡܠܟܘܬܐ ܕܒܐܬܪܐ ܕܒܝܬ ܓܪܡܝ ܠܟܪܟܐ ܕܒܝܬ ܣܠܘܟ (Bedjan, Acta mart. et sanct. II, 3—4).

«главный городъ, который [находится] въ мѣстности *«бэт»* (=области)Гармай, городъ *«бэт»* (=городу) Слукъ»...

Въ мученичествѣ маръ Милеса говорится:

ܢܦܩ ܕܝܢ ܡܢ ܒܝܬ ܠܦܛ ܡܕܝܢܬܐ (ibid. II, 264).

«вышелъ изъ города *«бэт»* (=городу) Лапатъ»

Слово «бэт» употребляется въ сирійскомъ и для страны, даже цѣлаго государства; такъ, напр., въ хроникѣ Іисуса Столпника разсказывается, какъ императоръ Анастасій приказалъ (Руфину), чтю бы онъ

ܩܘܝܗ ܕܐܢ ܗܘ ܕܟܠܐ ܠܬܚܘܡܐ ܐܝܠܗܘܢ ܕܗܒ: ܘ ܕܟܠܐ ܠܐ ܥܒܪ ܠܒܝܬ ܪܗܘܡܝܐ. ܢܬܠ ܠܗ ܕܗܒܐ (idid. LI)

«Каваду, который стоялъ у границы, далъ золото, если только тотъ еще не перешелъ въ *домъ* Ромеевъ (= Византійское государство)».

*) Цитируется по изд. l'abbé Paulin Martin'a.

Сирія также называется *домъ Арамейцевъ*, напр.:

ܥܕܬܐ ܪܒܬܐ ܕܣܠܝܩ ܡܕܝܢܬܐ ܕܒܝܬ ܐܪ̈ܡܝܐ (муч. маръ Посси, Bedjan Acta mar. et sanct. II, 211, см. еще Хрон. Іисуса Столп. LXV).

«великая церковь Селевкіи, города *дома* Арамейцевъ».

Персія называется «*домомъ Персіянъ*», напр.:

ܫܕܪ ܐܝܙܓܕܐ ܠܒܝܬ ܦܪ̈ܣܝܐ (Хроника Іисуса Ст. XVI и LXXVI).

«отправилъ пословъ въ *домъ* Персіянъ».

Сузіана или Хузистанъ называется «*домомъ Хузійцевъ*», напр.:

ܡܠܟܐ ܒܝܬ ܗܘ̈ܙܝܐ ܗܘܐ ܒܟܪܟܐ (Bedjan, Acta mar. et sanc, II, 299).

«царь *дома Хузійцевъ* былъ въ городѣ»...

Страна Разиковъ называлась «*домомъ Разиковъ*», напр.:

ܐܙ̈ܠ ܗܘܐ ܠܗ ܠܐܬܪܗ ܠܒܝܬ ܪ̈ܙܝܩܝܐ (муч. маръ Милеса, Bedjan, Acta mar. et sanct. II, 268).

«пошелъ въ страну *домъ* Разиковъ».

Подобно тому какъ грузинское слово სახლი «сахли» обозначаетъ одновременно и домъ-постройку, территорію и домъ-семейство, населеніе, точно такъ же и сирійское ܒܝܬ «бѣт» употребляется въ значеніи семейства, населенія; такъ, жители города называются «домомъ» ܒܝܬ, напр., Іисусъ Столпникъ въ своей Хроникѣ пишетъ:

ܗܢܘܢ ܐܬܪܥܝܘ ܕܢܫܒܩܘܢ ܠܒܝܬ ܐܡܝܕܝܐ ܟܠܗ ܣܘܢܛܠܝܐ ܘ ܠܒܝܬ ܐܘܪ̈ܗܝܐ ܦܠܓܗ. (ibid. CI).

«они (магистръ и Калліопіусъ) рѣшили скинуть налоги съ *дома Амидійцевъ* (=жителей гор. Амида) [цѣликомъ], а съ *дома Урһайцевъ* (=жителей г. Эдессы) на половину».

Точно также и *племя*, и *населеніе всего государства* называлось «домомъ», напр., у того же автора разсказывается, что

ܛܝܝ̈ܐ ܕܝܢ ܕܦܪ̈ܣܝܐ ܐܬܘ ܠܚܒܘܪ... ܐܦ ܛܝܝ̈ܐ ܕܒܝܬ ܗܘ̈ܢܐ ܕܢܥܡܢ

«арабы [служащіе] персамъ достигали Хабура ...[съ своей

ܒܝܬ ܪ̈ܗܘܡܝܐ܆ ܐܬܘ ܠܘܬ ܚܝܪܬܐ (ibid. LVIII). — стороны] и арабы *дома Ромеевъ* (=византійцевъ), которые именовались *домомъ* (=родомъ) *Талиба* приходили къ Хертѣ».

Даже войско, находившееся подъ начальствомъ Ареобинда, называется «домомъ», напр., Іисусъ Столпникъ пишетъ:

ܟܕ ܕܝܢ ܚܙܐ ܕܙܥܘܪܝܢ ܕܒܝܬ ܐܪܝܘܒܝܢܕܐ ܫܕܪ ܥܠܝܗܘܢ ܚܝܠܐ (ibid. LVI). — «когда Кавадъ увидѣлъ, что [сыновъ] *«дома»* Ареобинда (=солдатамъ) мало послалъ на нихъ войско».

Эго и рядъ подобныхъ выраженій показываетъ, что и въ древней Сиріи войска должны были выходить по родамъ и племенамъ.

Послѣ того какъ выяснилось, что *всѣ территоріальныя единицы древней Сиріи именовались «домомъ», и это же названіе употреблялось для обозначенія населенія деревни, города, страны и даже государства*, что однимъ словомъ, *родовая организація властвовала и давала тонъ соціальной жизни арамейцевъ,* нѣкоторыя употреблявшіеся у сирійцевъ выраженія становятся вполнѣ понятными и логически осмысленными: вмѣсто того, чтобы, напр., сказать: *житель* или *жители деревни, города, страны*, сиріецъ говорилъ: *сынъ* или *сыновья деревни, города, страны;* разъ всѣ эти территоріальныя единицы представлялись «домомъ», то, конечно, жители ихъ должны были именоваться *сыновьями*. Приведемъ примѣры: въ хроникѣ Іисуса Столпника говорится:

ܒ̈ܢܝ ܩܘܪ̈ܝܐ ܢܦܩܝܢ ܗܘܘ (ib. LIII). — *«сыны деревень»* (=сельчане) вышли».

У того же автора горожане именуются «сынами города», напр.:

ܣܘܓܐܗܘܢ ܕܒ̈ܢܝ ܡܕܝܢܬܐ ܣܒܪܐ ܕܚܝܝܗܘܢ ܦܣܩܘ (ibid. XXVIII) — «большинство *«сыновъ города»* (=горожанъ Эдессы) потеряли надежду на жизнь»...

ܚܘܫܒܐ ܠܒ̈ܢܝ ܡܕܝܢܬܐ (ib. XXIX) — «забота объ *«сынахъ города»* (горожанахъ)».

(Подобный же примѣръ см. апокр. дѣянія Wright, Apocr. act. of Ap. стр. ܩܠܗ).

Даже жители страны назывались «сынами», напр. Іисусъ Столпникъ разсказываетъ, что Тамурійцы

...ܫܠܚܘ ܠܩܘܪܝܐ ܕܚܕܪܝܗܘܢ ܘ ܠܬܓܪܐ ܘ ܠܐܟܣܢܝܐ ܘ ܠܒܢܝ ܐܪܥܐ (ibid. XXIII).	«грабили окружные деревни и купцовъ и чужестранцевъ и *«сыновей страны»* (= мѣстныхъ жителей)».

Послѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ примѣровъ является убѣжденіе, что и ܒܪܒܝܬܐ должно было, первоначально по крайней мѣрѣ, обозначать «сына дома», а не «раба» или «кліента», какъ это было обыкновенно потомъ и каковое значеніе единственно принятое во всѣхъ сирійскихъ лексиконахъ. Если «сынъ деревни», «сынъ города», «сынъ страны» (см. Апок. дѣян. апост. изд. Wright, Apocr. act. of Ap. стр. ܡܚ и ܡܟܐ) обозначали свободнаго, просто сельчанина, горожанина, туземца а не раба, совершенно непонятно, почему ܒܪܒܝܬܐ «сынъ дома» должно было имѣть смыслъ раба, несвободнаго? По своему образованію оно ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ вышеприведенныхъ терминовъ. Нужно думать поэтому, что значеніе слова ܒܪܒܝܬܐ какъ рабъ не основное, а второстепенное; быть можетъ, далеко не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ сирійскихъ текстахъ принято теперь понимать данное слово въ смыслѣ кліента и раба, имѣетъ это значеніе. Что интересующій насъ терминъ первоначально дѣйствительно имѣлъ значеніе свободнаго, это доказываетъ пехлевійская надпись Шабура I, въ которой упоминаются barbita и именно въ значеніи членовъ свободнаго, привилегированнаго сословія (см. Darmesteter, Études iraniennes, II, 139).

Разъ у сирійцевъ территоріальная термирологія и названія населенія такъ хорошо сохранили слѣды общиннородовой организаціи, то можно было ожидать столь же обильную жатву и въ области административной терминологіи; послѣ названій: сынъ дома, сынъ деревни, сынъ города и т. д., какъ то естественно ждать термина «отецъ или господинъ дома» для всѣхъ административныхъ должностей, но надежды не оправдываются. Правда, въ сирійскомъ извѣстно названіе «господинъ дома», ܡܪܒܝܬܐ (Матѳ. XIII, 52, XX, 1, 11; Маркъ XIV, 14 и др. цитировано по The pour Gospels in Syriac transc. from the Sinaitic Palimpsest), но только въ тѣсномъ смыслѣ paterfamilias; чтобы это же слово употреблялось для старшины деревни, головы города,

правителя области и даже царя, какъ это было, напр., у грузинъ, персіянъ и армянъ, намъ не удалось найти въ сирійскихъ текстахъ; подобныя значенія неизвѣстны и Payne Smith'у.

Конечно, если спеціально съ данной цѣлью изучить большее количество сирійскихъ текстовъ, быть можетъ еще удастся найти такіе примѣры, но пока разысканія оказались безрезультатными. Имѣются только названія старшины деревни ܡܩܣܢܐ (Хрон. I. Столп. XXIX, XCIII), правителя мѣстности ܡܗܕܐܙܕܐ (муч. маръ Милеса, Bedjan, XCII, Acta mar. et sanct. II, 268), но всѣ эти названія не характерны, хотя даютъ основаніе предполагать существованіе болѣе архаическаго и всеобъемлющаго термина административныхъ должностей.

Въ арабскомъ языкѣ, какъ въ сирійскомъ, хорошо сохранилась территоріальная терминологія и названіе различныхъ группъ населенія: такъ, напр., слово «дāр» دار обозначаетъ домъ, но въ тоже самое время употребляется и по отношенію къ городу, и по отношенію къ странѣ; тоже самое нужно сказать и объ أهل «аhль», оно имѣетъ смыслъ семьи, но употребляется и по отношенію къ городу, такъ, напр., говорится объ семьѣ (= населеніи) города (см. Otto Prockesch, Über die Blutrache bei den vorislamischen Arabern, S. 22).

Административная терминологія, насколько я могъ уяснить себѣ, не даетъ характерныхъ фактовъ; но, конечно, для того, чтобы вопросъ считать окончательно рѣшеннымъ, необходимо предварительно проштудировать всѣхъ арабскихъ историковъ такъ же, какъ это сдѣлано по отношенію къ грузинскимъ и армянскимъ памятникамъ; а это при моихъ знаніяхъ арабскаго было бы затруднительно; это входитъ скорѣе въ задачу арабиста; мнѣ хотѣлось только указать, что и въ данной области могутъ оказатьзя любопытные, тожественные факты.

Такимъ образомъ, наблюденія показываютъ, что общинно-родовой строй въ территоріальной и административной терминологіей персіянъ, сирійцевъ и арабовъ нашелъ себѣ яркое отраженіе, что результаты, къ которымъ мы пришли при изученіи государственнаго строя грузинъ и армянъ не представляютъ изъ себя особенности, присущей только этимъ двумъ народностямъ.

Въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Право современнаго государства» проф. Еллинскъ говоритъ, что «всѣ попытки подробно опредѣлить превращеніе ордъ, племенъ и семей въ государства, должны оказаться тщетными уже потому одному, что одинъ и тотъ же результатъ могъ быть достигнутъ весьма разнообразными путями и пред-

ставляется весьма мало вѣроятнымъ, чтобы процессъ образованія государствъ повсюду былъ одинъ и тотъ же. Здѣсь могутъ быть установлены только самые общіе типы» (рус. пер. стр. 172).

Изученіе грузинскаго и армянскаго государственнаго строя и сравненіе съ соотвѣтствующими институтами персіянъ, сирійцевъ и отчасти арабовъ можетъ пожалуй привести ученаго къ не столь пессимистическому выводу. Задача разрѣшенія этого вопроса перестала бы быть можетъ казаться тщетной если сойти съ почвы гипотезъ и предположеній и отказаться отъ намѣреній доискаться причинъ пре вращенія ордъ, племенъ и семействъ въ государства, а опираться на изученіи государственной терминологіи.

Какъ соціалогамъ при выясненіи вопроса объ универсальности матріархата неоспоримую услугу оказалъ анализъ терминовъ, употребляющихся для обозначенія кровныхъ родственныхъ отношеній, точно такъ же при выясненіи вопроса о «происхожденіи» государства рѣшающее значеніе можетъ быть предоставлено анализу и наблюденію надъ государственно-административной терминологіей; тутъ найдутся надежные факты.

Изученіе государственнаго строя древней Грузіи показываетъ, что организація царскаго рода была совершенно такая же, какъ обыкновенныхъ родовъ, что вся административная система зиждилась на тѣхъ же основаніяхъ; тоже самое наблюдается и въ древней Арменіи, Персіи, у сирійцевъ и т. д.; именно анализъ государственной терминологіи далъ въ этомъ отношеніи существенно новые и любопытные результаты. Этотъ анализъ устанавливаетъ, что и старшина деревни, и глава города, и правитель области всѣ носятъ одно и тоже названіе, обозначающее «отца дома» или «господина дома»; у грузинъ — «мамасахлиси», у армянъ «танутер», у персіанъ «кэдхуда».

Болѣе того, изученіе терминологіи Грузіи и Персіи показываетъ, что это же названіе употреблялось и для царя; у армянскихъ писателей свѣдѣній объ этомъ не сохранилось.

Если перейти теперь къ изученію территоріальной терминологіи, то тутъ факты вырисовываются еще ярче: всѣ административно-территоріальныя единицы, начиная отъ самой маленькой вплоть до самого большого организма: деревня, городъ, область, даже государство носили названіе «дома»; на грузинскомъ — «сахли», армянскомъ — «тун», сирійскомъ «бэ̄т», арабскомъ «бэйт» и «да̄р».

Однимъ словомъ, государственный строй первичныхъ, употребляя выраженіе проф. Еллинска, государствъ есть не что иное, какъ родовой строй; поэтому нужно ли еще ставить вопросъ о превращеніи ордъ и племенъ въ государства? при родовой организаціи уже имѣется государство; гдѣ есть родовая организація, будутъ ли это кочевыя племена или осѣдлыя, тамъ уже существуетъ государство; этимъ устраняется то по меньшей мѣрѣ несправедливое заключеніе, по которому «организація кочевыхъ племенъ», значитъ и такъ называемыя «кочевыя монархіи», приходилось считать «еще организаціями не-государственнаго характера» (Еллинекъ, ibid. стр. 171).

Конечно, для того чтобы за этимъ выводомъ можно было признать универсальное значеніе, необходимо съ данной точки зрѣнія изучить государственную терминологію и всѣхъ другихъ первичныхъ государствъ, чтобы выяснилось, приведутъ ли изысканія къ аналогичнымъ выводамъ; но это уже дѣло отдѣльныхъ спеціалистовъ; намъ хотѣлось только указать на любопытные результаты, къ которымъ приводятъ наблюденія надъ государственной терминологіей грузинъ, армянъ, персіянъ и сирійцевъ и на ту перспективу, которая открывается впереди, если бы подобныя наблюденія надъ терминологіей и другихъ народовъ привели бы къ тождественнымъ выводамъ.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Стр.	Должно быть.	Стран.	Стр.	Должно быть.
4	25	Géorgie	47	24	Ко-біантъ
4	28	источникъ	53	24	[illegible]
5	2	les plus anciens	63	26	плетенные
5	послѣдняя	совершенно	64	6 снизу	свидѣтельствамъ
6	примѣч.	лингвистическія	65	1 „	атакавать
7	13	эпохамъ	66	3 „	моссинойковъ
8		Geographica	74	4 снизу	у азнауровъ
11	2	жизни	79	21	перечнемъ
11	примѣч.	нужно	79	23	отношенія
14	7	привилегіей	80	22	былъ
19	3	Geographica	83	18	придется
19	31	вскользь	83	2 снизу	свидѣтели
27	2	но	89	15	самаго
29	25	индивидуальная	92	10	на чемъ
29	27	Geographica	93	9	сатрапа
35	4	[illegible]	96	10	жизнь
36	2	изъ города въ городъ	101	9	этимъ
36	4 снизу	სომხითისათა	101	19	одно
37	12	кýэqана	102	26	давалась
38	5	შავშეთისა	104	10	Арташесу
40	17	იგი	104	7 снизу	принципы
41	11	ტფილისი	106	15	сюнійск.
41	3 снизу	они	126	9	[illegible]
42	19	передаетъ, онѣ	126	16	нѣкій
43	11	развитую	127	6	подъ
43	25	преувеличенными	127	10	[illegible]
46	12	функціями			

1892. Замѣтки по армянскому языку (ЗВО, т. VII, стр. 73—79).

» Имя Бутъ или Будъ въ армянской надписи VII вѣка по Р. Х. (ЗВО. т. VII, стр. 322—326).

» *Հայկական Ձեռագիրք Ճեմարանի արևելեան լեզուաց ի Պետերբուրգ* (*Հանդէս Ամսօրեայ*, стр. 45—54, 80—85, 111—117).

» Переписка Фотія съ армянскимъ великимъ княземъ Ашотомъ и армянскимъ патріархомъ Захаріею (арм. текстъ и переводъ) (Православный Палестинскій Сборникъ, т. XI, вып. I, стр. 179—279).

» Списокъ рукописей Севанскаго монастыря. Изъ лѣтней (1890) поѣздки въ Арменію. Москва, стр. IV+59.

1893. Новые матеріалы по армянской эпиграфикѣ. Ани.—Аламнъ.—Мренъ.—Багаранъ.—Ерowандакертъ.—В. Талынъ (ЗВО, т. VIII, 1893—1894, стр. 69—103).

» Замѣтка о трехъ армянскихъ надписяхъ, помѣщенныхъ въ XIII выпускѣ Сборника (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XVII, стр. 191—197).

» Древне-армянская хрестоматія съ армянско-русскимъ словаремъ для начинающихъ, Спб., стр. III+171.

1894. Надгробный камень изъ Семирѣчія, съ армяно-сирійской надписью 1323 г. (ЗВО, т. VIII, 1893—1894, стр. 344—349).

1895. Мнимое географическое названіе ъ'ротастак, въ Исторіи Агаѳангела (ЗВО, т. IX, стр. 191—197).

» Персидская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ «Амиранъдареджаніани» (ЖМНП, іюнь, стр. 352—365).

» О начальной исторіи Арменіи Анонима. Къ вопросу объ источникахъ Исторіи Моисея Хоренскаго. По поводу критическихъ статей проф. А. Carrière'а (ВВ, I, стр. 264—306).

» Сказаніе о католикосѣ Петрѣ и ученомъ Іоаннѣ Козернѣ. Изъ матеріаловъ для исторіи средневѣковой армянской литературы (Восточныя замѣтки. Сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей Факультета восточныхъ языковъ Имп. Спб. университета, Спб., стр. 9—34).

» Грузинскій изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ „Русуданіани" (тамъ же, стр. 221—259).

» Критика и рецензія а) на арм. книгу „Galouste Ter-Mekertchian, *Armeniaca I II*, Вагаршапатъ 1884" (ЗВО, т. IX, стр. 305—311), b) на арм. книгу: „*Подлогъ Артемія Араратскаго* раскрылъ А. Е. С., Баку 1894" (ЗВО, т. IX, стр. 311—313), с) на груз. книгу: „М. Джанашвили, *Амирандареджаніани*, Тифлисъ 1895" (ЖМНП, октябрь, стр. 324—328).

1896. Житіе Петра Ивера, царевича-подвижника и епископа Майумскаго V вѣка (Православный Палестинскій Сборникъ, т. XVI, вып. II, стр. XXXIX+125).

1897. Армяно-грузинскіе матеріалы для исторіи душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ (ЗВО, т. XI, 1897—98, стр. 49—78).

» Къ вопросу о вліяніи персидской литературы на грузинскую [о *Висраміани*] (ЖМНП, мартъ, стр. 223—237).

» Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армянъ, грузинъ и сирійцевъ (المظفرية). Сборникъ статей учениковъ барона В. Р. Розена. Спб., стр. 67—96).

» Критика на а) работу „*The Barlaam and Josaphat Legend in the ancient Georgian and Armenian Literatures* by F. C. Conybeare (Folk-Lore, London 1896, VII)" (ЖМНП, апрѣль, стр. 483—490), b) арм. книгу: „Галустъ Тэръ-Мкртчьянъ (Міабанъ), *Изъ источниковъ Агаѳангела. Записи о мученичествѣ Горіи и Шмоны, замученныхъ въ Едессѣ*. Вагаршапатъ 1896 (ВВ. №№ 3 и 4, стр. 667—674).

1898. Этимологія двухъ терминовъ армянскаго феодальнаго строя *սեպուհ* sepuh — *sepurh и *նախարար* naqarar — *naharar (ЗВО, т. XI, 1897—98, стр. 165—174)

2050-13

1898. О предполагаемомъ коренномъ родствѣ трехъ армянскихъ словъ ճշմարիտ ṭшmarit, ճշգրիտ ṭшgrit и ճիշտ ṭišt (ЗВО, т. XI, 1897—98, стр. 298—300).

» Hoveleaй ergq, спорный терминъ древне-армянскаго эпоса (ЗВО, т. XI, 1897—98, стр. 300—302).

» Къ критикѣ Исторіи Моисея Хоренскаго. — Г. Халатьянцъ, *Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго* (ВВ, № 1 и 2, стр. 227—269).

1899. Ани, столица Арменіи. Историко-археологическій набросокъ (Братская помощь пострадавшимъ армянамъ. II изд., стр. 197—222).

» Изъ книги царевича Баграта о грузинскихъ переводахъ духовныхъ сочиненій и героической повѣсти „Дареджаніани" (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, т. X, № 2, стр. 233—246).

» Изъ поѣздки на Аѳонъ. О грузинскихъ рукописяхъ Ивера. — О св. Варлаамѣ. — О древне-грузинскихъ переводахъ съ армянскаго (ЖМНП, мартъ, стр. 1—24)

» (1894—99). Сборники притчъ Вардана. Матеріалы для исторіи средневѣковой армянской литературы.

Часть I. Изслѣдованіе. Спб. 1899, стр. XLI—594.
„ II. Текстъ. Спб. 1894, стр. т. XVI—344.
„ III. Приложенія. Описаніе 10 эчміадзинскихъ рукописей съ указателемъ, арабскій и дополнительные армянскіе тексты, армянскій текстъ съ переводомъ сказки „Лиса и волкъ въ западнѣ". Спб. 1894, стр. X—202.

» Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія (ЖМНП, іюль, стр. 241—250).

» Возникновеніе и расцвѣтъ древне-грузинской свѣтской литературы (ЖМНП, декабрь, стр. 223—252).

1900. Армяно-сирійскія словарныя замѣтки. 1. կնշապ = ܟܣܐ (ЗВО, т. XIII, стр. 033—034).

» Къ вопросу о переводахъ съ армянскаго на арабскій языкъ (ЗВО, т. XIII, стр. 035—038).

» Ефремъ Сиринъ, А. О дняхъ празднованія Рождества. В. Объ основаніи первыхъ церквей въ Іерусалимѣ. Армянскій текстъ съ сирійскими отрывками въ армянской транскрипціи XII — XIII вѣка. Изслѣд., изд. и перев., Спб. (ТР, кн. I, стр. 5—55).

» Іосифъ Аримаѳейскій, Сказаніе о построеніи первой церкви въ городѣ Лиддѣ. Грузинскій текстъ по рукописямъ X—XI вѣковъ (съ двумя палеографическими таблицами). Изслѣд., изд. и перев., Спб. (ТР, кн. II, стр. 5—72).

» Краткій каталогъ собранія грузинскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ Имп. Публичною библіотекою въ 1896 году, Спб., стр. 13.

1900—1901. Агіографическіе матеріалы по грузинскимъ рукописямъ Ивера.

Часть первая. Описаніе пяти пергаментныхъ рукописей (ЗВО, т. XIII, 1900, стр. 1—88).
» вторая. Житіе Св. Варлаама Сиро-Кавказскаго (Къ вопросу о „Варлаамѣ и Іоасафѣ") (ЗВО, т. XIII, 1901, стр. 89—144).

1901. Ипполитъ, Толкованіе Пѣсни пѣсней. Грузинскій текстъ по рукописи X вѣка, переводъ съ армянскаго (съ одной палеографической таблицею). Изслѣд., перев. и изд., Спб. (ТР, кн. III, стр. CXIV + 32 + ჲჩ).

» Боги языческой Грузіи по древне-грузинскимъ источникамъ (ЗВО, т. XIV, стр. 1—29).

» Критика на книги: a) „*Этюды по армянской діалектологіи*. Левона Мсеріанцъ. часть I, Москва 1897" (ЗВО, т. XIII, стр. 0120—0134), b) „M. Wardrop and I. O. Wardrop, *Life of St. Nino* (+ F. C. Conybeare, *The Armenian Version of Djouansher*), Oxford 1900" (ЗВО, т. XIII, стр. 0134—0139).

1902. Грамматика древне-армянскаго языка. Этимологія. Вып. I. Спб., стр. 160.

Письмо и чтеніе. Ученіе о звукахъ. Удареніе. Детерминативъ. О родѣ. Склоненіе именъ. Прилагательныя. Числительныя. Мѣстоименія.

» Объ единствѣ задачъ армяно-грузинской филологіи (Кавказскій Вѣстникъ, № 3, стр. 15—29).

» Новооткрытый армянскій текстъ «Паралипоменонъ». (Къ вопросу о переводахъ св. Писанія на армянскій языкъ) (Кавказскій Вѣстникъ, слѣдующій №, стр. 1—18).

